

РИНА ОРЕ

МЕРИДЕЯ ХРОНИКИ КОНЦА СВЕТА

ТРИ ЦВЕТКА И ДВЕ ЕЛИ

ТОМ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Рина Оре

Три цветка и две ели. Второй том

«ЛитРес: Самиздат»

2019

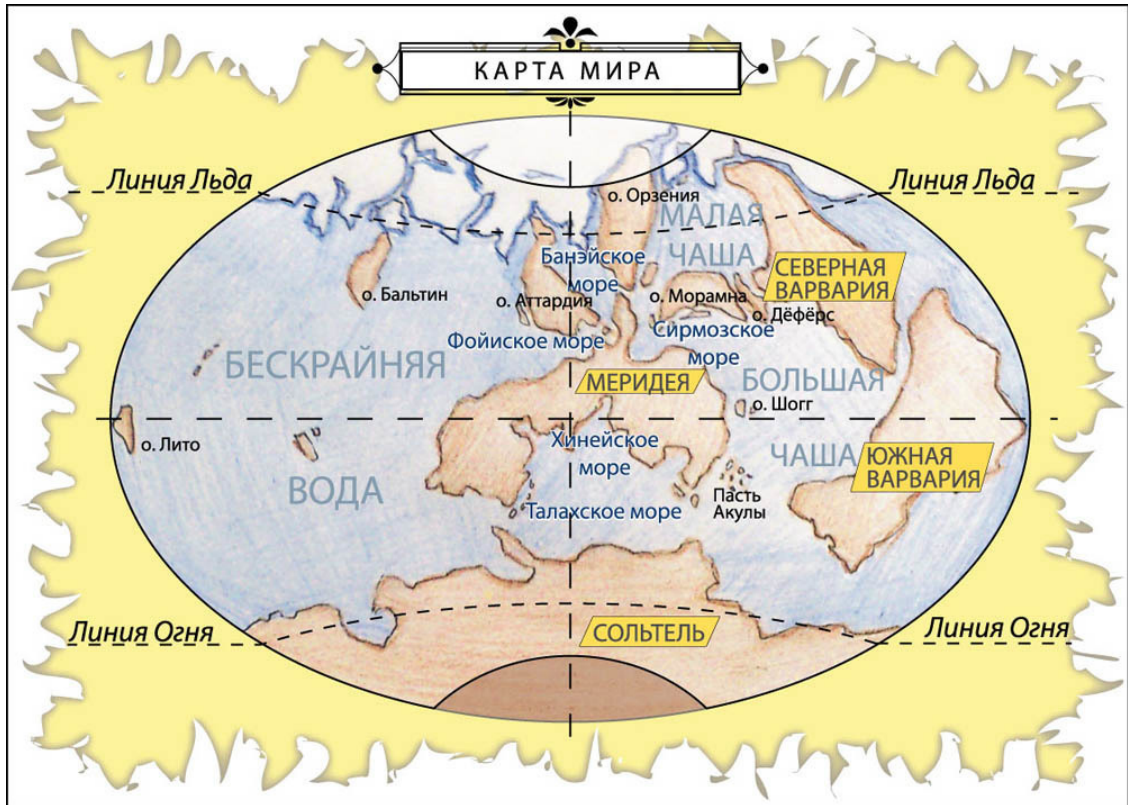
Рина Оре

Три цветка и две ели. Второй том / Рина Оре — «ЛитРес: Самиздат», 2019

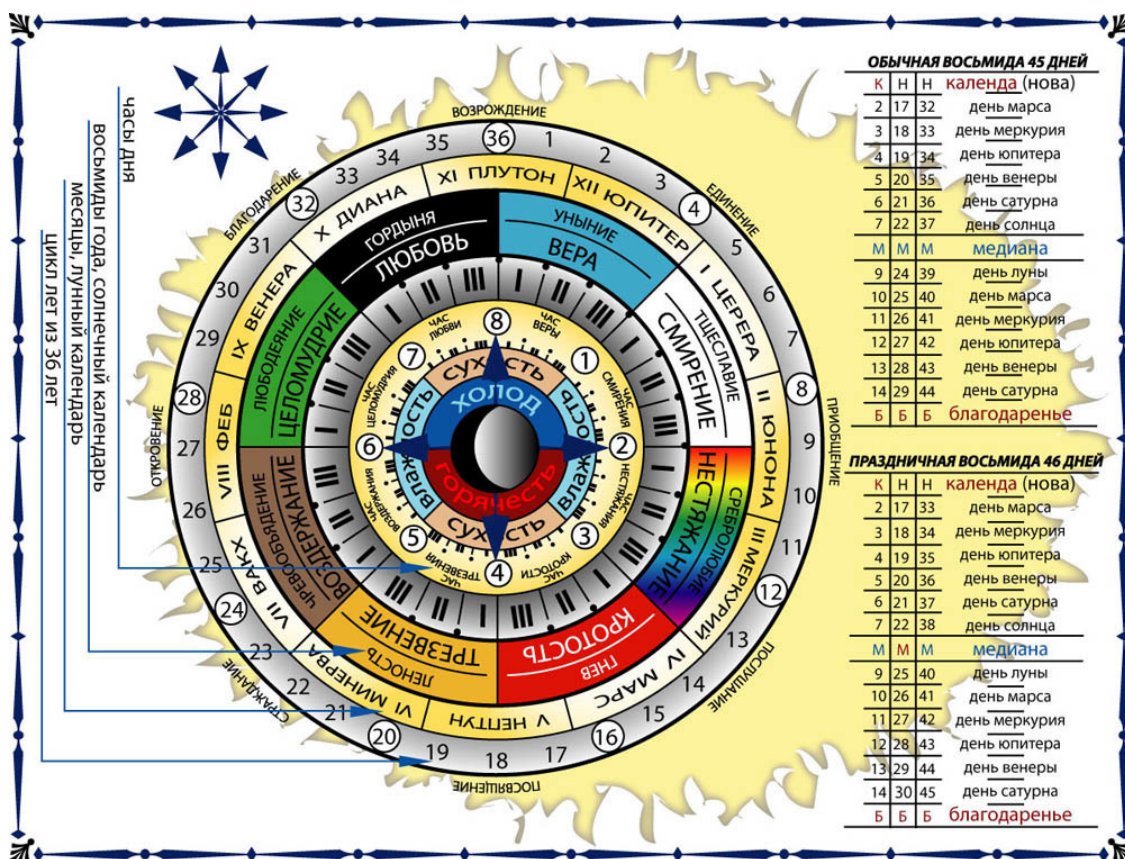
Вторая книга из цикла «Меридея. Хроники Конца Света» непосредственно продолжает первую книгу, «Гибель Лодэтского Дьявола». Действия романа переносятся в «Самое северное королевство», в зимнюю столицу, на рыцарский турнир и конец года, то есть Конец Света... Посвящена эта часть рыцарскому братству и его непростым законам. Иллюстрации и обложка книги выполнены автором. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Времяисчисление Меридеи	6
Праздники Меридеи	9
Глава XIX	11
Глава XX	26
Глава XXI	43
Глава XXII	54
Глава XXIII	69
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Времясчисление Меридеи

Цикл лет – 36 лет (период между столкновениями светил)

Год – 365 дней или 8 восьмид по числу Добродетелей и Пороков

Високосный год – 366 дней (раз в четыре года)

Восьмида года – 45 или 46 дней

1 – Вера (Уныние) – 46 дней

2 – Смирение (Тщеславие) – 45 дней

3 – Нестяжание (Сребролюбие) – 46 дней

4 – Кротость (Гнев) – 46 дней

5 – Трезвение (Леность) – 45 дней (в високосном году – 46 дней)

6 – Воздержание (Чревообъядение) – 45 дней

7 – Целомудрие (Любодеяние) – 46 дней

8 – Любовь (Гордыня) – 46 дней

Триада (треть восьмиды) – 15 дней в обычную триаду, 16 дней, когда празднуются Юпитералий, Меркуриалий, Марсалий, Великие Мистерии, Венераалий или Сатурналий.

Календа – 1-ый день восьмиды или 1-ый день 1-ой триады

Нова – 1-ый день 2-ой и 3-ей триады

Медиана – середина триады

Благодаренье – конец триады (день посещения храма)

Дни в триаде: 1 – календа или нова, 2 – день марса, 3 – день меркурия, 4 – день юпитера, 5 – день венеры, 6 – день сатурна, 7 – день солнца, 8 – медиана, 9 – день луны, 10 – день марса, 11 – день меркурия, 12 – день юпитера, 13 – день венеры, 14 – день сатурна, 15 – благодаренье

День – 16 часов (8 часов от полуночи до полудня и 8 часов от полудня до полуночи)

Час – 72 минуты

Часы дня:

- 1 – час Веры
- 2 – час Смирения
- 3 – час Нестяжания
- 4 – час Кротости
- 5 – час Трезвения
- 6 – час Воздержания
- 7 – час Целомудрия
- 8 – час Любви

Триада часа (треть часа) – 24 минуты

Век – 128 лет

Век человека – 72 года

Возраст Единения – 4,5 года

Возраст Приобщения – 9 лет

Возраст Послушания – 13,5 лет

Возраст Посвящения – 18 лет

Возраст Страдания – 22, 5 года

Возраст Откровения – 27 лет

Возраст Благодарения – 31, 5 год

Возраст Возрождения – 36 лет

Второй возраст Благодарения – 40,5 лет

Второй возраст Откровения – 45 лет

Второй возраст Страдания – 49,5 лет

Второй возраст Посвящения – 54 года

Второй возраст Послушания – 58, 5 лет

Второй возраст Приобщения – 63 года

Второй возраст Единения – 67,5 лет

Второй возраст Возрождения – 72 года

Месяцы:

- 1 – Церера
- 2 – Юнона
- 3 – Меркурий
- 4 – Марс
- 5 – Нептун
- 6 – Минерва
- 7 – Вакх
- 8 – Феб
- 9 – Венера
- 10 – Диана
- 11 – Плутон
- 12 – Юпитер

Начало месяца – появление луны.

Праздники Меридеи

Возрождение – начало года, начало восьмиды Веры, середина зимы

Юпитералий (празднество мертвых) – 23-24-ый день Веры

Перерождение Воздуха – начало весны, начало восьмиды Смирения

Весенние Мистерии – середина весны, начало восьмиды Нестяжания

Меркуриалий (празднество искусств и ловкости) – 23-34-ый день Нестяжания

Перерождение Воды – начало лета, начало восьмиды Кротости

Марсалий (празднество воинского мастерства) – 23-24-ый день Кротости

Летние Мистерии – середина лета, начало восьмиды Трезвения

Великие Мистерии – 23-34-ый день Трезвения в високосном году

Перерождение Земли – начало осени, начало восьмиды Воздержания

Осенние Мистерии – середина осени, начало восьмиды Целомудрия

Венераалий (празднество любви и счастья) – 23-24-ый день Целомудрия

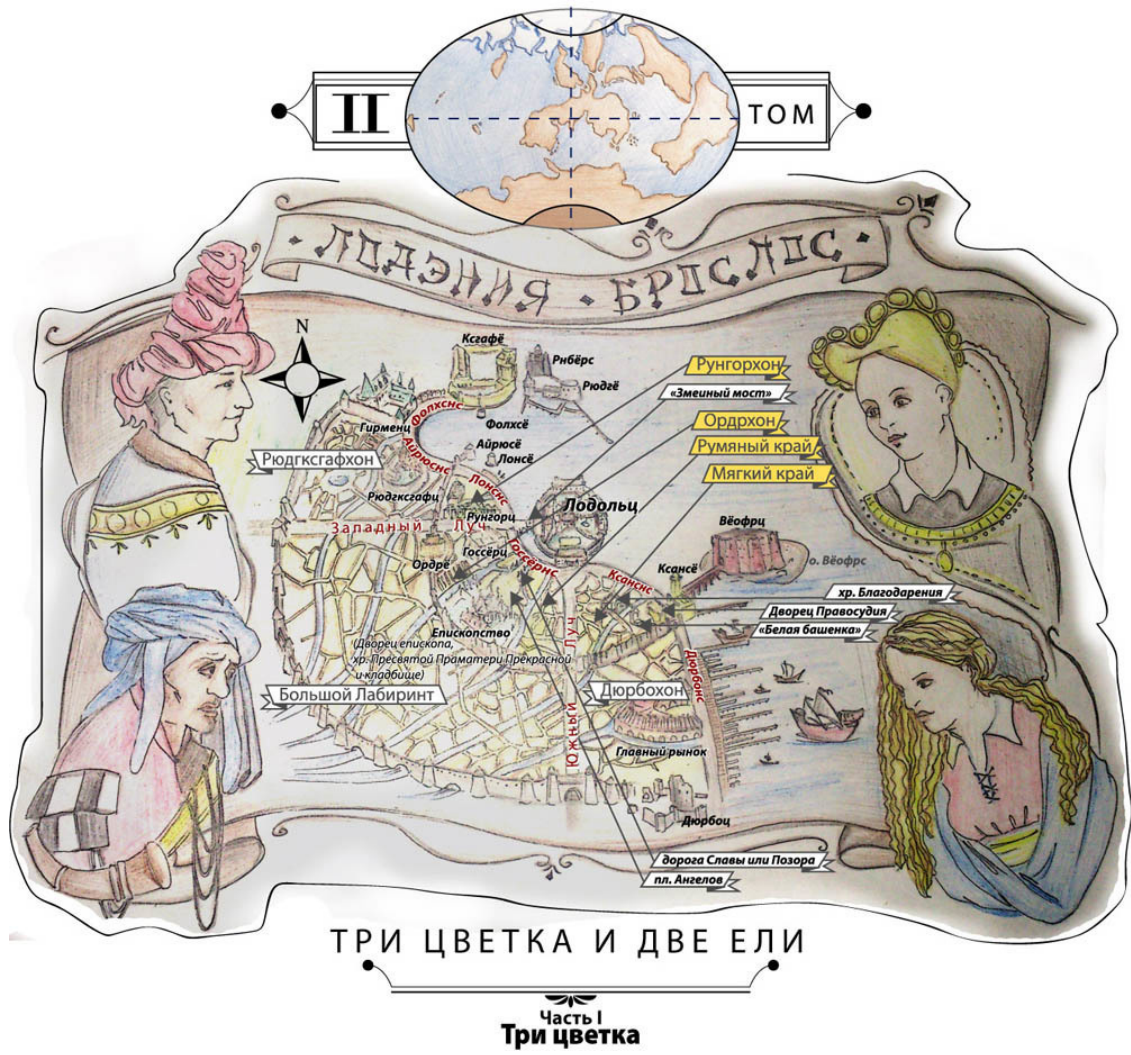
Перерождение Огня – начало зимы, начало восьмиды Любви

Сатурналий (празднество веселья в память о Золотом веке) – 23-24-ый день Любви

Судный День и Темная Ночь – конец года, 46-ый день Любви

Главный Судный День и Темнейшая Ночь – 46-ый день Любви 36-го года или конец цикла из 36 лет (високосный год)

Великое Возрождение – 1-ый день Веры 1-го года или начало цикла лет.

Глава XIX

Пустошь

Меридианская вера гласила, что жизнь может иметь разные формы, ведь во всем, что создал Бог, была его искра. К примеру, растения не говорили и не ходили, зато спали по ночам, закрывая бутоны, питались водой и согревались солнцем. Одни травы усыхали зимой, затем возрождались и однажды погибали окончательно. Другие растения не перерождались по весне, только оставляли после себя семена. Следовательно, мир растений, как и мир плоти, тоже имел высшие формы жизни и низшие.

Всего на Гео лекари-астрологи выделяли восемь миров жизни: мир плоти, мир вод, мир растений, мир камней, мир металлов, мир огня, мир воздуха и мир Бога. Между мирами существовали связи из соков и иногда из сил. Желчь соединяла мир плоти с миром огня, слизь – с миром вод и миром растений, кровь – с миром воздуха, миром металлов и миром камней, черная желчь – разъединяла связи. Кровь являлась соком молодости, черная желчь – старости, слизь – замедляла кровь и продляла жизнь, желчь – ускоряла кровь и приближала смерть. Жизненные силы могли дать извне металлы, камни и воздух, оттого сатурномер показывал счастливые металлы и цвета благотворных камней, воздух же и так окружал человека. Мир Бога был связан со всем и вся, но не соками, а силами, и мог влиять на мир плоти незримо – посему приговоренные чумой неожиданно выздоравливали, зато здоровые падали замертво, и именно поэтому молитва являлась столь же действенным снадобьем, как лечебные порошки или мази.

Образование лекаря-астролога привлекало многих, но где-то в середине своего обучения от него часто отказывались. От астролога требовалось знать всех зверей, все растения и камни на Гео (хотя бы по картинкам в бестиариях, флорариях и лапидариях) их символизм и то, к какому месяцу они принадлежат, а также умение рассчитать, согласно звездам и дате рождения, правильное лечение для больного. Одни школяры не выдерживали зубрежки, вторые – рисования таблиц, третьи – созерцания язв. Последний, восьмой год обучения, школяры-астрологи проводили в городской больнице – как правило, в больницах крупных городов, но их могли направить в любую «дыру». Там им выделялось по восемь больных. Если все восемь выздоравливали, то школяр получал лицензию астролога уровня «с большим почетом» и мог носить красный шаперон на плече. Если хоть один больной умирал, то университет выдавал лицензию астролога уровня «с почетом» и право на черный шаперон. Если умирало больше половины больных – простую лицензию астролога, без шаперона. Если умирали все больные – лицензию лекаря уровня «ниже всех канонов». Такие лекари становились хирургами – тоже порой дорогостоящими врачевателями. Недоучившиеся астрологи нередко трудились для аптек, находили себя в далекой от врачевания алхимии.

Вьён Агтсог бросил университет в начале своего восьмого года обучения, после того как его первому больному резко подурнело и он побоялся убить «ту дряхлую старушенцию». Еще Маргарита узнала от Рагнера, что к тому времени Вьён «уже подцепил в распущенной Санделии головную хворь – занедужил своим чертовым гумноизмом», а в Лодэнии как раз закончилась Тридцатилетняя война. В Ларгосе Вьён искал работу с жильем, поскольку разозленный отец выгнал его из дома; Ранноры искали того, кому могли доверить воспитание шестилетнего (почти семилетнего) Рагнера. Вот так и получается, что Вьёна и Рагнера свели сами звезды, «дряхлая старушенция» и немного «гумноизм».

Ночью Венераалия, ближе к утру, в Ларгосе случилась необычайная по силе буря: волны захлестывали набережную, ветер срывал крыши, из-за дождя затопило окраины. Все думали, что казнь презренного бродяги, убийцы, бандита, осквернителя и насильника Пролы Шорхога придется перенести. Однако буря закончилась столь же стремительно, как началась: к днев-

ному часу Трезвения уже ярко сияло солнце, поэтому колесование и вырывание половых органов провели в назначенное время, после чего тело «нелюдя» оставили на виселице. Господа Тиодо наблюдать за казнью не пожелали, но к полудню пришли в храм, где их радушно встретил отец Виттанд.

Далее, через два дня после Венераалия, господа Тиодо покинули дом Аттсогов – Адреами согласился написать миниатюру с портретом двухлетнего Мигальса Альмондро, а Арл Флекхосог гостеприимно позвал толидонцев к себе. Вьёну Лилия сказала, что в лесу ей жить слишком страшно, а помощи от герцога Раннора она более принимать не желает и видеть не может его охранителей. На прощание господа Тиодо подарили Аттсогам вышитую золотой нитью закладку для Святой Книги и копченый свиной окорок, присланный градоначальником Ньюёдлкоса. Старик Димий был счастлив – и такой вкуснейший окорок, и прожорливый «шивописец» съехал! Зато Ирмина за тринадцать последующих дней не сложила ни одного нового стишка. Вьён закрывался в подвале, где пил с горя и ненавидел бывшего друга.

А «бывший друг», чтобы горю не поддаться, занял себя «важностями», разводя следующие после Венераалия пятнадцать дней бурную деятельность.

Во-первых, Рагнер остановил работы по отсыпке холма, зато открыл долгожданную стройку – верфи и фундамента храма. Более он не боялся того, что ларгосцы будут без работы, но боялся, что по весне коварная Йёртра превратит во «рвы адовы» его «божественную высь». Маргарита видела в Венераалий эту «высь», какая ей отнюдь не показалась божественной – скорее земной, а еще скорее: обычной земляной насыпью, просто очень большой. Но в насыпях она столь же плохо разбиралась, как и в землеробах. «Потому что Земля – это не моя стихия», – решила она и полностью доверилась возлюбленному в вопросах земли, но попросила его советоваться с ней в вопросах воздуха, ведь Воздух ее стихией как раз являлся, а она очень хотела помочь и тоже поучаствовать в благоустройстве Ларгоса. Рагнер пообещал, что непременно так однажды сделает, ведь, когда ему нечего будет строить и перестраивать на земле, то он и до воздуха доберется.

Во-вторых, Рагнер искал кареглазого блондина и скоро пожалел о своей «широкодушевной щедрости». Народ толпами валил к Вардоцу, желая что-нибудь да сообщить, запутывая герцога и отвлекая его. Но Рагнер всегда всех удивлял и лихо справился с этой напастью, объявив, что за ложные сведения возьмет с каждого взыскание в пятьдесят золотых. Толпа «ведающих» растаяла минуты за две, и из трех сотен «не пойми кого» остался один мужчина, который сказал, что занимается скупкой вещей и к нему в лавку пару раз наведывался «тюмнаглазый светляк» на телеге. В последний раз вместе с ним была девочка пяти-шести лет, с темными волосами, но с глазами точь-в-точь как у «па» – именно «па» она звала блондина. Рагнер понял, что насчет семьи не ошибся, заплатил старьевщику золотую монету и поклялся выплатить остальные, если тот поможет схватить бандита.

В-третьих, Рагнер не смирился с тем, что торгаш из него дрянь. Сдаться, лишь бы не воевать, – такого он как рыцарь себе позволить не мог! Пока его винокурня простаивала, он распорядился удвоить печи и перегонные чаны да разместить их в новом срубе по соседству, какой был почти сколочен и какой, по-видимому, не ждала сладкая участь стать сахарным домом. Кроме того, он нашел подходящие места под селитряницы, то есть нанял чернорабочих рыть отстойники для нечистот в деревне у замка и за южными воротами Ларгоса. После он заинтересовался варением соли, ведь расстроился, что его склады имеют только грязную соль, а он хотел одаривать ларгосцев по-герцогски белой солью. Сыры, после успеха черного сыра, тоже попали под его пристальное внимание – и не напрасно: ему подвернулся изумительный, сладкий и мягкий сыр из высокогорного городка Цулоос. Рагнер немедленно снарядил туда отряд, не желая ничего слушать о трудностях передвижения по ледникам зимой.

В-четвертых, Вана Дольсог закончил гениальность с его уборной, и от «деяний великих» они вместе перешли к «суете» – разработке трехпарусника. Рагнер хотел оставить старую добрую

обшивку внахлест, да из дуба, но расчеты гения утверждали, что такое трехмачтовое судно либо потонет, либо перевернется. Однако сдаться, лишь бы не воевать, рыцарь себе позволить не мог! Поэтому Лодэтский Дьявол мучил гения своими «идеищами», не отступая, не теряя боевого духа и не замечая того, что «идеищи» Вана Дольсог называл сперва «идейками», затем «можно подумать» и в итоге «молю, оставьте меня в покое, герцог Раннор!». Словом, гений рыцарем не являлся и не считал позорным даже бегство – в последнюю медиану Целомудрия он удумал натурально сбежать от Рагнера и, вообще, из Ларгоса, а возможно, даже из Лодэнии. Но (ха-ха!) Рагнер же всегда всех удивлял – и нагнал беглеца еще в деревне у замка. Вана Дольсог остался и был, наконец, оставлен обидевшимся Рагнером в покое: герцог поклялся не лезть в его науку, а тот пообещал ему трехпарусник в виде рисунков и формул к Возрождению.

В-пятых, Рагнер Раннор упрочил свою победу над «святой гадиной»: два следующих дня солнца он являлся в Суд как верховный судья и миловал всех осужденных отцом Виттандом. Как оказалось, священник тоже рыцарем не был, а еще он не был гением, поэтому, чтобы не доводить себя до бегства из Ларгоса и не изнурять впустую битвами с тем, кто не сдается, мудро пошел на перемирие. Настоятель забывал о герцогине Ранноре, баронессе Нолаонт и их блудной связи, о «глазах Дьявола» баронессы, о ее хвостах и рогах. Сама того не зная, Маргарита получила послабление от Экклесии, а именно: теперь она могла ходить в храм Благодарения хоть голой, хоть стуча копытами, хоть летая там гарпией и обдавая кафедру проповедника огнем. Отец Виттанд более возражений против любой столичной моды не имел, а обогреву своей кафедры зимой даже бы порадовался, только попросил не дышать пламенем на лик Пресвятой Праматери, а то к таким орензским изыскам дремучие горожане Ларгоса были еще не готовы.

А Маргарита к последней медиане Целомудрия округлилась животом настолько, что о поездках в город верхом на лошади или куда-либо еще в седле ей пришлось забыть, и полетать голой храм да подышать на отца Виттанда огнем она всё равно бы не смогла, даже если бы знала, что теперь ей так можно. Кроме растущего чрева и участвовавших толчков внутри него, изменений день ото дня у баронессы Нолаонт не было никаких: верфи она не строила, гения не мучила, с настоятелем не воевала, а в замке ничего не случалось. Даже появление там Ниля Петтхога расценивалось как событие: он же обыденно приносил панели (ой, а вдруг что-то новенькое!), прятал их на чердаке (ай, как всё таинственно!) и чего-то измерял в обеденной (ну и ну, какой затейник!). От скуки дамам замка его деятельность казалась чрезвычайно интересной, но Ниль, после обвинения в надругательстве и пары ночей в узилище, женщин стал рьяно чураться и даже не желал на них глядеть, словно на самом деле тайно «насилыл» по ночам, а днем из-за боязни раскрытия своих похотливых злодейств таился под личиной женоненавистника. Он требовал от Нёгена вывести из обеденной всех особ, кто хоть как-то походил на «проста мёрзость, енти бабы», даже гонял маленькую Миллэ.

Снег пошел вновь в тот же день, когда с виселицы сняли тело Пролы Шорхога, то есть тридцать первого дня Целомудрия. С того благодаренья и до медианы каждый день с неба то сыпало мукой, то крошило мелом, то летел пух, то падали хлопья, то кружили мухи, – столько разновидностей снега Маргарита успела узнать. Ей нравилась зима: в парке за высокими стенами ветер не дул и там можно было долго гулять, лепить снежки и бросать их в Раоля (какие-никакие, а радости, пусть даже подленькие!). Озеро у замка виделось из опочивальни герцогини пустым белым полем, молочной пустошью. Когда лес за озером в безветренную погоду густо обсыпался снегом, то Маргарита сидела в оконной нише, поставив ногу на ящик-грелку и попивая теплое сладкое молоко, любовалась застывшей и непорочной красотой зимы, ждала синевы неба и возвращения своего мужчины домой. Она больше не плакала, не сомневалась в нем, не закатывала из-за ерунды ссор и не дулась, – теперь она твердо знала, что он ее любит и что она для него дороже всех остальных людей на свете.

Для Рагнера начало снегопада совпало с первой его встречей с Лирией Тиодо. В благодаренье тридцать первого дня Целомудрия он ехал из Вардоца, а на ступенях храма Благодарения

стояла она. Он думал увидеть в ее прекрасных бархатных очах ненависть, как у Вьёна, горькую обиду или разочарование, а Лилия лишь грустно посмотрела на него, после чего немного улыбнулась, показывая, что не держит зла. Однако пушистые перышки снега медленно падали вокруг нее и, ложась на ее щеки, таяли, превращаясь в слезы. Рагнер не остановил коня, не попытался с ней заговорить, хотя очень этого желал: он просто не знал, что ей сказать. Он проехал в тот день мимо нее, направляясь домой, в свой замок, но улыбнулся ей в ответ.

Медиана тридцать девятого дня Целомудрия запомнилась не только рассветным бегством Ваны Дольсога, но также предвечерним появлением в порту «Медузы». Рагнер обрадовался и тому, что его «медузочка-крошечка» не сгинула в жуткую бурю, и тому, что «крошечка» привезла, среди прочих новых лиц, «чертового сиюарца». На причал, широко шагая да вразвалочку, спустился мужчина сорока с лишним лет: полный и крепкий, преждевременно поседевший и примечательный смешными серыми усами, толстыми и короткими, похожими на двух раскормленных гусениц. Сам Оттольд Эккильсгог походил на раскормленного, вальняжного кота, но на верфи он превращался в прожженного солью и продутого ветром капитана, каравшего по морского закону своих работяг так, как ему вздумается. Рагнер облегченно выдохнул: теперь он мог забыть о стройке на холме и быть уверенным, что к весне верфь заработает.

– Оттольд! – с любовью и нежностью обнял его Рагнер на набережной. – Я думал, ты меня бросил! Как в окошко тебя увидел, чуть не всплакнул! И, бегом к тебе, как видишь, чертов сиюарец, бросился!

– Ваш Светлость, – нахмурился корабел, – рыдать, нежничать да целоваться вы мне на хер бросьте! Оттольд вам всё построит и в деньжатах не обдует. А вот мой щетовод, – достал он из-за своей широкой спины пятнадцатилетнего «щетовода»: высокого брюнета, но нескладного, с большими ступнями, какие ему всюду мешались. – Сына! – с гордостью представил юношу Оттольд. – Весь в меня, пойтрета на х... не надобно!

Сложно было найти столь непохожих друг на друга отца и сына, как внешне, так и внутренне. Вайл Эккильсгог смутился, оказавшись перед герцогом Раннором, густо покраснел. Запинаясь, он пробормотал свое приветствие и поклонился. От отца ему достались лишь круглые, карие глаза. Но если Оттольд смотрел на мир смело, то Вайл будто робко выглядывал из-за угла – он пошел в свою кроткую мать, рос нежным, щепетильным мальчиком, вежливым и скромным до чрезмерности. Зато он знал, из чего состоит Рай: из домашнего уюта, запаха сладкой выпечки и ласки. Из Рая Вайла изгнали в возрасте восьми лет, когда его матушка умерла, а овдовевший Оттольд решил, что из сына пора делать мужика – и отдал его в монастырскую школу: чтобы он вырос среди сверстников. Вопреки ожиданиям отца, взросление вдали от семьи сделало Вайла замкнутым и усилило его боязливость – сверстники дразнили его фиалкой, часто били, портили его вещи, – издевались над ним потому, что так устроен мир – всегда в стае будет самый нижестоящий, презираемый, битый несчастливцев. Таким выпало побывать Вайлу. Вот и сейчас, вопреки доводам разума, Вайл панически боялся Рагнера Рагнера, считая, что, едва они останутся наедине, Лодэтский Дьявол врежет ему между ног, а потом со смехом побежит рассказывать об этом друзьям.

– Вымахал как! – оглядел Рагнер Вайла. – Ты без жены еще, Вайл?

Вайл опять что-то невнятно пробормотал.

– Стесняется он еще на хер, – пояснил Оттольд. – О, а как там Олзе Юделхног?

– Через час глянешь сам! Да... Оттольд, при дамах мне не ругайся.

– Понимаю! Мы, Эккильсгоги, горячи, но люди на х... культурные! Вайл, – обернул голову назад Оттольд, – помнишь, как я тебя учил?

– На уй, на ер и на редьку... – смущенно пробормотал Вайл.

– «На уй» тоже не пойдет! – придирился Рагнер. – И «на ер» – сомнительно.

– Еще есть «дуй», но тогда получается «надуй», а Эккильсгоги вам не надувалы!

Беседуя, они направлялись к Вардоцу. Вайл шел позади отца и герцога Раннора, уставившись вниз, на свои большие ступни, чтобы не поскользнуться, не споткнуться и не провалиться куда-нибудь – и в итоге ударился лбом о перекладину журавля-подъемника. Далее состоялось действие, достойное подмостков. Оттольд Эккильсгог требовал от сына обругать механизм, да быть пожестче, а Вайл отказывался. В итоге ни в чем не повинного журавля обругал даже Рагнер и, помогая юноше, портовые грузчики тоже покрыли несчастную перекладину отборной, цветастой бранью. Только после шести минут унижения подъемника, Оттольд над ним сожалел и похвалил сына, сказав, что тот делает «на х... успехи».

Еще «Медуза» доставила в Ларгос нового судью по злодеяниям (спасибо, Аргус) и целых двух винокуров для Рагнера (снова спасибо, Аргус). В письме Аргус написал, что винокуры «чего-то там еще алхимичат», да вот что, пусть Рагнер расследует сам. «Алхимики» являлись недоучками-астрологами, как Вьён, обоим исполнилось девятнадцать лет. Пригожий и статный Эвол Мабног понравился Рагнеру тем, что был тидианцем, «соломенноволосям и небесноглазым», а кудрявый Олвик Упхбáметфасс – тем, что имел смешное имя и сам по себе был смешным: он напоминал барашка, резвого и бестолкового. В замке смешные люди ценились – хоть какое-то разнообразие.

Рагнер пригласил их по отдельности в свой кабинет на переговоры. «Наалхимичить» ему сахара из камышового сиропа согласились оба винокура, но за хорошее жалование, огромное вознаграждение и без гарантии результата. Подумав, Рагнер согласился: назначил им ежедневное жалование в сто сербров, щедрое питание, обеденные места за белой скатертью и, в случае успеха, по пять сотен золотых каждому. Однако давал он им только год для извлечения сахара и алхимичить они должны были в свободное от винокурения время. Также Рагнер предупредил о строгости местных нравов и настоятельно посоветовал ни с кем из замка любовь не крутить, а его не обманывать.

С началом сумерек все они, кроме судьи по злодеяниям, отправились в Ларгосц. Оттольд с сыном и винокуры ехали по снежному, скрипучему покрову, сидя в санях; Рагнер, Эорик и охранители – верхом на лошадях. Темный, спящий лес молчал – не кричали птицы, не стучали дятлы, но свет от фонарей выявлял на сугробах галочки от птичьих лапок и следы лисиц. Морозец пощипывал щеки, охлаждал нос, превращал дыхание в густой пар...

У Пустоши Рагнер подозвал к себе друга.

– Как буря? – спросил он. – Не помешала?

– Буря? – удивился Эорик.

– Да... – удивился и Рагнер. – В Ларгосе будто Морской Царь свадьбу справлял... Так как, гладко прошло? Рассказывай всё.

– Гладко. Я его сам, веревкой. После – в мешок с камнями и в море.

– Не знаю... но что-то неясное меня тревожит, – скривил лицо Рагнер. – Точно он не всплывет?

В темноте, едва рассеянной мечущимися огнями фонарей, Эорик посмотрел на Рагнера с укором.

– Не обижайся, – вздохнул тот. – А кузнец говорил что-то важное или странное. Ты же орензский учишь, я знаю. Ну так как?

Эорик помотал головой.

– Ну а... Только не охай... Красных глаз, например, ты не видел ни у кого? Или был запах мерзкий? Как на скотобойне в Брослосе, кровь да пот?

– Рыбой из трюма несло... – задумчиво изрек Эорик – Но ей и до, и после несло. Всё провоняло рыбой... – понюхал он свой рукав.

– Где его «в море»?

– Как вышли из пролива и отыскиали «Ручеек». Течение унет его глубоко в море, ты сам знаешь.

– Ладно, письмо давай, – вздохнул Рагнер.

Эорик достал сложенную конвертом бумагу из набедренной сумки, а Рагнер затолкал конвертик в свой кошелек. Пару минут они ехали молча.

– А Марлена взяла деньги Огю? – нарушил молчание Рагнер.

– Взяла.

– Значит, дела в миру у Магнуса дрянь... Рернот как? И брат его как?

– Рернота успокоили, брату я сам десять золотых и нож передал.

– А как там дева Енриити? И Марили как? – улыбнулся Рагнер.

Невозмутимый Эорик сразу зачесал свой шрам на переносице.

– У Аргуса у них узнавал – ничего особого, – пробурчал он.

– Слушай, – заговорщически понизил голос Рагнер. – А Лорко там к деве Енриити... чего?

– Ходит, как жених, к часовне, когда Аргус его пускает в Лодольц, но Лорко же ей не чета. У девы Енриити пара знатных ухажеров есть.

– Эх, хорошо! – злорадно улыбнулся Рагнер. – А как ты хотел? – пояснил он. – Лорко мне, конечно, друг и брат, но дева Енриити мне скоро как... дочка будет! Охереть! Эорик! – разволновался Рагнер. – Рыжий, юркий гном точно под юбку моей дочурке еще не пролез?

– Не знааааю! – неожиданно горячо простонал Эорик. – Рагнер, у тебя слишком много дочерей! Два дня слезки за Мираной мне хватило на всю жизнь! Не хочу я больше около твоих дочек крутиться! Не хочу сплетни про них узнавать! И не хочу за ними по дамским лавкам бегать! Еще и дева Енриити – нет, нет и нет! А у меня ведь тоже есть жизнь! Я хочу крутиться у того, у кого хочу, и еще когда хочу!

– Чё? – посмеивался Рагнер. – Не сложилось с Марили?

– А когда?! – прорвало Эорика. – Когда должно было сложиться? Когда я за Мираной подглядывал? Да, наверно, тогда, но Марили за Мираной не следила и за соседним углом не пряталась!

– Ладно, утихни... Наведи порядок в Ларгосе и чеши себе в Брослос. А за Мирану – век тебе буду благодарен! Ну, сам посуди: Мирана бабулю мою бросает, любимой Линдспа оказывается престарелая воспитательница моей жены, которая тоже должность оставляет. И Линдспё нигде не работает, тратит сбережения и хороший дом в столице снимает. И всё бы ничего, но тут я узнаю, что Мирану Эгонн-золотой-камзолон охаживает, а той это – нравится!

– Раз – нрав у королевы Орзении известен своей неуживчивостью! Два – Линдсп всё равно снимал бы дом, ведь замок ты продал! Три – Пенера Фрабвик вполне еще ничего, хозяйственна и бережлива, четыре – за Линдспё я счастлив, пять – Сиурт ничего не видел и только имеет догадки, шесть – почему Мирана не может жить с братом, а должна прислуживать твоей бабуле?

– Потому что еще есть «семь»! Семь – мне всё это не нравится! За детьми, Эорик, лучше переследить, чем недоследить, тем более, если они девицы... А тебе правда спасибо... Чего хочешь в награду?

– Поездку в Брослос к Возрождению! И надолго!

– Нууау... А ладно, заслужил! За триаду Лентас вряд ли без нас всё успеет здесь развалить, но если мы с тобой, Эорё, когда вернемся, найдем вместо Ларгоса благоухающие цветами руины, то знай – это твоя вина!

В медиану, за обедом, обитатели замка к новым лицам внимательно присматривались. Местная краса (прачки, кухарки, швей и уборщицы, – всего двадцать две «невесты») делила женихов, и в дележе не участвовали только Олзе и маленькая Миллё. Симпатичная, яркошекая

Кётрана, раздавая свою стряпню, обольстительно подмигивала и Эволу, и Вайлу, но последний смущался и, как вскоре выяснилось, танцевал так, что «поплющил» этой поварихе ноги, Эвол же понравился аж восемнадцати соперницам Кётраны – всем, как назло, юным девицам. Олвика Упхбаметфасса приглядела себе Люти – и у нее соперниц не было. Зато красавец-Эвол не понравился всем охранителям и охотникам, а смешной Олвик – понравился. И абсолютно всем в замке понравилась новая игра: «скажи три раза "Упхбаметфасс"».

Рагнер посчитал нужным еще раз напомнить винокурам о том, что развратничать в его доме нельзя и на соблазненной девице придется жениться. А Маргарите он рассказал, почему Железная Олзе упорно отказывала Оттольду Эккильсгогу и не выходила за корабела замуж: кроме того, что Железная Олзе наверняка страстно любила его, Рагнера, покойная жена Оттольда, Ланне, была ее давней подругой, и Олзе считала, что предаст свою память и их дружбу, если выйдет за благоверного Ланне. Рагнер и сейчас ставил на Олзе тысячу рон, однако Маргарита видела, что верность Оттольда не оставляет равнодушной эту «страшную женщину». Была бы у баронессы Нолаонт тысяча золотых, она бы смело заключила спор с герцогом.

На другой день Рагнер ненадолго отлучался из замка, чтобы показать Эволу и Олвику винокурню. Оттольд тоже не выдержал без дела и успел осмотреть со своим «щетоводом» верфь. Вечером того же дня случился не обед, а веселое пиршество в честь нового военачальника Ларгоса, господина Эорика Ормнога. «Местная краса» даже позабыла о Эволе, ведь теперь «их Эорё» сидел по правую руку герцога, носил серый шаперон на правом плече и даже иногда говорил. Но Эорик, похоже, питал воистину сильные чувства к Марили и остался равнодушным к чарам целой дюжины прелестниц.

И наконец наступил сорок первый день Целомудрия, долгожданный для Маргариты, – ночью она собиралась на свой первый Дианаалий, негласное празднество невест, случающееся в полнолуние месяца Дианы: в эту ночь они гадали на женихов, поскольку богиня древних Диана была девой и охотницей, а желаннее добычи, чем хороший муж, не могло и существовать для свободной дамы. Экклесия клеймила эти ночные посиделки «ведьмовскими оргиями», но порочные от природы женщины священников упорно не слушали, да и Маргарита не намеревалась. Вот только ей снова не с кем было собраться – подруг у нее в Ларгосе не завелось. Однако, вспомнив о «дружбе» с Соолмой, Маргарита еще с новы начала ее уговаривать посидеть и поворожить немножко (ну совсем немножечко!).

Соолма долго ей оказывала в счастье закатить «ведьмовскую оргию», ведь в замке эту черную кожей и свирепую лицом врачевательницу без всякой ворожбы считали полуведьмой, но лаской и нежностью (нытьем и подлизыванием) Маргарите удалось сломить ее сопротивление. Черные Царицы тоже рыцарями не являлись и могли позволить себе уступки, если вволю нафыркались на баронесс.

Весь сорок первый день Целомудрия совершенно счастливая Маргарита провела с Рагнером, который (о чудо!) никуда ни разу не уехал. Большую часть дня они нецеломудренно нежились на ложе в его спальне, под одеялом и меховым покрывалом, смотрели на снегопад и болтали. А ночью, с началом часа Любви, она, с холщевым мешочком и всем необходимым инструментом для «ведьмовской охоты», поднялась на четвертый этаж.

– Знала бы ты, как было непросто раздобыть каштаны, – жаловалась Маргарита в спальне Черной Царицы, доставая из мешка кулечки и чарки. – И Люти еще... Я ей «сахар» говорю, а она, дура, мне всё соль несет!

– Люти ничуть не дура, – холодно ответила Соолма.

Они сидели на полу, вернее, на подушках, в таинственной темноте и при свете маленького огонька от маленькой глиняной лампы с ручкой.

– Я знаю, что она вредничает, – невозмутимо разливала воду по трем чаркам Маргарита. – С того суда мне больше не приносят каш с улыбкой из масла. Но пусть только попробуют

пакостить. Если я найду мышь в своем белье или в одеждах наследника, то Рагнер их замучает до смерти в страшном подвале.

– Ну... мышь будет не сразу. Пока они тебя боятся из-за Рагнера. Если он уж даже Вьёна ради тебя предал...

– Я не просила! Он сам так решил!

– Конечно... Что надо делать с этими чарками?

– В одной – сладкая вода, в другой – соленая, а в третьей – простая. Но сперва надо тащить из каштанов желуди, – открыла Маргарита мешочек. – Говори: «Скажи, Диана, сколько раз я пойду под венец», бери горсть и клади в чашу. Сколько будет желудей – столько будет у тебя супружеств.

– Скажи, Диана: сколько раз я пойду под венец? И кто ж тебя этому страшному ведовству обучил? – язвила Соолма, вытаскивая руку из мешка.

– Беати. Она успела на свой Дианаалий до замужества... И сколько у тебя там мужей? – любопытно заглянула Маргарита в чашу, но Соолма ревниво закрыла ее рукой и стала копаться в ней одна, выискивая среди шариков каштана продолговатые желуди. – Знаешь, – поджала Маргарита губы, – Дианаалий – это должно быть весело, а ты вовсе не весело одна копаешь мужей.

– Мои же мужья, – сосредоточенно искала их Соолма.

– Это пока желуди!

– Одного, что есть из плоти, ты у меня уже забрала, а желудевых мужей не дам... Не дала бы, но их и так нету! – шмякнула она латунной чашей о пол.

– Дай я! – взяла Маргарита чашу, тоже пошуршала каштанами и даже высыпала содержимое чаши себе на подол платья. – Правда нет... – заключила она и принялась собирать чашей орехи.

– А в мешке мужья есть? – усомнилась в честности «подруги» Соолма.

– Щас я буду тянуть – и увидишь. А ты не расстраивайся, – успокоила ее Маргарита, сыпая каштаны в мешок. – Потом на любовников тащить будем.

– А меридианки все развратницы? – продолжала язвить обиженная желудями Соолма. – Или только ты?

– Выходит, что все. Скажи, Диана: сколько раз я пойду под венец?

Маргарита высыпала горсть из руки в чашу и стала выуживать «мужей».

– Раз, – говорила при этом она, – это Иам, два – это Ортлиб. Три! Рагнер! Четыре... – пропала ее улыбка. – Пять... – ошалела она.

– Вот ты шлюха!

– Венчаться – это не блуд. И я сама не рада. И потом, это всё чепуха, – опять стала улыбаться Маргарита. – Просто дурацкие желуди.

– И зачем мы тогда их тащим?

– Потому что Дианаалий – это весело! Теперь я закрою глаза, а ты меняй каждый раз чарки местами. Скажи, Диана, какая жизнь меня ждет с третьим супругом? – взяла она с закрытыми глазами одну из трех чарок и отпила из нее. – Пресная... – снова расстроилась она. – Ну ладно. А с четвертым? Сладкая! Кто ж это такой... Может, я до Рагнера успею еще раз выскочить замуж?

– Не сомневаюсь, – проворчала Соолма. – Пей давай быстрее пятую.

– Соленая...

– Ну, не расстраивайся! Потом на любовников пить будем!

– На любовников воду не пьют. А у тебя яда хватит, чтобы ларгосскую гадюку убить, если она тебя укусит!

– Не смей шутить над этим! – резко разозлилась Черная Царица. – Лучше радуйся, что я тебе ничего не сделала за Вьёна и за то, что ты, едва появилась, разрушила дружбу, что длилась двадцать шесть лет!

– Но я тоже не могла предать Нинно. Я тоже знаю его с семи лет! Я знаю, что он не виновен! Знаю!

– Не ори, и давай свой мешок, – засунула с него руку Соолма. – Скажи, Диана: сколько мужиков познает моя несчастная, обманутая ими плоть?

– Не так надо спрашивать... – пробурчала Маргарита. – И сколько у тебя мерзавцев?

– Три.

– Ха! И кто здесь шлюха?!

– Ты теперь тащи. И вопрос задай, как у меня. Всё должно быть честно!

– Хорошо... Скажи, Диана, скольких мужей познает моя бедная и несчастная, обманутая... или не обманутая ими плоть? Раз, два, три, четыре, пять, – выкладывала она из чаши на пол желуды. – И шесть... Какой уродливый орех...

– И кто здесь шлюха? Даже с уродом ляжешь!

– Я даже знаю имя этого уroda, – перестала улыбаться Маргарита, бросила желуды обратно в мешок и туда же ссыпала каштаны из чаши. – И никакая я не шлюха: пять законных мужей и мразь, что надо мной надругался... Неверный вопрос, я же говорила...

– Что дальше делать надо?

– «Не надо», а «я хочу». Дианаалий – это весело...

– Мне не весело.

– Мне уже тоже... На детей еще можно желуды тащить... И можно полить воском в воду – воск любой ответ знает.

– Какой умный воск! – не переставала ехидничать Соолма. – Всего-то воск, оказывается, спросить надо! И зачем глупые люди выдумали суды и университеты?! Впрочем, про суды я теперь знаю: чтобы обвинять невиновных, и отпускать насильников!

– А ты всё не успокоишься?! – разозлилась и Маргарита.

– Хочу, но не могу. Вьён прав – это было судилище над Лирией Тиодо. Отвратительно вспоминать! А еще мне мерзко вспоминать, как ты без усталости ревела после насилия над тобой, но в перерывах между хныками и соплями соблазнила Рагнера, а в Суде ни разу не пожалела другую жертву – передумай ты и скажи Рагнеру, то вместо судилища восторжествовала бы справедливость, а Вьён и Рагнер остались бы друзьями! Тебя и сейчас совесть не мучает?!

– Не мучает... – тихо сказала Маргарита, терзая пальцы. – Говорю же, Нинно не мог. Он на Ульви сразу женился, едва раз с ней спяну лег. И мучился потом – пока не сбежал в конце концов. А эта Лирия... Соолма, ну разве не странно? Она отказалась от охранителей, одна поехала во тьме через лес, ты не смогла ее осмотреть, собаки не смогли взять след насильника, ее кошелек был выпотрошен... Значит! – осенило ее. – Раз кошелек потрошили, то ценности искали! Одурманенный до бреда человек не стал бы ценности искать. Это точно был не Нинно! Если, вообще, кто-то был!

– Какая же ты дрянь!

– Не я, а она! Послушай же! Я помню себя после насилия... И ты помнишь. Разве я хоть раз в ратуше распустила волосы? А она распускала в нашей Оружейной! А ее корона из кос в Суде!

– Не продолжай! Меня теперь послушай, – сурово говорила в густом мраке своей спальни черная и свирепая лицом Соолма. – Рагнер занимался розыском, ты же в замке сидела. Раз у него нет сомнений, то я ему верю. А в ратуше ты была замужней – вот и носила платок, но с Рагнером при этом легла. Про тебя Гюс Аразак тоже сказал, что над тобой вовсе не надругался, а просто бросил и унижил любовник, ведь презирал. Сейчас я думаю, что он был прав. Любо это слушать? И еще я помню, на какое место Рагнера ты пялилась, едва его увидела, госпожа

Совиннак! Ты бесишься оттого, что теперь для Рагнера не только ты обесчещенная красивая бедняжка, – вот и льешь грязь на несчастную женщину, какая безупречна в поведении, в отличие от тебя!

– Я пойду, – хмуро ответила Маргарита и начала завязывать мешочек с каштанами, но вдруг Соолма его у нее отобрала.

– О нет, как раз сейчас мне весело! Скажи, Диана, – засунула она руку в мешок, – сколько деток я рожу? – высыпала Соолма горсть в чашу. – О, смотри-ка! Один есть! – показала она желудь. – Что и надо было доказать! Неправда это: и твои желуди, и твои слова, и ты сама!

Маргарита ничего не стала ей отвечать. Она тоже достала горсть орехов из мешка, сунула добычу в карман платья, после чего не без труда поднялась и вышла из спальни Соолмы, оставив там всё, что принесла для ворожбы.

Рагнер не спал. Открыв потайную дверь, Маргарита увидела освещенный полукруглый проем и, пересекши опочивальню герцога, вошла туда, в кабинет, по трем ступеням.

Кабинет Рагнера Раннора еще не превратился в захламленный чердак, но с каждым новым днем увереннее шел по этому пути «к совершенству»: ларь завалился свитками и бумагами, на полу, у печки, Айада свернулась калачиком среди своих игрушек (кабаньей кости с копытом, старой рубашки Рагнера и большой подушки), на многоярусную угловую полку страшно было смотреть – так ее нагроулили вещами. Между свертками, ларчиками и книгами Маргарита разглядела подзорную трубу и янтарь с осой.

Рагнер сидел за столом, среди хаоса из бумаг, и что-то писал.

– Налеталась на метле? – повернулся он к Маргарите. – Быстро ты.

– Мы поругались с Соолмой. Она ведь науку чтит, а не всякое сильванское волхвование, – подошла Маргарита к столу. – Хочешь знать, сколько у меня будет от тебя детей?

– Давай.

Маргарита высыпала из кармана на пустой край стола свою «добычу».

– Опять попался! – расстроено сказала она, показывая на покореженный, наполовину почерневший желудь. – С этим уродом всего-то лишь три!

– Эй! – возмутился Рагнер, обнимая ее и сажая к себе на колени. – Наше чадо так не обзывай! Я буду любить даже горбатого карлика... Плоть – это тлен и песчинки, важна лишь жизнь души! Мне всё это Магнус еще в Элладанне как следует разъяснил и наглядно доказал собственным примером.

– Как же я тебя люблю, – прошептала Маргарита, целуя его в губы, после чего она обвила рукой его плечи и прислонилась щекой к его щеке. – А ты что делаешь?

– Считаю прибыль от своего торгашества... – тяжело вздохнул Рагнер.

– И как?

– Ну... я делаю крупные успехи. Даже грандиозные! Прогорел всего на десять золотых, а не на сотню, как в прошлый раз... Если так пойдет дальше, то третья ходка «Медузы» должна принести мне прибыль в восемьдесят рон! Кстати, всё белое вино Вьёна сразу разобрали. Жаль, его было немного, но это отличный повод прошмыгнутья завтра до него и отдать ему его долю.

– Помиритесь?

– Наверняка. Завтра особенный для нас день. Сорок второго дня Целомудрия, двенадцатого года, тридцать девятого цикла лет, Вьён пришел в этот замок и мы с ним впервые встретились.

Он немного помолчал и добавил:

– Я это помню, потому что потом меня повезли в Лбнлвонц, на пятый день рождения Хлодии – и тогда я впервые ее увидел тоже. А завтра, уж почти сегодня, Хлодии будет тридцать один год. Быстро время летит...

Вьён успел накурить белого вина на пятьдесят три бочонка, десять из которых Рагнер раздал в Венераалий и посчитал их купленными самим собою. Четверть прибыли за пятьдесят три бочонка составляла тысячу триста одиннадцать сербров и три медяка. Медные монеты Рагнер искать поленился и бросил в замшевый кошелек только серебряные.

Сорок второго дня Целомудрия «алхимики» впервые отправились работать на винокурню, а Оттольд Экильсгог вместе с отрядом Рагнера поутру выехал на санях из замка. У Пустоши Рагнер свернул направо и совершенно один направился по лесной дороге к дому у озера, так как встреча бывших друзей не могла не пройти без унижения герцогского и рыцарского достоинств, швыряния в Рагнера ретортами и криков с нравоучениями про «гумноизм».

Ирмина тоже обиделась на Рагнера и не спустилась вниз, а старик Димий не обиделся и шепнул тому, что хозяин уж три дня как «шижит в шваём шерышёге» и не выходит, только берет еду.

Рагнер без воодушевления сошел по винтовой лесенке на полуподвальный этаж и постучался в дубовую дверь.

– Вьён, это Рагнер. Я привез тебе твою долю за вино: четверть, как и договаривались... Я никому кроме тебя деньги отдать не могу. Стану каждый день приезжать, пока ты мне не откоро...

Дверь распахнулась. Пьяный и всклоченный Вьён Аттсог, одетый в неизменный красный полукафтан, стоял на пороге, а за его спиной виднелась какая-то очередная чертовщина из «нечто чего-то». «Чертовщина» давно не бесновалась в «чертоге» этого алхимика, и Рагнер улыбнулся чудовищу из тряпок, трубок и сосудов, как дорогому гостю.

– Давай деньги, – буркнул Вьён.

– Герцог Раннор желает войти и говорить с тобой, господин Аттсог, – улыбаясь, сказал Рагнер. – Довольно, друг... Ты и так здорово унизил меня в Суде... Поговорим? Госпожа Тиодо уж съехала. И сейчас ясно, что всё равно ушла бы, как бы ты ни гремел перед ней свои рыцарским хозяйством. У меня так с Хлодией было, и когда я смирился, то перестал делать несчастным и себя, и ее. Ты тоже смиришься с тем, что белоснежный толидонский цветочек не для тебя уродился – бывает...

Вьён зло посмотрел на Рагнера и, приглаживая серо-русые неопрятные волосы, холодно проговорил:

– Нижайше прошу подождать меня в гостиной зале, Ваша Светлость. Я приведу себя в порядок, чтобы не оскорблять ваши знатные очи, а то вдруг вы занедужите и в расстройстве разума совершите благородное деяние.

– Да ладно, всё еще дует...

Вьён резко захлопнул перед Рагнером дверь. Тот снял берет, потер лоб у начала волос и пошел вверх по винтовой лестнице. В гостиной, на игровом столике у скамьи, позабыли миску с печеньем и чашку с теплым молоком. Рагнер понял, что Ирмина недавно была в этой зале, наверняка читала роман, но сбежала при его появлении так быстро, что даже позабыла про свои вкусы. Вздохнув, он положил кошелек с деньгами на столик у миски и отошел к окну. Ожидая Вьёна, Рагнер любовался белым небом, белым лесом и зеленью припорошенных елей на дальнем берегу белого озера. Аттсоги высаживали по годовалому деревцу при рождении своих детей. Елочка «Ирмина» за двенадцать с половиной лет неплохо подросла – ее можно было назвать хоть и молодым, но вполне зрелым деревцем. Хвойная разлапистая громадина Вьёна вымахала выше ели старшего брата и догоняла отцовскую.

Вьён вошел в гостиную с мокрыми волосами и со Святой Книгой в руке – той самой: старинной, в полудрагоценной обложке из красной кожи и серебра.

– Что-то новенькое! – усмехнулся Рагнер. – Будешь мне святыне проповедовать? А как же гумноизм?

– Гуманизм! Гуманизм – это человечность! Больше я хищного зверя учить человечности не собираюсь, как и читать тебе мудрости, святые или нет.

С пламенеющим ненавистью взором его пронзительно-голубых глаз Вьён подошел к Рагнеру и распахнул перед ним Святую Книгу – меж пергаментных, рукописных страниц ярко синела шелковая закладка с вытянутым меридианским крестом – таким же, какой Рагнеру вырезали на спине безбожники в Сольтеле.

– Чччервь... – процедил Вьён.

– Да я не знаю вовсе – почему она такой крест вышивала! – воскликнул Рагнер. – Я сам удивился, когда увидел!

Ничего не отвечая, Вьён закрыл книгу и, отойдя к скамье, отшвырнул ее туда. Его взгляд задержался на мешочке с деньгами, и он издал гортанный, булькающий звук, по какому стало понятно, что его едва не вывернуло.

– Ты накурил превосходного вина, – вздыхая, сказал Рагнер. – Его взяли по два сербра и три медяка за кружку. Возвращайся к делам. Я ждать не могу. Ненавидь меня, сколько хочешь, но винокурня более простаивать не может. Вьён, я нашел двух алхимиков. Им будет, чем заняться, кроме того, как курить вино, но если ты не образу...

Внезапно Вьён с криком бросился на него, пытаясь ударить. Рагнер его поймал, обхватив за плечи со спины, но тот стал пинаться.

– Ты драться не умеешь! – оттолкнул его от себя Рагнер. – Остынь! Ты смешон!

– Она мне сказала, что любит тебя! – закричал Вьён и, пригибая голову, словно баран, понесся на Рагнера снова.

Тот, не желая причинить другу вред, снова попытался лишь обхватить его, однако не удержался на ногах после столкновения с «бараном» и упал вместе с ним на пол, опрокинув ногой столик. Печенье разлетелось по гостиной, а молоко пролилось мужчинам на одежду, но они не перестали кататься и елозить по полу – Рагнер никак не мог усмирить Вьёна или сбросить его с себя. Наконец, ему это надоело и он больно схватил того за волосы, но тут же получил кулаком по скуле. С ревом Рагнер ответил тем же, а затем добавил еще раз – и уже после этого спокойно встал, обозлено сбивая рукой с черных штанов крошки и вытирая молоко. Вьён, зашевелившись на полу, неуверенно попытался сесть и, зажимая рукой окровавленный нос, осоловело глянул на бывшего друга.

– Чеевь, – гнусаво простонал Вьён.

У Рагнера пылала левая щека. Зеркал в гостиной Аттсогов не имелось, но и без них он понимал, что Вьён тоже неплохо приложил к нему кулак.

– Не был я с ней на ложе! – громко говорил Рагнер, снимая с плеч свой черный плащ с соболиным подбоем и встряхивая им в воздухе, чтобы избавиться от крошек. – А еще я не раздевался перед ней – ни выше спины, ни ниже! Обычный крест, просто не очень обычный! А ты всё за ум взяться не можешь?! Из-за дамы, которая даже не твоя, да из-за своего хера, ты чуть дочь не лишил родового имени, оскорбляя мой род и оскорбляя тем самым короля! Надоели мне твои детские выходки. Давно надо было тебе врезать как следует!

– Я и правда позабыл тогда в горячности, что подвергаю опасности не только себя, – поднимаясь и отворачиваясь к окну, горько изрекал Вьён. – И не из-за хера я выступил против тебя – а ради справедливости! Но тебе понять этого не дано – ты, как хищный зверь, знаешь лишь про хер и как убивать. Вы даже о потомстве заботитесь, как звери, – прогоняете сынов с их отрочества от себя. А ведь люди так не живут! Матери заботятся о своих детях до смерти, но не аристократы, не Ранноры... О, зачем, проклятая звезда, ты свела меня с этим волчонком ровно двадцать шесть лет назад?! Будь проклят тот день!

Рагнер молча поднял с пола свой берет и быстро вышел из гостиной. Только на заснеженном дворе, гневно выдыхая пар из ноздрей, Рагнер надел плащ и берет. Пылая снег и вымещая на нем свою злобу, он направился к конюшне и вскоре уже погнал Магнгро прочь от этого дома.

Но в лесу дорога испортилась, и конь, то проваливаясь в сугробах, то оступаясь, перешел с быстрой рыси на шаг. Немного остыл и Рагнер, однако обида пробудила иной вид его гнева – не бешеный, зато праведный.

«Пьянь ты, Вьён! – продолжал он ругаться с бывшим другом. – А еще слабак! Даже дряхлую старушенцию убить не смог, чтобы стать богатым астрологом! Верно, что отец погнал тебя из дома! На мою беду погнал! Думаешь, я рад той нашей встрече? Твой гумноизм и из меня слабака в итоге сделал! Но я на то и Раннор – я исправился, хотя это было непросто, и я перестал быть слабаком! И вовсе не только о хере я знаю и как убивать! Тоже мне друг! Даже не спросил! Заранее решил, что и как было у меня с Лилией! А ведь я мог! Мог! А из-за тебя бегал от нее! А щас сам к нему приехал, опять унизился... А он сразу дратья! Пьянь! Весь разум себе пропил!»

Сняв перчатку, он дотронулся до скулы и с досадой посмотрел на окрашенные красным подушечки пальцев.

«Мои люди поймут, что это ты по моей герцогской морде проехался! Позор! Но это было в последний раз! Довольно с меня такой дружбы и такого друга, – растер он кровь пальцами и вздохнул. – Надо лед, что ли, найти...»

Пока же он приложил к щеке рукоять Анарима, и так, с кинжалом у лица, выехал к Пустоши. На заснеженном лугу Рагнер увидел свежие людские следы – и, повернув голову вправо, не поверил своим глазам, заметив среди острых валунов светло-серый плащ Лилии Тиодо. Молодая женщина зачем-то бродила там, в кругу за камнями и в полном одиночестве, а гнедая кобыла Арла Флекхосога стояла за Пустошью, у дороги в город, привязанная к дереву.

– Что вы здесь делаете? – подъезжая к валунам и убирая кинжал в ножны, удивленно спросил Лилию на меридианском Рагнер. – И снова одна? В такой глуши? Одна ехали через лес?!

– Мой обидчик понес наказание, разве нет? – спокойно ответила темноглазая красавица, рассматривая его разбитую щеку. – Я же не могу всю жизнь прятать себя в четырех стенах.

– Но одной вам точно не стоит ездить по лесу.

– Я собиралась пойти туда, где всё случилось... Посмотреть в лицо своему ужасу и, конечно, я должна была быть там одна. Но, – тяжело выдохнула Лилия. – Я не смогла... Сошла здесь пока. Меня всегда манило это место, да до сегодняшнего дня я к нему ни разу не подходила близко...

– А мне здесь не нравится, – с высоты окинул он взором тринадцать острых глыб, что встали неровным, редким кругом возле неглубокого оврага, в каком притаилась Саагра или Лешийка – извилистая, как пятиглавая змея, тихая речка. Внутри круга из камней и была та самая Пустошь – глинистый пустырь, на каком не росли травы – пустырь всего в десять шагов по длине вдоль оврага и в девять шагов по ширине.

– И мне это место не нравится, – огляделась Лилия. – Но здесь есть что-то... загадочное. Эти огромные камни зачем-то притащили сюда, на край оврага, но зачем? Не знаете?

– Не знаю. Когда мои предки завоевали эти места, почти тысячу лет назад, то эти камни уже здесь были – и уже тогда никто ничего о них не знал.

– А с вами что случилось? И почему вы тоже один? Без двенадцати стражей Дьявола?

– Стражи ищут бандита и убийцу моего брата. Это сейчас важнее. А я поехал к Вьёну. Зря сделал. Получил от него из-за вас... – усмехнулся Рагнер, спешил и прошел за валуны. – Госпожа Тиодо, – приблизившись к ней, поглядел он в бархатные глаза, ставшие при сером свете дня карими и теплыми. – Крест, что вы вышивали... У меня такой же есть на спине. Вы знали про это?

– Такой же крест? – искренне удивилась Лилия. – Извините, герцог Раннор, но это какое-то весьма странное совпадение. Откуда я могла знать? Такой крест являлся мне во сне. Лет... кажется, с двух, еще с младенчества. Когда я до него дотрагивалась, то просыпалась. Мне всегда

было любопытно: дотронуться, не проснуться и узнать, что дальше... вот я и вышла такой крест.

– Зачем вы сказали Вьёну, что любите меня?

– Я сказала всё, как есть, начистоту. А он должен смириться с тем, что я никогда не смогу отдать ему свое сердце, ведь отдала его другому.

– И вы меня правда любите? Даже после того, как унизили себя в Суде, а я отпустил вашего насильника с десятью золотыми ронами в кошельке? Всё еще любите меня?

– Я хотела бы вас ненавидеть, но я понимаю вас: вы пожертвовали справедливостью ради любви, – нежно говорила она, а Рагнер вновь начинал дуреть – проникаться наваждением от ее красивого голоса, гордого лица, вишневых губ и темных глаз. – Помните, я говорила, что любовь это самое жестокое из чувств. Так вот, любовь требует на свой алтарь жертвы. То маленькие жертвы, то большие... И если мы хотим ее сохранить и удержать, то можем пасть низко... Я тогда не в Суде была, а лежала на вашем алтаре. И я оставила на нем честь и достоинство... Хочется надеяться, что это того стоило: что мои страдания и мои унижения надолго продлят ваше лучезарное счастье и сладкую любовь. Меня это утешает. Я радуюсь, что вы счастливы и что безразличны к моему горю. Пусть... Я упиваюсь своим позором, своим мученичеством, но не питаю гнева и не поддаюсь обидам...

– Позор с вас той же ночью смыло море, – не выдержал мук совести Рагнер. – В бурю, что неистовствовала. Я не нарушил клятвы, данной вам и Вьёну. Выродок теперь рыба – я покарал его своим судом.

– Рагнер... – прошептала Лилия, – ...я не зря так тебя люблю...

Она нежно дотронулась до его горящей, побитой щеки, обжигая ее сильнее своим прикосновением. Налетел ветерок, бросив мелкий снег Рагнеру в лицо, будто пытаясь образумить его. На короткие мгновения сизая туча скрыла и без того невидимое солнце – серое небо потемнело, день стал сумерками, а глаза Лилии превратились в бездонные, гибельные, черные... Глубокий колодец, в какой Рагнер хотел пасть, опять позвал его. Одной рукой он обнял хрупкую талию, притягивая к себе белокурую красавицу, а другую руку завел за затылок Лилии и жадно поцеловал ее сладкие вишневые губы.

Стоя, прижав ее спину к большому валуну, Рагнер навалился на Лилию и целовал ее так, будто не мог напиться ее нектаром. Его руки забрались под ее просторное платье – одна нашла ее мягкую ягодицу, другая – маленькую, упругую грудь, дразнящую тем, что она не давалась в руку.

– Да? – тяжело дыша, спросил он Лилию, собираясь расстегнуть поясной ремень.

– Да, я хочу, – чуть слышно прошептала она, целуя его в шею. – Если ты остановишься, то я буду умолять тебя на коленях...

Золоченый Анарим полетел в снег вместе с цепью, кошельком и беретом. При свете дня, никого не таясь, охваченный звериным желанием и позабыв про стыд, Рагнер страстно, жестко и даже жестоко подминал своей мощью чужое хрупкое тело, вжимая его в каменную твердь и содрогаясь от удовольствия каждого момента. Лилия тихо постанывала ему на ухо, обнимая его за плечи и тормоша его волосы. Закрыв глаза, Рагнер чувствовал себя то в жаркой, то в ледяной черноте, сводящей с ума его плоть и дарующей всему его естеству наслаждение с новыми и новым движением ей навстречу. Грозовые разряды, убыстряясь, прокатывались по двум соединенным телам. Мужчина и женщина учащенно дышали в окружающем их безмолвии, не видя ничего, не замечая ничего – только свое удовольствие, переносившее их в таинственный, поблескивающий, черный, словно черный бриллиант, мир, созданный темными божествами для них двоих. В те минуты Рагнер желал пропасть в этом мире навек.

И вдруг мир стал ослепительно белым. Очнувшись, Рагнер успел отстраниться, даже скорее отшатнуться, и оставить свое семя на камне, у его подножия. Тяжело дыша, он упал спиной

на валун, встав рядом с Лилией, вздохмаченной и тоже тяжело дышавшей паром в морозный воздух.

– Не знаю, что сказать, – застегивая пояс и оправляя одежду, сказал Рагнер. – Я как с ума сошел...

– И я рада этому, – улыбаясь, ответила Лилия и тоже начала приводить себя в порядок. – Не надо ничего говорить. Я сама так хотела. Спасибо... Иначе я помнила бы только того зверя...

Отойдя на шаг, Рагнер заметил на валуне каплю крови, попавшую туда с его щеки. Он не стал ее стирать – вместо этого умыл снегом лицо, после чего поднял и отряхнул свой берет, надел его на голову и стал застегивать ремень с кинжалом и кошельком. Он молчал. Дикая похоть, что минуту назад им владела, теперь бесследно исчезла и, прогорев, оставила после себя золу. Зато разрастался стыд: и перед Маргаритой, и перед Вьёном, который оказался прав насчет него, и перед самим собой тоже, за слабость. Но почему-то не перед Лилией. Он не знал, что ей сказать, а сказать что-то надо было.

– Я, похоже, запутался... – пробормотал он. – Никогда не думал, что такое со мной случится... Я редко влюбляюсь. И никогда до этого не любил сразу двух женщин. Я не знаю, что мне сейчас с тобой делать...

– Спасибо за то, что тоже любишь, – с надеждой в голосе произнесла Лилия. – И я не знаю... Но мне было важно слышать, что ты тоже любишь.

– Пойдем быстрее отсюда, – махнул он головой в сторону дороги. – Я в город еду. Провожу тебя...

Лесной дорогой до города, Рагнер задумчиво молчал, Лилия же ни разу его не потревожила. И за эту чуткость он был ей очень благодарен. Приближаясь к городским воротам, он поймал себя на мысли, что хочет пригласить Лилию в Вардоц, в свои покои, где есть спальня... Отругав себя, он решительно изгнал заманчивый соблазн, что можно еще разок, а Маргарита ничего не узнает.

– Здесь мы расстанемся, – внезапно заговорила Лилия. – Лучше мне одной заехать в город... Рагнер, раз ты не знаешь, – смело говорила она и столь же смело смотрела на него, – то я скажу. Пока мы ехали, я поняла, что на многое готова ради счастья, ради любой любви с тобой, хоть тайной, но у меня есть черта, какую я не смогу переступить... Я должна стать дамой твоего сердца, как и она, баронесса Нолаонт. Иначе, я не смогу...

– Ааа... – простонал Рагнер. – Рыцарь из меня – дрянь, уж прости. Затем тебе такой рыцарь, самый презренный в Меридее?

– Потому что ты не такой. Не презренный и не дрянь. И я не презренна, и не дрянь... Ты почти каждый день в Вардоце, а я каждый день бываю в храме – мне просто больше нечем заняться, читаю там «Книгу Гордости»... дошла до тридцать восьмого цикла лет... Потом буду читать «Книгу Позора», – усмехнулась она. – Буду ждать весть от тебя, а если не дождусь, то досажать тебе не стану.

И, не прощаясь, она поехала на гнедой лошади вперед, к городским воротам. Рагнер смотрел: оглянется ли Лилия – она не оглянулась. Он свернул влево, к деревянному мосту через Йёртру на холм.

– Нет, Рагнер, нет! – приказывал он себе по дороге. – Даже не думай, хоть сейчас не будь слабаком. Плохо всё это кончится: в двух дамах запутаться – хуже, чем меж двумя демонами оказаться – они тебе душу на мелкие тряпки изорвут... и сердцем обе закусят. Нет!

Глава XX

Сатурналий

К концу одиннадцатого века стать рыцарем, воином Бога, являлось непростой задачей для мужчины, но посильной. Даже простолюдин мог стать неблагородным рыцарем, если имел законное рождение, происходил из воинов и не являлся в прошлом послушником. Достойные воины с преступным или незаконным рождением могли стать воинами веры, рыцарями Святой Земли Меридиан, какие давали обет безбрачия или целомудрия. От воина Бога нынче требовалось лишь доказать Доблесть, совершив подвиг, и дать клятву, следуя Добродетели Веры. Ранее требовалось еще доказать третью рыцарскую Добродетель – Честь, какую олицетворял конь, незаменимый спутник рыцаря.

Но четкого критерия и определения Чести не существовало. Рыцарь просто вел себя столь достойно, что заслуживал почет даже от врагов. Гордыня не являлась рыцарским Пороком, но достойный воин Гордыни не имел: он мог кратковременно собою погордиться и далее, пребывая в скромности, забывал о былых подвигах, ведь его ждали новые. Отсутствие Гордыни также заслуживало почета, значит, являлось Честью.

Честь еще понималась как «черта» или планка, разделяющая добро и зло, славное и позорное, допустимое и недопустимое, – чем выше была такая планка, тем больше имелось у человека почета, то есть Чести. Мужчины, как считали священники, черту между добром и злом четко проводили для себя с началом возраста Страдания – в двадцать два года и половину. У женщин она возникала сама и намного раньше – с появлением лунной крови. Причем, если у мужчин черта Чести горела Огнем, как стена, то у женщин состояла из Воды и измерялась не высотой, но шириной, – их «речка» то иссыхала, то полнела – поэтому женщины были более гибкими, часто уступали мужчинам, а те прощали им мелкую ложь.

Женщину с ее отрочества просто воспитывали в нравственной строгости и полезном труде: даже герцогиню или принцессу учили ткачеству, вышиванию или другому благородному рукоделию. Зато знатной женщине требовался духовник после ее венчания, который помогал ей полюбить супруга, выбранного родителями, прощать его измены и самой не поддаваться соблазнам – не потерять честь и не запятнать честь рода. Мужские измены честь рода не пятнали, хотя супружеская верность всегда почиталась. Связь на стороне вызывала у общества осуждение (как бесстыдство), и даже мимолетная интрижка могла лишит мужчину доброй репутации, карьеры, клиентов, покровителей... А чтобы у мужчины, особенно у благородного аристократа и рыцаря, высоко поднялась планка Чести, после возраста Посвящения, восемнадцати лет, следующие четыре года он тесно общался с духовником и брал уроки Боговедения.

Герцог Рагнер Раннор отбил от рук священников, попав в плен в Сольтеле; рыцарское достоинство ему выхлопотал в его девятнадцать с половиной лет канцлер Агтардии за несомненный подвиг – спасение своей жизни. Таким образом, без бесед с духовником, но посреди кровавой резни на Бальтине, ужаснувшей всю Меридею, к возрасту Страдания планка Чести у Рагнера Раннора закономерно установилась очень низко, если вообще не валялась на земле. Но он же всегда всех удивлял – и умудрялся сочетать несочетаемое: подвиги с позором, герцогский титул с торговым делом, Порок Гордыни, какой в нем цвел, пах и буйствовал, с Добродетелью Любви. Четвертого дня Любви, второго года, сорокового цикла лет, он устал с собой бороться и решил, что одарить своей любовью в восьмиду Любви всего одну женщину – это не по-меридиански, что он должен всех ею одарить! Но пока слишком занят верфью, торговством, поисками бандита, солеварением, сыроварением и винокурением, значит, пока его хватит лишь на двух дам. Словом, четвертого дня Любви он послал из Вардоца записку в храм для Лилии Тиодо, а когда она появилась в его кабинете, он встал перед ней на колени и поклялся быть ее рыцарем и верным слугой, но быть им тайно.

Четвертому дню Любви предшествовало празднество Перерождения Огня. Для Рагнера Раннора это было особенное торжество, ведь праздновали победу над Бронтаей, какую одержали благодаря ему, Лодэтскому Дьяволу. А еще Вьёну Аттсогу, о вкладе в победу которого никто, кроме них двоих и Соолмы, не знал.

Празднество Перерождения Огня являлось семейным празднеством домашнего очага, тихим и сытным. В первый день ходили в храм на полуденную службу, днем дети и взрослые играли во всевозможные снежные забавы, катались в санях и даже купались в речной проруби. Рагнер, как настоящий лодэтчанин и ларгосец, тоже поплавал и даже не чихнул. Женщин (слава Богу!) в страшной Лодэнии плавать зимой во льдах не заставляли, но Олзе и Люти немножко поплавали, потому что плавать любили. Вечером обитатели замка собрались за дубовым столом, какой, помимо яств, густо усеялся огонечками маленьких светильников и свечей; ближе к ночи в Ларгосе пускали с горок пылающие огнем колеса, разжигали костры и устраивали вокруг них пляски, – любые забавы с огнем приветствовались. Лодэтский Дьявол воскрес тогда на одну ночь, одарив мир «адовым зрелищем» – потешными огнями от безвредных шутих, перепугавших неискушенных лодэтчан. Горожане наблюдали за «беснованием комет» с набережной, люди в замке – с террасы. Дамы взвизгивали, мужчины радостно оралы, – шумный, шумный народ. Маргарита от страха пряталась в объятиях возлюбленного, восхищенно охала и смеялась. Он же едва улыбался. В полночь закончился пост целомудрия, и женатые пары тогда же покинули торжество, а прочие задержались еще на час. Во второй день в замке все отсыпались, и с наступлением сумерек, вновь собрались в обеденной.

Рагнер нестерпимо хотел видеть Вьёна за своим столом и Лилию Тиодо на своем ложе, – хотел ее раздеть, рассмотреть, насладиться ее прекрасным телом без спешки и любить ее не около леса, среди камней да почти на дороге, но на белых простынях и среди меховых покрывал. Это сладострастное желание мучило его, и еще его по-прежнему терзала совесть из-за Вьёна, а доставалось всем подряд и Маргарите, конечно, тоже. Она решила, что возлюбленный просто устал, расстроен из-за раздора с Вьёном и поэтому раздражен, вернее, рычит на всех «аки дикий зверь» – всё ему стало не то и не так, – поварахи неизысканно готовили, дозорные лентяйничали, Маргарита перечила ему, когда не надо, и не перечила, когда следовало. Маргарита же была готова его отравить, но терпела из последних сил, зная, что скоро он опять станет самим собой.

Четвертого дня Любви он, наконец, вернулся в замок к обеду даже не самим собою, а лучше чем был. За столом он трепетно ухаживал за своей «пышечкой» (хорошо уж, что не толстухой!), перед сном заботливо искупал свою «пузатенькую булочку» (наверно, это лучше, чем пышечка), после чего внутри кровати-шкафа нежно «мял свою мягонькую лепешечку» (Рагнер, да покушай же ты вволю хлебов!). За исключением этих странных хлебных похвал, Маргарита не могла на него нарадоваться. Если он был в замке, то окружал ее вниманием и лаской, да дарил подарки, естественно, внушительные, великие по размеру, например: меховое покрывало «как мантия короля» из золотистого бархата с горностаевым подбоем. Орган, кстати, установили в светлице, но, оказалось, что требовался органщик для настройки этого музыкального инструмента. Зато светлица из-за узорных труб органа стала выглядеть помпезно и точно достойно герцогини Раннор.

Рагнер одарял двух своих прекрасных дам любовью в равной мере, не позволяя себе, как рыцарю, из-за усталости пренебрегать одной из них. С Лилисией Тиодо он виделся каждый день в Вардоце, и к концу первой триады Любви их связь перестала быть тайной для тамошних служащих, охранителей герцога, работников его замка и вообще для всех ларгосцев. Одна Маргарита ничего не знала и не подозревала, ведь с Соолмой больше не разговаривала.

У нее, конечно, имелись неясные беспокойства, но ей и в голову не могло прийти то, что теперь ее возлюбленный проводит днем два часа с Лилисией, наслаждая хрупким телом «этой

дряни», а потом, за два вечерних часа, делает с ней, «о какой же большой» Маргаритой, всё то же самое. Запутываясь сильнее и уже не понимая, кого захочет выбрать, когда придется выбирать, Рагнер просто жил так, как получалось, наслаждаясь счастьем сегодня и не думая о завтра.

И всё бы ничего, но Лилия стала заговаривать о будущем, а он не знал, что ей ответить, лгать же не желал. В канун Сатурналия, двадцать второго дня Любви принц Баро еще не прибыл в Ларгос, чему Рагнер был только рад.

– Сегодня уже наш девятнадцатый день, – проговорила Лилия. – Все вокруг знают о нас... кроме нее. Но никто не знает, что я твоя дама сердца, а ты мой рыцарь. Я не жалею, но мне надо больше. Хотя бы знать, чего мне ждать.

Неподалеку воинствовал огонь в камине, в окне белело пасмурное, умиротворенное небо... Рагнер сидел на постели, рассматривая лежащее рядом тонкое и длинноногое создание, словно вышедшее из зыбкого воздушного мира, где лишь порхали бабочки, проносились стрекозы и кружили светлячки. Белокурые волосы Лилии напоминали ему лунный свет, вишневые губы – яркие спящие цветы, темные глаза – ночь, отраженную в водах озер.

– Лилия, я не знаю... Я же тебе уже это говорил, – вздохнул Рагнер. – Я не могу ее бросить. Она мне очень дорога и ты дорога, а я женат – не забывай. Я отлично устроился: изменяю супруге и верчу двумя красавицами. Ну как? Как я могу испортить такой рай? Ни за что!

– Всё шутишь... – улыбалась она. – Ну скажи честно. Я любую правду приму.

– Правда у меня горькая.

– Говори! – потребовала она.

– Если принц Баро привезет мне дозволение на развод, то я отправлюсь с ним в Брослос, разведусь с Хильде и вернусь к одной из вас. Поездка проветрит мне голову... И горькая правда в том, что я, Лилия, наверно, сразу женюсь на ней, как вернусь. Пока она не родила... Поэтому не жди моего возвращения.

– Хорошо, – гордо подняла она голову. – Ответь только одно... меня это будет утешать. Ты пойдешь с ней под венец из-за долга? Из-за того, что не можешь бросить ту, которая на сносях?

– Если бы я сам знал, – вновь вздохнул он и встал с кровати.

Подойдя к окну, он своим глазам не поверил – из-за Южного мыса показался большой, размерами с «Хлодию», красивый золотой корабль, похожий на драгоценную шкатулку. Сопровождали его два боевых парусника поменьше. На белых парусах ярко синели меридианские кресты и желтели ограждающие крест львы, вставшие на задние лапы и державшие по копыю.

– А вот и он... точно в срок... – печально проговорил Рагнер. – Принц Баро прибыл.

Лилия, соскочив с кровати, тоже подошла к окну. Оживилась и набережная перед Вардопом: горожане бежали смотреть на золотой чудо-корабль. Рагнер поцеловал Лилию в губы и стал одеваться.

И она молча оделась. Заговорила вновь, когда они стояли в кабинете, готовыми к выходу.

– Так это всё? Закончилось? Больше меня не любишь?

– Лилия... Послушай... на сегодня для меня картина выглядит так: на одной чаше весов дама, которую я притащил сюда из-за трех морей, жил здесь с ней как с женой более пяти восьмид, она ждет моего наследника, и я ее люблю. На второй чаше весов – ты, которую я тоже люблю, но с тобой я всего девятнадцать дней, и ничего тебе не обещал, и никуда тебя не таскал. И я сейчас не могу ничего решить – только, когда вернусь уже в третьей триаде Любви. Пожалуйста, ни на что не надейся... ее чаша весов намного тяжелее твоей.

– А если я тоже уже жду твоего наследника? Ведь всё может быть!

– Свое чадо я признаю: сына рыцарем сделаю, а дочку замуж выгодно выдам.

– Ну хоть так... Хоть одно обещание у меня есть...

– Лилия, – обнял ее Рагнер. – Ты же моя прекрасная дама, путь и тайная, – нежно шептал он. – Я тебя обижать не позволю... Но... лучше тебе переехать из Ларгоса. В Брослос хочешь? Тебе же там нравилось, и в большом городе не сплетничают... А я там буду часто тебя навещать, я же теперь торгаш!

– Не знаю... – не улыбнулась она. – Поговорим, когда ты вернешься. Может, твое отсутствие и мою голову проветрит... и мы с братом уедем подальше от этих мест... и от тебя...

Он нежно ее поцеловал, зная, что наверняка будет так, как он придумал: Маргарита останется в Ларгосе, Лилия – переедет в Брослос, и он не потеряет ни ту, ни другую.

Большие корабли встали на якорь в море, на отдалении от причала. Когда Рагнер появился на набережной, лодка с его гостями уже подгробала ней. Принц Адальберти Баро утопал в пушистых мехах: кроме большой енотовой шапки он подивил северян меховой мантией из золотистого соболя, широкой куньей оторочкой на сапогах, а также муфтой из лисы, пристегнутой к поясу (тьфу, не в золоту и шелку нынча принцы пошли – рядятся как беднота из Орзении, а муфта-то как у бабы!). И его сын, тоже одетый в шубу мехом наружу и шапку из соболя, выглядел для местных законченным нищевродом.

Лодка пристала между пирсами – к той части набережной, с какой в воду спускались ступеньки. Адальберти, несмотря на свои меха, ловко забрался по отвесной лесенке и «попал в лапы Рагнера»: рыцари соединили руки знаком двойного единства и обнялись.

– Адальберти! Ты, похоже, за Линию Льда собрался?!

– Для южанина двойная шуба, мехом внутрь и наружу в самый раз, – посмеиваясь, ответил тот. – Я в этой шубе сплю. И не шучу сейчас.

– Да, моря наши не для неженков! Как путешествие? Айсбергов не встретил? В буре не потонул? В пролив вошли так, как я объяснял? – засыпал он вопросами принца. – И... привез?

– Путешествие долгим вышло, но погода нам благоволила, и напасти миновали, поскольку молитва, Рагнер, способна разогнать любые айсберги. Да и бури не станут препятствовать рыцарю в исполнении долга чести.

– Здорово. Привез дозволение?

– Всё привез. Так под венец приспичило?

– Ну... увидишь баронессу Нолаонт – всё поймешь.

– Ааа, и так всё ясно... А это – мой Алорзартими, герцог Баро.

Восемнадцатилетний Алорзартими был столь же высок и статен, как его отец; общими у них были вьющиеся черные волосы и тонкие носы с легкой горбинкой. Еще он поражал красотой – даже Рагнер не мог на него налюбоваться: припухлые губы, молочная кожа, грусть в черных очах... И он держал в руках лютню. Адальберти с гордостью сообщил, его сын также играет на арфе, как Феб, мечом разит, как Юпитер, копьем, как Марс, снимает с чучела все пять колец, а в перерывах слагает стихи и как раз сейчас пишет оду о Лодэтском Дьяволе. Ну как такой славный воин мог не понравиться Рагнеру?

А баройцы, глядя на побережье, всё удивлялись: где же снег? Зато когда они выехали за город, то отец и сын Баро заохали и заахали, ведь столько снежного снега они не видали за раз никогда. И в замке Рагнера им всё очень понравилось, ведь это «всё» было так необычно (тамбур-тоннель, общий стол, церемония омовения рук). И было крайне нескучно (это в замке Ларгосц-то нескучно?!). И на санях им хотелось покататься, и по льду на коньках поскользить и, конечно, снежками покидаться тоже. А еще в замке-башне, как в сказке, в заточении у Лодэтского Дьявола жила золотоволосая красавица, прекрасная, как утренняя заря (учись, Рагнер!), зеленоокая, как нимфа, восхитительная, нежная и женственная, какую только украшало скорое материнство. Алорзартими немедленно стал сочинять песнь о бесподобной красе баронессы Нолаонт, забросив оду о Лодэтском Дьяволе. Рагнеру этот «слишком красавец» стал

нравиться уже меньше. Особенно, когда Маргарита восклицала: «Ну как такой замечательный Алорзартими может не нравиться?!»

Маргарита получила от Адальберти подарок к своей скорой свадьбе – свадебный ларь, и не знала, что ей делать. Ларь был слишком дорогим: из черного, красного и золоченого дерева, с инкрустациями из самоцветов да с красочными картинками, и она не могла его принять. Принц Баро обижался и даже высказался, что в княжестве Баро ни одна приличная дама не выходит замуж без сундука. И поинтересовался: есть ли сундук у баронессы Нолаонт? Она, конечно, солгала, что есть и не один (куча кучная расписных ларцов и ларчиков!). Рагнер вмешиваться в сундучный спор не желал – именно невесте, Маргарите, дарился сундук, а не ему. В итоге Маргарита пошла на уступки, ведь баронессы рыцарями не являлись (особенно, если у них не было сундука, а приличной дамой быть хотелось), и предложила разыграть свадебный ларь в Сатурналий. Празднество в честь Золотого века обещало пройти с такими гостями, как Баро, «по-сатурнальски весело»!

К приезду баройцев, богатейших людей Меридеи, в замке Ларгосц готовились долго и основательно. Благодаря красочным шпалерам о двенадцати цветах, бархатным портьерам, безделицам и прочим вещицам из Рюдгксгафца на обеденную стало любо-дорого смотреть, опочивальню графа и соседнюю с ней спальню обставили с роскошью, достойной принцев, в большую проходную залу, между покоями графа и прочими тремя спальнями внесли шестнадцать кроватей для воинов-монахов, охранителей Баро, и устлали их меховыми покрывалами. Все прислужники надели форменные платья, а Огю Шотно удалось за пару восьмид «обтесать» Кётрану с Олзе да научить их изысканно подавать яства господам. Рагнер считал, что лишение поварих хмельного сыграло решающую роль в их «тесании», тем не менее смотрителем своего замка, господином Огю Шотно, он был так доволен, что простил ему, «ссосанцу», бараний камушек. Блюда теперь выглядели как картинки, салфетки безупречно лежали на белоснежной скатерти, приборы сияли, стекла и зеркала блистали, лампы не чадили и приятно пахли. Везде, куда добрались длинные руки Огю, воцарился порядок. Рагнер еще с восьмиды Целомудрия прибавил ему жалованья вдвое, и Огю Шотно захотел эту прибавку отдать Марлене – в благодарность за помощь, когда он голодал, потеряв сбережения в сомнительной торговой сделке. Как рассказал Рагнеру Эорик, Марлена взяла пару золотых монет, но только как долг, обещая их скоро вернуть. Еще Эорик подозревал, что Марлена ничего не сказала Магнусу об этих одолженных деньгах, и Рагнер думал так же, но решил не вмешиваться в дела господ Махнгафасс, уверенный в благоразумии Марлены.

Сатурналий являлся продолжением празднества Перерождения Огня, только не семейным и отнюдь не тихим торжеством. Традиционно в первый день в часовне замка провели службу, на меридианском языке, ведь Адальберти Баро приехал с духовником. Слава Богу, на четвертом этаже имелась не занятая никем спальня, а то бы пришлось размещать его в Ягодном доме среди «местной красоты», для какой и священник был жених, и воины-монахи вполне годились для супружества. Одна Соолма не радовалась, ведь оказалась единственной женщиной на этаже, полном толпы мужиков, и не могла нормально сходить в общую уборную. Поэтому «эта ларгосская гадюка» хитро проползла в детскую, где заняла «опочивальню принцессы», но с Маргаритой не разговаривала, фыркала на нее и зыркала черными глазами.

После полуденной службы все начали отчаянно веселиться, как древние люди Золотого века: петь песни, танцевать, играть в подвижные игры. Озеро у замка расчистили от снега, и по его глади взрослые чинно катались на коньках, слева от них деревенские мальчишки шумно гоняли ледышки, а справа кучковались дети: лепили из снега баб или, отталкиваясь двумя палками ото льда, тихо скользили сидя в саночках. Принц Баро, к своей печали, выяснил, что рассекать лед тонкими пластинами, это очень сложно, но Рагнер помог своим гостям – баройцам выдали по две палки и подошвы на кости, отлично скользящие и устойчивые. Таким образом,

все пребывали в счастье: знатный принц и его сын вдоволь наскользились, ларгосцы на них опять подивились да Маргарита накидалась от души в Баро снежками (суровым воинам-монахам тоже случайно досталось). А оба Баро вместе с Рагнером (тоже мне рыцари!) пуляли снежками в нее. И обед первого дня Сатурналия прошел на славу: лакомились затейливыми яствами, играли в жмурки, отгадывали загадки. Маргарита честно выиграла расписной ларь, едва обойдя Соолму, и отныне могла венчаться как приличная женщина. Алорзартими усладил уши ларгосцев чудесными одами под душещипательные мелодии лютни, местные артисты достойно ответили бодрыми песнями и плясом воинов. После того как Маргарита ушла спать, герцог позвал «друзей Баро» в Оружейную, где они еще немного выпили в чисто мужской компании. Вернее, почти в мужской: одна нравственно нестрогая дама там была – «милейшая душка» Айада.

Во второй день праздника прокатились с ветерком в санях и опять поиграли в снежки. Маргарита радостно визжала, бегая, как могла из-за своего великого живота, от белых комочков. Рагнер в этот раз ее защищал, то есть воевал вместе с ней и Соолмой против двоих Баро. Потом слепили снежную бабу, да такую грудастую, что высококонравственный Адальберти прикрыл ее роскошное тело своей шубой, и лишь затем допустил всех к даме, пусть даже снежной, чтобы раскрасить ей лицо и приделать соломенные волосы. Наряжая бабу в тряпки, платки и бусы из шиповника, хохотали так, что Маргарита боялась принести дитя прямо там – разродиться к ногам бабы. Даже Соолма задорно смеялась, и даже Айада как будто бы весело подхихикивала.

К исходу дня герцог и его гости выдохлись. Праздничный стол в Сатурналии снова густо обсеялся огоньками свечей и маленьких светильников, а лампы на стенах, наоборот, не зажигали. Сытые, счастливые и уставшие меридианцы беседовали в таинственной полутьме. Алорзартими перебирал струны лютни, Маргарита молчала и думала, что впервые за много лет у нее выдался отличный Сатурналий – просто идеальные два дня.

Уже завтра с раннего утра собирались в путь. Баройцы бы с удовольствием задержались подольше, ведь принц Баро как истинный рыцарь не сдавался и не мирился с тем, что конькобежец из него дрянь – он даже в проруби был готов искупаться, если это поможет освоить коньки. Но Рагнер спешил в Брослос, чтобы успеть развестись и жениться на Маргарите, пока та не родила. По расчетам быстрый корабль Адальберти должен был домчаться до Брослоса дня за четыре, далее где-то дня три требовалось Рагнеру на развод. В нову последней триады Любви он намеревался сесть на «Медузу» и быть в Ларгосе к дню венеры или сатурна. От Маргариты лишь требовалось не родить до тридцать седьмого дня Любви – она обещала стараться.

Напольные часы уж пробили начало часа Целомудрия, и Адальберти Баро взял со стола чашу с мягким («карамельным», как назвал его Рагнер) сыром из горного городка Цулооса.

– Надо у тебя его весь скупить, – сказал он, отправляя ложку сыра в рот. – Да и черный сыр я бы взял, но немного. Вкус – ужасен, однако черного сыра еще никто не видел в моем княжестве, и все захотят его попробовать.

– Отлично! – потирал руки Рагнер-торгаш. – Думаю, этот карамельный сыр продавать по всей Меридее. Ну и черный сыр не брошу – там же мое клеймо, и мне он нравится... Ну хоть кому-то же еще, кроме меня, он должен понравиться!

– И как один из лучших воинов Меридеи дошел до сыра и до торгашества? – не сдержался Адальберти.

– Ой, Дальбрё, будто бы я рад, а что делать? – тяжело вздохнул Рагнер. – Благодаря храмам, серебро и золото утекает из Лодэнии в Меридиан – в твое княжество. Тебе, на золотом корабле, меня не понять, так что не суди. И единственный путь вернуть золото и серебро назад – торговля, будь она неладна. Это торгашество меня разоряет и, похоже, разорять еще будет долго. Но я же обязан заботиться о своих землях и подданных. Если так пойдет дальше, в Лодэнии все дубы вырубят и всего пушного зверя побьют, а мне жалко свои дубы и зверей. И я

тут не прохлаждаюсь вовсе: в миру рыцаря ждет война пострашнее и намного более подлее. А еще неблагодарнее тоже... Иногда я своих ларгосцев люто ненавижу: все норовят обмануть доброго герцога Ран...

Он не договорил, потому что снизу, из караульной, донеслись какие-то крики. Рагнер, узнав голос Вьёна, вздохнул, понимая, что тот пьян и буен.

Рагнер извинился перед гостями, вышел из-за стола и спустился со второго этажа на первый. Вьёна задержали у камина дозорные. Его голову покрывал капюшон, из разреза плаща краснел неизменный полукафтан, ярко-голубые пьяные глаза горели гневом, нос чуть искривился – Рагнер понял, что это он сломал его.

– Вьён, – подходя к другу, сказал Рагнер по-меридиански, – я до сих пор желаю помириться и всегда буду этого желать, ведь ты мне очень дорог. Но более я не стану просить тебя о дружбе, унижаться или приходить в твой дом. Когда ты придешь в мой дом как друг, то я тебе буду рад, но раз дружбы между нами нет, то я тебя накажу по всей строгости, оттого выбирай слова, если думаешь о дочери. Зачем ты пришел сюда как недруг? Испортить мне и моим гостям празднество? Уходи или тебя выставят.

– Уйду сам. Я пришел лишь за тем, чтобы вернуть тебе это! – бросил Вьён на пол медную монету. – Ее я не заработал, и эту подачку заberi себе!

Вдруг раздался нежный голос, и мужчины повернули головы вправо: из полукруглого проема, с лестницы, в караульную выходила Маргарита.

Вьён приоткрыл рот, пораженный и ее красотой, и огромным животом впереди этой невысокой, ладной, роскошной девушки. Маргарита на самом деле расцвела за последние дни: ее давно не тошнило, она не плакала и не тревожилась, оттого посвежела лицом. Ее волосы окрепли, позолотели блеском; зеленые глазищи ворожили взор, и казалось, что из этих морей раздавались песни сирен. Она немного пополнела, но ей это тоже шло – из девчонки она превращалась в молодую женщину, плавную и сочную. Посреди полутемной, страшноватой и грубой караульной прелестная красавица выглядела особенно неотразимо. Светло-голубое платье и дымка вуали на золотых локонах делали ее будто бы сотканной из воздуха. Вьён подумал, что в Ад сошел Ангел, восхитительно беременный Ангел. И одурманенный долгим запоем алхимик стал ненавидеть Рагнера еще сильнее.

– Выслушайте меня, прошу, – заговорила Маргарита. – Вы, господин Атсого, напрасно вините Рагнера. Вы должны винить одну меня за тот суд. Я плакала всё время, умоляла его... даже стояла на коленях, лишь бы он не казнил моего брата, ведь я знаю, что тот не виноват в страшном злодеянии и обвинен несправедливо вами – ему просто не повезло выйти из леса у Пустоши. Рагнер долго оставался глух к моим мольбам, и лишь когда я собралась уехать в Орензу, он изменил свое решение – и поступил верно. У нас скоро будет чадо, и он это сделал ради него тоже. Однажды недоразумение развеется – настоящего насильника найдут, и вы все тоже будете рады, что не казнили моего брата жестоко и совершенно зря... Пока же – ненавидьте меня одну! Не Рагнера!

– Любимая, – взял ее Рагнер за руку выше локтя. – Вьён нахлестался, как свинья, и ты до него не достучишься. Пойдем наверх.

– Ты не заслуживаешь ее, этого ангела! – закричал им в спину Вьён. – Баронесса Нолаонт, он вас ломает, как меня, а потом наймет других алхимиков. Будет вам лгать, но знайте, он соблазнил не только вас, но и госпожу Тиодо. Они уединяются днями в Вардоце – и об этом уж знает весь город и небось все в этом замке тоже!

Маргарита резко остановилась у лестницы и обернулась к Вьёну.

– Да, он унизил госпожу Тиодо в Суде, после же унизил вас открытой связью с другой женой – с ней, с моей Лилией.

Рагнер хотел увести Маргариту, но она вырвала свое плечо из его руки.

– Он якобы вернул Лилии честь, – говорил Вьён, – но лишь для того, чтобы самому ее забрать, ославить несчастную, запутавшуюся деву, облить ее имя новой грязью и довершить дело зверя – сломать душу невинной. Он и ее ломает, и вас, баронесса Нолаонт... Бегите от него, пока не поздно!

И он резко пошел к выходу в тамбур. А Маргарита сверлила своими гневными глазищами хмурое лицо Рагнера.

– Вернемся за стол, – тихо сказал он ей. – Ты баронесса – и веди себя достойно титула перед принцем и герцогом Баро. Поссоримся после обеда.

Она позволила себя увести и не плакала, не кричала, не сказала ни слова. Они сели вместе на скамью, словно ничего не случилось, после чего Рагнер возобновил прерванный с Адальберти «сырный разговор». Но, конечно, принц Баро заметил, как опечалена Маргарита, и решил ее порадовать.

– Дама Маргарита, – сказал он, забирая у сына лютню. – Прошу меня простить, если не доставлю улады ушам, ведь голос мой груб, да и я уже много лет не брал в руки этот инструмент. В честь ваших изумительных очей, – скользнули длинные пальцы по струнам, – старинная песнь «Слеза Виверна».

Голос принца вовсе не был груб, лишь с хрипотцой, а красивая песнь рассказала печальную сказку о том, как некий град отдавал дракону Виверну красавиц, которых тот уносил неизвестно куда. И раз дракон узрел столь нежную красу, деву Белозлату, что сам обронил слезу – упав, она превратилась в изумруд, а дракон в рыцаря. Белозлата и Виверн полюбили друг друга, сыграли свадьбу, но после рыцарь сказал, что должен отправиться за море к чародею, какой его заколдовал и какому он относил красавиц, иначе тот прилетит сюда и обратит этот град в пыль. Так рыцарь ушел, обещая вернуться, как убьет чародея, – и вернулся, вернее, в его облике вернулся чародей; Белозлата же, разгадав ночью на ложе подмену, поняла, что Виверн мертв. После любви она поднесла отравленное вино чародею и сама выпила половину чаши. Словом, все погибли, зато благодарный град сочинил хвалебную песнь о красоте и нежности, что может растопить даже сердце дракона и превратить того в рыцаря.

«И вот же как, интересно мне, – со злобой думала Маргарита, пока принц заканчивал песнь, – град узнал, что рыцарь – не рыцарь, а чародей, если его с красавицей нашли поутру мертвыми? Она же не успела никому сказать об этом! Наверно, она просто узнала, что ее рыцарь не ходил убивать никаких чародеев, а резвился в Вардоце с Лилией Тиодо!»

– Песнь изумительна, – сказала Маргарита, когда принц замолчал. – И голос ваш, Ваше Высочество, заслуживает высоких похвал, не меньше, чем ваше мастерство игры на лютне или слова... Ваше Высочество, я могла бы просить вас об услуге? – быстро проговорила она, прежде чем Рагнер смог ее перебить. – Мне тоже нужно в Брослос, к падчерице... Срочно. Не найдется ли на вашем корабле каюты и для меня?

– Ну... в любом случае, у Рагнера будет каюта, – недоуменно ответил Адальберти Баро.

– Нет. Мы ведь не обвенчаны. Мне нужна отдельная каюта.

Рагнер молчал, опустив глаза к столу, хмурясь и чувствуя себя дерьмом.

– На моем корабле найдется для вас каюта, – подумав, ответил принц. – Я вам уступлю свою, а сам поживу вместе с сыном.

– Не спеши, прошу тебя, любимая, – тихо заговорил Рагнер по-орензски. – Обсудим всё после обеда и поговорим.

– Превелико вас благодарю, Ваше Высочество, – ответила девушка, игнорируя Рагнера. – В таком случае я вас покину, ведь мне надо собираться в путь, да и час уж поздний. Песнь была изумительной... И вы изумительны тоже.

Маргарита поднялась из-за стола, едва сдерживая слезы – мужчины тоже встали. После поклонов, она удалилась, и уже на лестнице почувствовала влагу на своих щеках.

– Алорзартими, прошу, спой что-нибудь веселое, – убитым голосом проговорил Рагнер, наливая себе в чашу вина. – Как можно более веселое.

Алорзартими исполнил бравурную походную песнь, но веселье было испорчено. Куплеты удалой мелодии о рыцарском благородстве, чести и верности кололи Рагнера в сердце копьем, и совесть мучила его еще нещаднее. А несчастной Маргарите на третьем этаже бодряя песнь из обеденной и безразличие Рагнера, как она решила, добавили слез к тем, что и так текли реками по ее щекам. Она собирала свои малочисленные вещи – всё, что ей купил Рагнер, решила здесь оставить, и благодарила Бога за то, что привезла из Орензы несколько платьев, жалованных Ортлибу Совиннаку, – оттого могла сохранить достоинство, покидая навсегда этот замок и его хозяина.

Через триаду часа после ухода Маргариты, принц Баро сказал Рагнеру, что желает отойти ко сну.

– Но если тебе нужно поговорить, то проводи меня, – добавил он. – Можем и в моем покое выпить.

– Нет, – поднимаясь из-за стола, ответил Рагнер. – Я провожу тебя, но пить больше мне не стоит. Легче не становится, а завтра в путь.

Разговор они продолжили уже в опочивальне графа. Кроме роскошной кровати-шатра и дорожного сундука гостя там можно было видеть просторную скамью, столик с парой стульев и широкий буфет, служивший и как умывальный стол, и как шкаф. Неподалеку от пышущего жаром камина, стоял еще один красный шатер, внутри которого гостя дожидалась купель с теплой водой.

– Ладно, спокойной ночи, – сказал Рагнер другу. – Говорить тоже не хочу, а у тебя вода стынет.

– Нагрею еще котелок над огнем... Другая женщина?

– Да, Дальбрё... Ты умен.

– Садись, – сам сел Адальберти на скамью и похлопал по мягкому покрывалу, приглашая Рагнера сесть рядом. – Я старше тебя и уже был женат. Может, помогу. Нельзя с таким лицом, как у тебя, быть сейчас одному.

– Зачем ты дал ей каюту? – вздыхая, опустился на скамью Рагнер.

– Рагни, ты дурак, если думаешь, что такая женщина, смелая и приятно безрассудная, будет дожидаться здесь триаду, пока ты не соизволишь отвезти ее домой. Она, столь юная, одна поехала с тобой за три моря – и точно так же уедет, на сносях она или нет. В Брослосе и в пути у вас хоть будет время всё исправить... вернее, тебе исправить. Зачем, если ты ее любишь, ты ее предал?

– Потому что я дерьмо... И еще ту, вторую, я тоже люблю. У тебя было такое? Любил сразу двух?

– Было, – удивил его Адальберти. – Я искренне думал, что любил двух дам, но потом понял, что не любил ни одну и не знал, что такое любовь.

– Так предлагаешь мне обеих сразу бросить?

– Нет, ты не я. Может, ты способен любить сразу двух дам. Но теперь ты должен будешь выбрать одну. Мне, кстати, крайне по душе баронесса Нолаонт... – «невзначай» добавил принц. – Я не перестану желать того, чтобы она стала дамой моего сердца, и не перестану предлагать ей свою защиту. Уверен, уже завтра она подаст мне свою белую ручку для поцелуя...

– Благодарю за откровенность, – холодно и мрачно проговорил Рагнер.

– И всё?

– А что? Набить тебе морду?

– Я сам ее тебе набью... Рагни, – ласковее заговорил Адальберти, – я не стервятник и не буду кружить у раненой красавицы. Но когда ее сердце остынет, то... Не вижу причин, почему

бы тогда моему соколу не прилететь к ней. А ты, пойдешь под венец с той, другой женщиной, когда разведешься с супругой?

– Наверно... Не знаю. Я ни разу об этом не думал еще... пойду прямо сейчас и поразмыслию, давай закончим разговор, – вздохнул Рагнер, поднимаясь, и принц тоже встал. – Вторая красавица, кстати, уже тоже надумывает меня бросить. Я могу вернуться и не застать ее через триаду в Ларгосе... А ты мудрее меня. Не зря больше не женился, как овдовел.

– Я бы женился, если бы в Сольтеле не пропадал. Когда видишь среди кучи серебра золотую монету, то разумно ее взять. Куча серебра обманывает, тешит числом тщеславие, но стоит того же, что одна золотая монета.

– Не работают тут твои тонкие сравнения... – потер лоб Рагнер и положил руку на полку камина. – У меня две золотые монеты, и я не хочу терять ни одну. Словом, женщины – не монеты... У них есть рты, какими они требуют обещаний, головы, какими себе чего-то там надумывают, и ноги, какими они уходят прочь... Красивые ноги, иногда даже слишком, – тяжело вздохнул он, вспомнив длинные, совершенные ноги Лилии.

– Дхааа, – хрипло согласился Адальберти.

– Пойду к истинным монетам, почашну хоть власть над золотом, пока не отдал его паучьей черепахе, – обнял Рагнер друга, собираясь удалиться.

– Я бы на твоём месте к баронессе Нолаонт пошел, – остановил его тот. – Ей сейчас плохо, но объясниться с ней надо сегодня.

– Нет, – помотал Рагнер головой. – Я не знаю, что ей сказать, и уже боюсь обещать. Возможно, так даже лучше... Всё само собой разрешилось. Водоворот Лода, как у нас говорят. И Маргарите здесь не нравится – в Ларгосе и в замке. Мы с ней ссорились, она плакала. Зачем тянуть через силу? Раз не срастается, то так тому и быть.

– А чадо?

– Бароном или баронессой Нолаонт будет. Может, и так тоже лучше – будет мой сын счастливым бароном в благословлённом Богом Лиисеме, а не наследником Лодэтского Дьявола в убогой Лодэнии. И дочь тоже...

Простившись с Адальберти, Рагнер спустился к себе. На лестнице застыли, как истуканы, два воина-монаха, собиравшиеся провести на ногах всю ночь. У одного из них на переносице срослись густые брови, под какими мерцали черные, неистовые глаза. И у Рагнера в передней, комнатке перед опочивальней герцога, сидели двое дозорных, немного нетрезвых и веселых. Рагнер с раздражением подумал, что тоже хочет иметь воинов-монахов, какие никогда не пьют хмельного, не путаются с женщинами и не дуют в кости. Даже все овчинные покрывала воины веры сняли со своих постелей и аккуратно сложили их в углу проходной четвертого этажа, ведь привезли с собой чудесные колючие одеяла из козьего войлока. Мечта, а не охранители!

В своей спальне Рагнер подошел к холодному камину, какой нарочно приказал не растапливать. Кочергой он нащупал и сдвинул три рычага внутри него – после толкнул каменную стену у камина – и рядом открылась дверь в тайную сокровищницу, а над камином выдвинулся камень. Там, в комнатке без окон, Рагнер хранил золото, драгоценности и сундук со своими доспехами. Любимая черная кольчуга лежала сверху на сундуке, а меч Регнар, отправленный на покой, мирно спал на ней. Рагнер взял его в руки, любовно погладил хихикающую рожицу Смерти, после чего наполовину вытащил зеленоватый клинок из черных ножен и решил, что возьмет с собой верного друга. Подумав, что сможет фехтовать с Адальберти, он захватил и кольчугу.

Тридцать шесть слитков золота, что привез ему принц, он сперва вывалил из кованого сундучка на пол, затем положил назад девять – доля Лорко, затем еще девять – доля Ольвора. Оставшаяся половина, восемнадцать слитков, будь это обычное монетное золото, равнялась бы четырем тысячам рон, но меридианское золото было намного чище – здесь было где-то на пять тысяч сто пятьдесят рон – для развода требовались семь тысяч, да и монетный двор начеканить

столько никак не успел бы. У Рагнера имелся единственный выход – отнести золото в чертов санделианский банк Лимаро, к родне Кальсингога, то есть практически бросить свое золото в сундук «лысого свиристея». Еще требовалось за развод отдать Экклесии тысячу золотых монет! Рагнеру пришлось присовокупить к слиткам три тысячи рон за проданный Рюдгксгафц. Далее, шестьсот золотых – внести в королевскую казну, как подать за два года; с дядей они условились, что его королевская четверть за роскошества от короля Орензы будет триста рон, и надо взять в столицу денег на расходы... Он задумался. В подвале, в сокровищнице замка, еще хранилось серебро, и до «великих деяний» герцога Раннора там было где-то на тунну другую монет, но ныне сундуки уж наполовину опустели, если не на больше. Так, сидя среди груд золота Рагнер с горечью думал, что он на грани разорения, – и всё из-за Маргариты, которая теперь даже не собирается выходить за него.

Повздыхав, тяжело повздыхав да разобравшись с золотом, Рагнер также забрал из тайной сокровищницы шкатулку, где лежали золотые шпоры, пара перстней, его орден и карбункул Красный Король. В конце Рагнер сказал:

– Спокойной ночи, дева Цтефия, прости, если побеспокоил.

Он мало знал о призраках и не боялся их, но на всякий случай с ней прощался – с маминной подругой. Цальвия Раннор закрыла ее в тайной сокровищнице, давая хоть какую-то возможность уцелеть и сохранить целомудрие, а сама бросилась вниз со смотровой башни. Гонтер Раннор слишком поздно выбил из замка врагов, и дева Цтефия погибла мучительной смертью от жажды, голода, да в кромешной тьме. «Страшнее смерти не придумаешь», – считал Рагнер, жалел эту несчастную деву, которую едва помнил, и свою маму тоже жалел – ту, которая желала помочь, но благими намерениями обрекла дорогую подругу на муки, ужас и участь, что хуже Ада.

Он достал медальон с портретом матери из ящика стола, поцеловал его и положил на сундук со своими доспехами – любое ее изображение подлежало уничтожению, поэтому разумно было бы припрятать его в тайнике.

«Подруги воссоединились, да вот рады ли?» – подумал он и нажал на выступавший камень над камином – стена встала на место. Задвинув в камине рычаги, он превратил ручку в камень, дверь в стену.

Еще немного постояв, посмотрев на сундучки с золотом и думая, что впрямь глупо себя ведет – отдает состояние ради Маргариты и не делает даже попытки с ней помириться, он подошел к угловой панели. Выдвинув новый засов-крючок и открыв еще одну потайную дверь, Рагнер заглянул в проходик – лилия у дальней дверцы уныло повисла вниз. Тем не менее он постучался в ту дверь.

– Маргарита, – позвал он девушку. – Сними щеколду, пожалуйста, я просто хочу поговорить.

Он постоял немного, прислушиваясь. Легкий шум, что он до этого слышал, исчез, но Маргарита с ним не заговаривала и двери ему не открывала.

– Я хочу обсудить твоё возвращение домой, – сказал Рагнер двери. – Тебе нужна помощь. Ты и дитя... Нельзя с младенцем сразу на корабль, да в столь дальний путь, да зимой. Надо ждать до весны, до восьмиды Нестяжания. Будь благоразумна. Тебе не обойтись в Лодэнии без друзей.

– Ты мне не друг! – услышал он полный обиды голос. – В Брослосе я останусь у Марлены. Сама решу, когда мне уезжать и как. А от тебя, Рагнер Раннор, мне ничего более не нужно!.. Кроме зимнего плаща, – с неохотой и недовольством пришло сказать Маргарите. – И других зимних одежд. А еще детских вещей. Но я их у тебя выкуплю! Если не хватит того, что у меня осталось, то... Брата через год пошлю или продам свои драгоценности в Брослосе. Да! Так и сделаю!

Рагнер слушал ее и улыбался.

«Какая же ты еще маленькая... – нежно погладил он дверь. – Но такая гордая и смелая. Милая глупышка...»

– Открой дверь, – ласково попросил он.

– Хер тебе и иди ты на хер! – донеслось до него. – Щеколда надета, лилия для тебя повисла – и нечего там стоять!

Рагнер закатил глаза, говоря себе, что знал заранее, что так всё и будет, но зачем-то поперся к этой двери, как изгнанный из дома пес. Сжимая руку в кулак и желая отколотить дубовую створку, он постоял еще мгновение и вернулся к себе. Маргарита же залилась новыми слезами, вытирая глаза краем детской рубашечки, какую она недавно вышивала и думала, что счастлива.

Следующим утром Маргарита не разговаривала с Рагнером и сторонилась его. Нёген погрузил в сани плоский ларь, в каком лежали ее вещи, и большой грубый ящик со свадебным сундуком, что она честно выиграла. Маргарита стояла около саней, в расчищенном от снега переднем дворе, зябко куталась в белый плащ и умудрялась держать при этом маленький ларчик. Ее голову покрывал скромный белый платок из шерсти, ведь все наряды, эскоффионы и даже тончайшее хлопковое белье она оставила в гардеробной. Только сапожки на меху, два теплых платка, шерстяное белье и дорогуший плащ с мехом песца, снежной лисы, она не смогла не взять. И конечно, она упаковала в дорожный ящик все детские вещи. По ее расчетам, серебра, что она передала Рагнеру, как раз хватало на все покупки, кроме плаща.

И вдруг окованный железом сундучок с ее серебром вынесли из тамбура и погрузили на сани, устроив его среди других ларей, ящиков и тяжелых сундуков. Когда Рагнер появился, Маргарита указала на свой сундук с серебром и молча дернула головой, посылая вопрос глазами.

– С тебя два сербра, – ответил он. – За всё: за этот плащ, детские одежды и прочее... Ну вот куда, скажи, мне девать все твои тряпки? Чердак и так завален барахлом из Рюдгксгафца. Оказала бы мне услугу, забрав свои наряды. Что мне делать с твоими платьями и бельем теперь? Не слугам же раздать...

«Конечно, Лилия Тиодо же захочет новый гардероб! Это хочешь мне сказать? – со злобой думала Маргарита, продолжая хранить молчание. – Мои убрания не пригодятся ей, такой худой и длинной дряни?!»

Рагнер, чувствуя себя глупо, помялся рядом с насуспенной девушкой, ожидая Адальберти и Алорзартими. Разглядев, что под объемным белым плащом она держит ларчик – тот, самый, какой он нес летом, сказал:

– Дай мне ларчик, я его донесу. Я помню, что он тяжелый. Маргарииита, – протянул Рагнер. – Ну ты же о малыше должна думать, а не только о себе. Тебе нельзя носить тяжести.

Он попытался открыть ее плащ и отобрать сундучок, но Маргарита увернулась, едва не упав.

– Уйди! – со слезами в голосе выдавила она. – Куда мне сесть в санях? Прямо на сундуки?!

– Ты, Соолма и Айада поедете в других санях, – вздохнул Рагнер, поздравляя себя с тем, что она хотя бы начала говорить. – Их еще шкурами застилают. Дай ларчик, прошу. Даже молю.

Усиленно показывая лицом, что она не хочет этого делать, Маргарита отдала сундучок, а Рагнер поздравил себя снова.

– Из-за малыша, – буркнула Маргарита, и он кивнул.

– Соолма будет с тобой в одной каюте. Я не для себя ее беру, а для тебя, – вздохнул Рагнер. – И не возражай, – остановил он Маргариту, открывшую рот. – Если ты начнешь рожать на корабле, то ни я, ни принц Баро, мы не знаем, что с тобой делать. А мне матери Мираны на

всю жизнь хватило... Будешь отказываться, Адальберти тебя не возьмет. Тебе нужен присмотр лекаря и женская помощь.

Маргарита ничего не ответила. Не зная, как это понимать, как ничью или как шаг назад, Рагнер добавил:

– Айаду я беру с собой, потому что ее никому здесь не оставишь. Ест она только с моих рук, Соолмы и твоих. А мы все будем в Брослосе...

Тем временем Нёген заташил на сани последний сундук принца Баро, и одни конюхи медленно повели четверку лошадей через изогнутый проезд в надвратной башне, другие выкатили новые сани и пошли за лошадьми. Когда Рагнеру вывели Магнро, он отошел, чтобы прикрепить ларчик к седлу.

А Маргарита огляделась – она уже успела привыкнуть к мрачным сизым стенам, квадратным башням, четырем кленам перед «дворцом»... Даже темный тамбур не казался ей более страшным. Подняв голову, она с грустью посмотрела на третий этаж – на три больших окна светлицы и два маленьких окошка детских спален.

«Ничего, моя принцесса, – погладила Маргарита под плащом живот. – У тебя будет другая чудесная комнатка. И там у тебя будет мама, целых два дяди, тетя Беати, сестренка Жоли и дедушка Жоль. Папа нам не нужен, поверь мне. Они пьют и изменяют. Без них намного лучше».

Пока запрягали усталые овчинными шкурами сани, Рагнер помог Маргарите в них сесть и даже заботливо укутал ее ноги в эти шкуры, ведь нагибаться она не могла. На ее колени он положил медвежье покрывало.

– Пока будем ехать до порта, успеешь замерзнуть... – пояснил Рагнер. – Ну куда же все запропастились?.. – ни к кому не обращаясь, тихо проговорил он.

«Уж не терпится от меня избавиться, – додумала Маргарита. – Интересно, Лилия Тиодо, когда сюда въедет? После его возвращения или еще до этого? Если увижу ее в порту, то точно до этого. Будет касаться, дрянь, всех моих одежд... даже белья. Надо было все жё взять ту новую хлопковую сорочку, какую я справила к Возрождению... А эта Лилия еще и посмеяться найдет над чем. Наверняка скажет, что я толстая. Ну почему именно она?! Ненавижу тебя, Рагнер Раннор!»

Появление в переднем дворе Соолмы и Айады прервало ее мысли. Пока Соолма садилась в сани, Рагнер укутал собаку в два одеяла так, что из одеяльного кокона торчала только ее свирепая черная морда.

Раоль Роннак покидал Ларгос вместе с Маргаритой, испытывая смешанные чувства. После того как Рагнер едва его не убил, «черноусый» радовался, что окажется подальше от герцога Раннора, но сожалел о хорошем жаловании и обильном питании; грустил о неминуемом уходе из его жизни Соолмы и туманящего разум шевеления ее шуршащей юбки.

А Огю Шотно донимал тут же, во дворе, Рагнера.

– Ваша Светлость, я выяснил то, от чего ваш черный сыр лечит! – с пылом говорил он. – У меня слабый желудок, и по утрам, особенно после того подлого отравления, меня мучают колики, а сегодня утром я едва разогнулся, но, конечно, пересилил боль – встал и пошел на обход. И совершенно случайно я скушал кусочек вашего сыра – колики в животе прошли уже через пару минут да спустя час я стал чувствовать себя необычайно легко... после, так сказать, уборной.

– Ну, здорово, Огю, – без воодушевления отвечал хмурый Рагнер. – Рад, что ты посрал... Да моим сыром.

– Ваша Светлость, ваш сыр еще требует моего изучения, но я уверен, что он приводит работу желудка и живота в порядок. Позвольте мне, раз именно я это открыл, поехать в Брослос для переговоров с аптекарями.

– Не знаю, Огю, – сильнее нахмурился Рагнер. – Замку нужен глава... А ты лодэтского не знаешь. Как будешь вести переговоры?

– Глава гильдии обязательно знает меридианский. Мне лишь нужен человек, какой знает лодэтский, кто будет слушать то, о чем аптекари шепчутся. Да и я сам уже неплохо понимаю ваш язык – не такой уж он и сложный, просто на нем сложно говорить. Все эти цоканья и ёканья... А так...

– Огю! Лодэтский – самый прекрасный язык в мире! Так как, замок?

– Я отлучусь ненадолго. За триаду ничего здесь не развалится. Как-то же стояло всё тут почти два года без управителя и управлялось! А приеду, я вмиг всё налажу. Так даже полезнее. Так сразу будет видно – привыкли ли работники к новым устоям. Я у герцога Лиисемского постоянно так делал!

– Врешь мне... А, черт с тобой, Огю Шотно, ты мне угодил... Бери из подвала черный сыр и дуй с Эориком на «Медузе» в Брослос. И человек, какой будет слушать, у меня для тебя подходящий есть – Гёре... Черт, даже родового имени своего побратима не знаю... Словом, Эорик вас познакомит.

– Премного благодарю вас, Ваша Светлость, – расплылся в довольной улыбке Огю, а Рагнер брезгливо скривил губы, думая, что редко видел явление столь же отвратительное, как эта улыбка ярмарочного Злыдня.

Вскоре вышли Баро и их охранители; конюхи повели двойку лошадей, впряженных в сани, через проезд. Для Маргариты мир тронулся, и сизый передний двор пропал в изогнутом проезде. Она сильнее зарыла лицо в воротник, уговаривая себя не плакать и сохранить достоинство до конца.

Кони бодро бежали по хрустящей снежной дорожке, мимо проносился оголенный, раздетый донага и едва прикрытый белым мехом лес. Маргарита чувствовала себя одним из таких деревьев. Рагнер ободрал ее душу и раздел ее саму: возил с собой, знакомил с другими аристократами, даже королю Орензы успел представить ее как свою женщину, а сейчас, с такой славой, он же выставил ее, павшую и одинокую, голой перед всей Меридеей, но продал ей за два сербра дорогой белый плащ.

Вдали появилась Пустошь – белая плешь у леса с острыми валунами. Маргарита вспомнила о лесной бродяжке – и увидела ее вновь! Та, выглядывая из-за валуна, с любопытством тарасилась на Маргариту. И совсем никто, кроме Маргариты, ее не замечал, словно эта лохматая незнакомка была ненастоящей. Лесная бродяжка куталась в синеватый мужской плащ – плащ Нинно, какой тот потерял в лесу.

Маргарита не стала поднимать шум – плащ Нинно, Пустошь и эта лешачиха стремительно становились Историей.

И хорошая, морозная погода тоже вскоре стала Историей. На набережной Ларгоса зимой всегда было теплее, но с моря всегда дул промозглый ветер. Небо серело, большая сизая туча будто пришла проводить Маргариту и вместе с ней поплакать.

Пока дам в сопровождении Алорзартими переправляли на лодке к золотому кораблю, к «Гордости веры», на набережной Рагнер одевал Айаду в ее черный, подбитый беличьим мехом плащ, – попону с капюшоном и прорезями для ушей. В конце он затянул воротник на собачьей шее, и дертаянская волчица превратилась в «милейшую душку» – такой она стала умильной в шапочке капюшона да с пушистой серой оторочкой вокруг ее свирепой морды.

– Ты с баронессой Нолаонт будешь говорить или нет? – спросил Рагнера Адальберти. – Думаю, ты сам еще не в слезах только потому, что она тоже едет в Брослос, – кажется, что вы и не растаетесь.

– В слезах? – фальшиво хохотнул герцог Раннор. – Адальберти? Да ты романтик!

– В романтизме нет ничего постыдного, дорогой друг, – ответил принц, гордо поднимая голову в енотовой шапке. – Да, я романтик!

– Охереть! Как удалось им быть после Сольтеля? Многих детей убил?

– Не знаю, не считал, – удивленно пожал плечами Адальберти. – И при чем здесь это и то, что мне нельзя быть романтиком? И не я убил вовсе – я воин Бога, к тому же дважды Божий избранник, и это он направляет мою руку. Кто тебя направляет, я не знаю, но сдается мне, пришла твоя вторая золотая монета. Красивая дама, – вытянул, будто для поцелуя, принц свои, в форме лука Амура, губы. – Вкус у тебя отменный...

Рагнер посмотрел на Вардоц и увидел у его ворот Лилию Тиодо. Она робела приблизиться, пока рядом с Рагнером был принц Баро, ведь сперва женщину знакомили с чужим мужчинам ее мужчины-покровители, и тем более требовалось представлять приличную женщину аристократам по всем правилам Культуры. Глазами Лилия отчаянно молила своего рыцаря подойти и попрощаться с ней.

– Она, кстати, толидонка, – вздыхая, сказал Рагнер и застегнул на шее собаки цепь: новую, золоченую, ныне надетую поверх попоны. – Может... вместе подойдем к ней?

– Нет, Рагнер, иди один. Я лучше отправлюсь на свой корабль, где стану обхаживать баронессу Нолаонт, – продолжал загадочно улыбаться принц.

– Если обвенчаешься с ней, то давай! Иначе я тебе точно морду набью!

– Я в Сольтель более не собираюсь, – продолжал улыбаться принц. – Можно и под венец пойти.

– Ты серьезно? – перестал шутить Рагнер.

– Чем больше я ее узнаю, тем больше она мне нравится. А чем больше узнаю тебя, тем больше убеждаюсь, что ты дурак. Я пойду к лодкам.

Рагнер глянул на «Гордость веры» – Соолма уже стояла на палубе, для Маргариты спустили корзину. Взяв Айаду за ошейник, он пошел к Лилии.

– Из дома Флехсога я увидела, что золотой корабль собирается в путь, – нервно сказала та. – Ты... Ты не собирался прощаться со мной? Совсем? Хотел просто взять и отбыть?

– Лилия... – искал слова Рагнер. – Я не знаю, как с тобой прощаться. Не знаю, что сказать, чтобы не дать ложной надежды. Я ничего сам не понимаю и мне нечего добавить, кроме того, что я уже сказал тебе раньше.

– А почему она на корабле?

Рагнер немного помолчал, не желал лгать и желая одновременно.

– Она узнала о нас... и бросает меня.

– И ты, ныне свободный от долга, не можешь дать мне сейчас даже надежду? – изумилась Лилия, и он увидел в ее темных глазах подступающие слезы, настоящие и искренние. – Я люблю тебя... – прошептала она, не лукавя, не пытаясь его завлечь и обмануть.

– Да, и я тебя люблю, но и ее тоже... – тяжело вздохнул Рагнер. – Не плачь, очень тебя прошу. Мне сейчас так плохо, что я готов сигануть с этой набережной в ледяное море.

– Я не понимаю! Чего мне ждать, Рагнер?! Скажи же правду! Ложь больше самой горькой правды.

– И я не понимаю! – в сердцах воскликнул герцог. – Я вовсе не хочу тебе лгать, пойми меня. Правда... Правда такова, что если меня не будет через две триады в Ларгосе, то считай, что между нами всё закончилось – я останусь в столице на свадьбу своего двэна. Но, я помогу тебе во всем, – тихо добавил он. – Не знаю... Деньги, например.

Лилия вздрогнула, словно он ударил ее по лицу.

– Благодарю, но нет, – с достоинством произнесла она. – Я поняла тебя – и не виню. Я сама хотела быть с тобой, наперекор стыду. Я заслужила.

– Нет, не заслужила.

– Я подожду тебя, – гордо улыбнулась Лилия. – Но и ты поспеши...

– Да... – кивнул Рагнер и внезапно осознал, что не хочет уходить от нее: как только она перестала походить на несчастную жертву его безрассудной страсти, то пробудила в нем желание.

– Я разберусь в себе за эти две триады, а ты в себе, – тихо и ласково сказал он, снимая с ее руки перчатку. – Я сам себе не нравлюсь... Что ты во мне нашла?

Поворачивая полусогнутую кисть тонкой женской руки, Рагнер поцеловал ее пальцы во все три их грани, начиная с кончиков.

– Не мерзни, иди домой. Я уже даже продрог и моя собака тоже. Не прощаюсь – не могу...

Вместо поцелуев, они обменялись теплыми улыбками, после чего, уводя собаку, Рагнер направился к набережной. Но он сделал всего шага четыре, когда Айада, которая до этого покладисто стояла, резко обернулась к Лилии и громко на нее твякнула, а затем зарычала.

– Айада?! – воскликнул Рагнер – Что с тобой? – стал он гладить собаку – Айада лизалась, но упорно порыкивала, будто ворчала и пыталась что-то внушить хозяину.

– Не бойся, – сказал герцог Лилии. – Она... Не знаю, что с ней. Наверно, замерзла и волнуется.

Мargarита в это время уже стояла на палубе и украдкой поглядывала на берег, пытаясь понять, что Рагнер может говорить и делать. Она не видела за его спиной, как он нежно целовал руку Лилии, но о чем-то подобном догадывалась. Когда Айада затыкала, то Margarите захотелось крепко-крепко, с благодарностью, прижать эту собаку к своей груди.

Адальберти Баро, ловко вскарабкавшись по веревочной лестнице, появился на палубе.

– Баронесса Нолаонт, – сказал он девушке. – Что же вы здесь, на ветру, стоите в одиночестве?

– Прощаюсь с этим городом. Я так мечтала сюда попасть, – захлопала она глазами, поднимая лицо к сизой грозовой туче и не позволяя себе плакать. – Смотрела на карту в своем учебнике Географии... Ларгос был крестиком. Такой... Не знаю... Волшебным местом, где мечты сбываются. Моим центром земли и священным местом. Моей Святой Землей Мери... Боже, что я говорю такое?... – перевела она дыхание и еще раз глубоко вздохнула. – Прошу меня извинить. Я не должна была вам говорить такие личные... Извините... Просто мне сейчас не с кем поговорить – лишь это меня немного извиняет.

– Понимаю, – задумчиво произнес Адальберти, странно на нее посмотрев, словно открыл для себя что-то новое. – Пройдемте, всё же, в каюту. Я хотел бы забрать оттуда свои вещи и помочь вам устроиться.

Оказалось, что Аларзартими проживал в просторной каюте на втором ярусе кормовой надстройки, комфортной из-за больших окон в летнее время, но жутко холодной в зимнее, поэтому отец и поселил его там (чтобы как будущий рыцарь привыкал к неудобствам); сам же принц жил в куда как более теплой, небольшой каюте, расположенной на первом ярусе надстройки. Именно ее он уступал Margarите, а также большую кровать с золотым покрывалом, уютную уборную и боковой балкончик.

Адальберти еще освобождал письменный стол, когда в каюту занесли ящик со свадебным сундуком.

– Не продавайте мой подарок, баронесса Нолаонт, – произнес принц. – Вы еще так страшно юны... Вы снова выйдете замуж, должно быть, скоро.

– Нет, не выйду, – твердо ответила Margarита. – Не хочу. Я уже была два раза замужем – хватит с меня. У меня теперь будет дитя, моя дочка – и мне ее будет достаточно. Будем с ней жить в нашем имении у Лувеанских гор и Мартинзы. Там так уединенно... Слова подобрать не могу. Дремучая глушь, если сказать по-простому. Женихов там нет и не надо.

– Баронесса Нолаонт... – внимательно смотрел на девушку принц. – Княжество Баро рядом с Лиисемом и вашим имением... по ту сторону Лувеанских гор... Если так случится, что я буду проездом недалеко от вашего имения, то мог бы я навестить вас, как вы считаете?

– Такой гость, как вы, всегда большая честь, – не понимая намека принца, бесхитростно ответила Маргарита. – Правда... мне будет стыдно вас принять. Там... там старый дом с дырявой крышей и свиньи во дворе... Лучше вам меня не навещать.

– Дааа, – огорченно протянул Адальберти. – Ну, я собрал всё, что мне необходимо. Если что-то еще вам нужно, то я постараюсь всем помочь.

«Хорошо бы ложе другое, – подумала Маргарита, глядя на широкую двуспальную кровать. – Почивать с Соолмой в одной постели – всё равно, что с ларгосской гадюкой».

– Превелико благодарю, Ваше Высочество, – произнесла Маргарита. – Многого мне не требуется и есть всё необходимое.

Принц ей поклонился без руки у сердца, она же присела так низко, как позволял ей сделать ее огромный живот. В дверях Адальберти встретился с Соолмой, галантно раскланялся и с ней, пропустил и придержал для нее дверь. Черная Царица осмотрелась в каюте и поджала губы, наткнувшись взглядом на кровать, – спать в одной постели с Маргаритой ей тоже не хотелось.

– Я пойду к Рагнеру, – сказала Соолма. – Это напротив, стучись туда, если плохо себя почувствуешь. Наверно, я там и заночую, – добавила она.

– Пойдешь к нему на ложе?! – усмехнулась Маргарита, снимая плащ. – Он же только что нежно прощался с любовницей, а ты бежишь к нему?! Да ты и впрямь с повадками собаки, как Айада, – тебя бьют, а ты всё ластишься.

– Айада – волчица, а не собака, и Рагнер ее никогда не бьет. И меня твои слова не обижают. Кажется, то, что ты хочешь внушить мне, священники называют Гордыней. Порок, с каким надо бороться в восьмиду Любви, – усмехаясь, добавила она, – не то наступит Конец Света.

Соолма ушла. Оставшись одна, Маргарита легла на постель и накрылась своим меховым плащом, не шевелясь и больше не плача. Когда «Гордость веры» тронулась, она продолжала лежать, не желая никого видеть или слышать. Лежала и поглаживала, как кошку, свой великий живот.

Глава XXI

«Белая башенка»

Четвертой рыцарской Добродетелью являлось Благородство с символом оленя, а ее Пороком являлась Низость с символом ворона.

С этой Добродетелью всё обстояло еще сложнее, чем с Честью. Во-первых, разделяли понятия «быть благородным» и «поступать благородно». Поступать благородно мой любой, когда брал пример с достойных аристократов и рыцарей, а быть благородным можно было лишь по рождению, оттого аристократы неохотно выпускали в свой род простолюдинов, тем более торговцев и уж самое позорное – землеробов. Однако супружество с незнатной красавицей, произошедшее по любви, прощалось мужчине – красота тоже являлась признаком благородства, то есть исключительности, и привнесение ее в свой род являлось понятным. Зато супружество, заключенное из-за денежной выгоды, заслуживало позора – благородство нельзя было купить, как товар в лавке, и титул (почетное звание) заслуживали достойными высокого уважения деяниями.

К концу одиннадцатого века третье сословие мирян, всё богатея, многое могло себе позволить; купцы предлагали состояние за титул, и даже грань между теми, кто беден, и теми, кто богат, сильнее и сильнее размывалась, несмотря на законы «О роскоши». Аристократы, напротив, беднели в погоне за этой роскошью, доказывающей «черни» их исключительность: закладывали земли, вырубали леса, входили в такие долги, что иногда поддавались соблазну с легкостью поправить свои дела выгодным супружеством.

Рыцари тоже делились на неблагородных и благородных («из благого рода»). Неблагородный рыцарь знал в совершенстве четыре воинских мастерства: владение копьем, фехтование мечом, верховую езду и плавание в доспехах. Благородный аристократ с отрочества познавал хитрости соколиной охоты и игры в шахматы, обучался стихосложению и учтивой культуре – преклонению перед Прекрасной Дамой, жертвенности ради высоких идеалов, безупречному поведению с равными и неравными, стремлению к подвигам. Даже не будь рыцарского устава – свода запретов, правил и предписаний, такой воин вел бы себя достойно и не терпел бы несправедливости, как того требовало его естество – то самое загадочное благородство. И оттого оскорбление знатного, благого рода от простолюдина являлось кощунством и заслуживало позорной смертной казни. Аристократы же выясняли меж собой отношения на дуэлях, отстаивая честь рода и смывая с него позор кровью.

Все воины-монахи являлись благородными рыцарями, то есть носили две шпоры. Заслужили они эту честь достойным благоговения образом жизни: неблагородный, неисключительный, человек просто-напросто не справился бы, не смог бы всю жизнь притворяться. Воины-монахи, воины веры, блюли целомудрие, лишали себя роскоши, яств и выпивки, любили молчать, а еще больше любили Бога. Когда им хотелось разлечься, то они с удовольствием молились – и могли без сна так простоять на коленях хоть до своей кончины.

Изумительный, резной, золотой корабль «Гордость веры» оказался «недогалерой-недопарусником», однако весьма занятной «недогалерой». Во-первых, там было три весельных ряда, во-вторых, гребцы сидели ярусами под главной палубой, в-третьих, гребцы вращали весла со скуки, в-четвертых, они все как на подбор являлись звездоносцами, то есть воинами-монахами, совершившими минимум восемь подвигов. Пока одни гребли, другие звездоносцы либо фехтовали, либо молились. Эти молитвы продолжали творить чудеса: погода благоприятствовала, и попутный ветер домчал «Гордость веры» до Брослоса за три с небольшим дня. Но и они стали для Маргариты кошмаром – даже без ребенка в чреве путешествовать морем зимой было нелегким испытанием. Зато страдания плоти гасили страдания ее души. Рагнера она ненави-

дела не меньше, но словно издали, – на первый план вышли холод, бесконечная качка, вредная Соолма да их острая взаимная неприязнь, наверняка отравлявшая даже воду в море вокруг золотого корабля. Рагнер не разделил ложе с «ларгосской гадюкой», ведь уже приютил Айаду – та его отлично согревала и развеивала его грусть, к тому же обезумевшая от счастья собака не собиралась уступать свое место даже «сестрице Соолме». Черной Царице пришлось делить кровать с Маргаритой. Холодными ночами (да и днями) обе дамы очень желали обнять хоть кого-нибудь живого под одеялом и наконец согреться, но только не друг друга – обе скорее умерли бы, чем обнялись.

Рагнер, проникнувшись царившим на золотом корабле благочестием, доверился Божьей воле: не пытался более объясниться с Маргаритой и не досаждал ей. Принц Баро не переступал грань учтивости и запретил переступать ее Алорзартими – этот высокородный, одаренный многими талантами, редкой красоты молодой мужчина облюбовал шатер музыкантов на носовой надстройке и проводил там дни в ожидании, когда же золотоволосая прелестница опять появится на балкончике своей каюты – грустная, держащаяся одной рукой за живот, а другой за перила. Печальный, истомленный недомоганием образ Маргариты вдохновлял поэта. Ее замкнутость и желание быть одной, он приписывал только душевным ранам, а уважительное отношение к ней его отца убеждало будущего рыцаря в чистоте ее помыслов и невинности в падении. Алорзартими даже не думал, что Маргарита неопишимо тяготится тем, что видит его всякий раз, как выходит на свежий воздух, ведь ее бегство от общества вызвала боязнь испустить неприличный звук или поддаться в неподходящий момент тошноте.

Оказавшись на твердой земле, вернее, на пирсе у крепости Ксансё, Маргарита едва не разревелась от счастья. Она с любовью оглядывала пестрые домики Брослоса, какие стояли на месте и не плавали, и внутри каких пылали жаром каминны да жили люди, даже не подозревающие, насколько им повезло, что их кровати не болтаются вверх-вниз и в них не спит Соолма.

Принца Баро приехали встречать лодэтские аристократы и служащие Канцелярии. Маргарита ожидала, что принц Эккварт или Аргус будут среди них, но не нет – она не увидела ни одного знакомого лица.

Простившись с Маргаритой и изъявив желание когда-либо увидеть ее вновь, Адальберти и Алорзартими покинули Ксансё. «Гордость Веры» продолжали разгружать, отделяя вещи принца от сундуков Рагнера. За ними присматривали суровые воины-монахи, щеголявшие в белых нарамниках, и разномастная охрана герцога Раннора, похожая на разбойничью банду. Правда, ныне все головорезы набросили на плечи черные шарфы с сероватой рожицей Смерти на одном конце и белым морским змеем на другом – отличительный знак, позволявший им ходить по городу с ружьями. Там же, во внутреннем дворике крепости, Маргарита оставила среди прочих ящиков свой небольшой, но тяжеловатый ларчик, и, прогуливаясь належке вдоль высокой ограды Ксансё посматривала через зарешеченные проемы ворот на Брослос. Напротив крепости находился Дворец Правосудия – ничего особенного: большое и скупое, желтоватое здание, похожее на Ксансё, только без смотровой башни. Над вратами мирского суда багровел треугольный флаг с круглой эмблемой и символами богини Порядка внутри круга: чаши весов, между ними рог изобилия и оплетающая его змея. В своем учебнике Истории Маргарита прочитала, что, согласно языческому мифу, богиня Мера создала всё-всё-всё во Вселенной, то насыпая на чашу весов блага из рога изобилия, то выпуская свою змею, чтобы она съела излишки. Когда богиня стала благодатной землей для своих детей-звезд – божеств, то рог изобилия превратился в женщину, приносящую в мир ласку, жизнь, красоту; змея – в умного, ловкого и смелого мужчину, по-прежнему жаждущего разрушений. Так люди появились и на земле богов, в Меридее... «Так и ты, Рагнер Раннор, из змеюки этой точно небось наделался!»

– Мы доставим твои вещи до дома Магнуса и Марлены, да и тебя проводим, – подходя к Маргарите, сказал Рагнер. – Не возражай. Бесплезно.

Она ничего не ответила, но задержалась взглядом на своем ларчике, что он держал под мышкой.

«Вот прилип-то к нему!» – с раздражением подумала она.

– Не стоит его так бросать, – пояснил Рагнер. – Он слишком маленький и сразу понятно, что в нем ценности. А охрана может не уследить, затерять его среди прочих ящиков, погрузить не туда. Потом и не найдешь...

Маргарита отвернулась, уставилась на Портовые ворота Нового Вала.

– Ты себя лучше чувствуешь? – не отставал от нее Рагнер. – Вроде уже лучше. Немного порозовела.

Маргарита не удостоила его взгляда, не то что ответа. Рагнер вздохнул, но не ушел. Положив свободную руку на пояс и посмотрев вниз на свои остроносые сапоги, он сказал:

– Маргарита, мы не можем не общаться. Я считаю дитя в твоем чреве своим, и буду навещать тебя. И буду каждый день справляться о тебе, нравится тебе это или нет. Неужели так сложно ответить мне на простые вопросы?

– Серебро, что в ларце, заberi себе, – со слезами в голосе сказала она. – За мои зимние одежды. Не возьмешь – больше слова тебе не скажу никогда.

– Ладно... – усмехнулся он. – Платишь мне за то, чтобы я мог говорить с тобой? Торгаш из тебя – полная дрянь, даже по сравнению со мной.

Она метнула в него свой самый гневный, самый огненный взгляд – а он шире улыбнулся!

– Вижу, что ты оправилась... Скоро вывезут повозку, но предлагаю пойти пешком и больше тебя не трясать... Если ты, конечно, не устала.

– Нет. Пешком я прогуляюсь с радостью.

Он постоял еще немного, пытаясь найти что-то, о чем с ней еще можно было поговорить и при этом не поссориться.

– Я сам себя ненавижу... – вздыхая, сказал он и покинул ее.

Раоль, хотя получил расчет, еще отирался возле охранителей Рагнера. Когда появилась Соолма, он крепко обнялся с ними, и направился к центру внутреннего дворика, где Черная Царица в двурогом колпаке и огромная собака в милейшей попоне величаво шествовали.

– Мона Криду, – достал Раоль сверток из своей сумки. – Это мой вам подарок. Там кошелек. Красивый и дорогой – достойный вас.

– Раоль Роннак, я не возьму ваш подарок, – холодно ответила Соолма.

– Разве это сложно? Я же не прошу его носить – просто возьмите!

– Собаку натравлю, если не уйдете, – жестко ответила та.

«Милейшая душка» Айада охотно подвигала челюстью и показала острые клыки. Раоль неохотно вернул сверток в сумку.

– Я тебя люблю, – сказал он Соолме. – Может, я не так хорош, как герцог Раннор, но люблю тебя сильнее и ценить тоже буду больше. Это всё, что я хотел сказать...

Раоль подумал, что стоило бы проститься еще и с Маргаритой, но та, обиженная на весь мужской род, демонстративно от него отвернулась. Махнув рукой, Раоль вышел за ворота и отправился через порт в трактир Гёре.

Тогда же колокола многоголосым звоном поведали, что наступил четвертый час. Начиная смеркаться. В зимнем Брослосе, погода была значительно мягче, чем в Ларгосе, и здесь еще вовсе не белел снег, мороз не щипал щек, а с моря не задувал ледяной ветер. Темнело здесь чуть позднее, чем в Ларгосе, но столь же стремительно.

– Пойдем, – позвал Маргариту Рагнер. – Надо успеть дойти до дома, пока хоть что-то видно, а то все в Малом Лабиринте вечером ставни закрывают и света на улицах нет...

Вскоре по набережной Ксанснс топал Сиурт с фонарем в руке, за ним шли Рагнер и Маргарита, за ними два охранителя тащили на носилках ящик со свадебным сундуком, после здоровяк Румольт нес на спине плоский ларь, и замыкали процессию два головореза с длин-

ными ружьями, годными также в качестве отличных дубин. Рагнер и Маргарита шли рядом и больше не разговаривали. Сначала девушка ничего не замечала вокруг, погрузившись в раздумья о дальнейшей жизни, но потом стала обращать внимание на то, что к вечеру на набережной, у закрытых лавок, появляются совсем другие нищие, больше похожие на грабителей, чем на попрошаек, и эти бродяги провожали жадным взглядом ее богатый, расшитый серебряной нитью, отделанный драгоценным мехом плащ.

– Не бойся, – заметил ее страх Рагнер. – Мы с Сиуртом пятнадцати лесорубам чуть не навалили, а с этими-то бродягами и подавно управимся...

– Я лучше у Марлены сниму этот плащ и отдам его тебе, – ответила Маргарита. – Лучше куплю что-то скромное.

Рагнер раздраженно простонал.

– Серебро всё свое ты мне уже отдала, забыла? Маргарита... Не вздумай продавать драгоценности одна, или Магнусу это доверить. Я понимаю твою гордость – так тебе легче... Гордость – это сейчас как обезболивающая настойка с опиумом, но... Но всё равно тебе нужна помощь. Я! – приволок тебя сюда, в конце концов, – с нажимом выговорил он «я». – Правда, пожалуй, насчет плаща ты права... Я завтра пришлю тебе что-нибудь взамен. И не ходи никуда одна из дома. Раз ты так хочешь, я тебе глаза мозолить не буду: к тебе каждое утро будет приходить Сиурт и спрашивать, что нужно. Думаю, Аргус тоже не откажется помочь. У него в Канцелярии полно народа для подобных поручений – будут тебе помогать и сопровождать. Дядю еще попрошу. Помощь от короля Лодэнии примешь? Если согласна, то Аргус завтра к тебе заедет.

Какой-то неопрятно одетый мужик, похожий на портового носильщика, стянул в приветствии шапку, похотливо ослабившись на баронессу Нолаонт, и что-то пьяно пробормотал, почесывая себя ниже живота. Но только Сиурт показал свой здоровенный кулак, пьяница шатаясь, побрел прочь.

– Да, пусть Аргус приезжает, – согласилась Маргарита, нервно поправляя у шеи пушистый воротник плаща.

Приблизившись к Сторожевому дому Лодольца, они свернули на широкий Южный Луч, а затем направились вглубь Мягкого края. Дома здесь тесно, будто в страхе, жались друг к другу, выстроившись вдоль темных улочек, проездов, тупиков; одни жилища имели высокий забор перед передним двориком, в другие дома попадали прямо с мощеных дорог. Нависающие над нижними этажами пристойки, закрытые ставни, враждебное рычание собак... Маргарита с каждой минутой пугалась всё больше: зимний и темный Брослос разительно отличался от летнего и светлого. Здесь было грязно, гнилостно, сыро, пахло тухлятиной, а порой даже мочой. И чем дальше они углублялись в запутанные переулки, тем недружелюбнее лица им попадались. Незаметно для себя Маргарита стала жаться к Рагнеру; когда же перед ней пробежала крыса, то девушка с визгом отскочила к нему, а тот ловко поймал ее в объятия.

– Ненавижу крыс, – высвобождаясь, сказала она и продолжила идти за Сиуртом.

– Может, тебе нужно другое жильё? В Ордрхоне много хороших домов, какие сдаются внаем. Что скажешь? И в том округе светло по вечерам, нет бродяг и пьяниц, ведь рядом управа со стражниками...

– Нет! Раз Магнус и Марлена как-то здесь живут, то и я смогу. Как же быстро отвыкаешь от бедности... Я ведь жила и в инсуле, и на улочке ничем не лучшей, чем эти.

– Ладно... Но если захочешь, то только скажи. Я в Лодольце сразу зайду к Аргусу – пусть городская стража получше да почаще обходит этот квартал и будет поблизости от вашего дома.

– Вот за это спасибо, – искренне сказала девушка. – Надеюсь, что у Магнуса есть топор. Если он с ним спать не будет, то я стану, а то мне страшно: вдруг какой-нибудь проходимец в дом залезет... Боже! – поразилась она. – Я говорю, как моя тетка Клеметина! Дожила... Да, Рагнер, а как же Енриити? Я думала, что она тоже здесь будет жить...

– Это вряд ли... – улыбался он в темноте, довольный тем, что они нормально общаются и что она уже зовет его по первому имени. – Думаю, Енриити останется в Лодольце – ее никто со двора не гонит. Может, замуж здесь даже выйдет. Вроде у нее есть два знатных ухажера. И Лорко еще есть.

– Лорко! А ты чё мне не сказал?! – разъярилась Маргарита. – И давно?

– Да успокойся: Лорко ей не чета – пустое рыжее место для Енриити.

– Всё равно надо было сказать! Она же падчерица мне! А Лорко бабник!

– И что ты бы сделала?

– Тебе бы как следует по голове настучала за то, что ни во что не хочешь вмешиваться, когда речь идет о твоих дружках! Ты им не нянька... Конечно! – язвила она. – Твои друзья такие – и ты такой же! Как Ольвор и как Лорко! Как ты еще рыжим не уродился?!

– Ну рыжие-то здесь причем?

– Не знаю, но я про твоего двэна Зимронда. Тоже рыжий!

– Ну ладно, может, насчет рыжих ты и права...

Поссорившись, они опять замолчали. А тут как раз показался небольшой, скорее даже убогий, храм Благодарения – и Маргарита облегченно выдохнула – «Белая башенка» – дом, где жила чудесная, ангельская, добрая Марлена, был близко. Свернув из узкого переулочка в немногим более широкий Столярный проезд, она стала видеть пирамидку темной крыши и неосвещенный третий этаж.

«Умоляю, лишь бы они были дома, – твердила она про себя. – Хватит с меня издевательств, не думаешь, Боже? Помоги хоть на этот раз...»

Слава Богу, Бог устал над ней измываться – когда они шли по проезду к нужному им тупику, Маргарита увидела, что дымок робко стелется над каминной трубой «Белой башенки», и так образовалась, что даже перестала гневаться на Рагнера и не отказалась от его помощи – милостиво позволила себя перенести через гигантскую лужу.

«Белая башенка» и ее кирпичная пристройка под кухню находились за высоким забором из дерева. Маргарита вновь поблагодарила Бога за то, что ее проводили, ведь так кричать, как эти шумные лодэтчане, она не могла. Вскоре, в ответ на ор, Магнус открыл ворота, искренне обрадовавшись незваной гостье. И Марлена обрадовалась Маргарите – да так, что незамедлительно захотела ее накормить. Пока Рагнер разговаривал с Магнусом в гостиной, девушки весело болтали в кухне. Марлена очищала от чешуи рыбу, обваливала ее в муке и клала на сковороду, чтобы запечь в углях. Маргарита тоже была при деле – кушала булочку с малиновым вареньем и подробно рассказывала, какой Рагнер есть мерзавец, скотина и, вообще, «слова для такой низкой тварюги не создал Бог».

– Так, значит, ты сама решила уйти?! – выслушав ее, спросила потрясенная Марлена. – Да ты лишь о себе думаешь! – возмутилась она. – Да хоть раз, что б я еще... Я душу из-за тебя чуть не загубила! Тогда, когда согласилась помочь Лодэтскому Дьяволу, – я ведь прекрасно знала, что он убьет Совиннака. И я не хотела поддаваться мести – но из-за тебя поддалась! – указала она на Маргариту ножом. – А ты, глупая девчонка, то любишь Лодэтского Дьявола, то его не любишь! То хочешь в Лодэнию – то назад в Орензу ей надобно! Думай же, наконец, головой!

– Марлена, – обиженно проговорила Маргарита, – он же мне изменил, предал меня и... И ничуть даже не пытается удержать...

– Это не так! – закончив с рыбой, Марлена принялась сердито мыть руки в медном тазике с водой. – Иначе что он бы здесь делал? И подумаешь: измена! Частенько бывает, что мужья изменяют, но если ты любишь, то должна простить, следуя гласу духовной любви, а не земной. Должна взять за козлиные рога свою Гордыню, обуздать ее и пытаться вернуть супруга из блуда в семью, – так нас учат на проповедях. И борьба за супруга ничуть, ни капельки, не унижает женщину!

– Тебе изменяли? Огю Шотно тебе изменял?

– Нет конечно! Я бы его никогда не простила!

– Ну вот!

– Это другое! Его я не любила. А Магнусу я бы простила даже измену.

– Говоришь так, потому что знаешь, – он тебе не изменит! – разозлилась и Маргарита. – Опять получается, что для тебя во всем одна я виновата! Хотя изменил-то – он! К женщинам все несправедливы! Даже другие женщины! Вот мужчины, они покрывают друг друга! Не няньки они, видишь ли... Да они отличные няньки своим дружкам! Тебе просто не понять меня: что это такое, когда всё оказывается ложью! Наши глаза, когда мы смотрели друг на друга и молчали – тоже всё было ложью... – вытерла она щеку и доела булочку. – Не хочу больше мужчин. Скоро у меня родится моя Ангелика... О, да! – забыв про слезы, возмутилась она. – Он даже дочку мне не позволял назвать так, как я хотела! Вообще, быть герцогиней – это жутко скучно. В Оружейную нельзя, в спальню к нему нельзя, ко мне в спальню мужчинам тоже нельзя! Я ларь одна таскала! И все вокруг пакостят, вредничают или сплетничают – и им тоже нельзя дать повода. А ему можно всё! Да ну! Не хочу более замуж. Больше не хочу, чтобы мне указывали!

Расстроенная Маргарита прошла к грубому кухонному буфету, достала горшочек с вареньем и новую булочку из корзинки с салфеткой. Густо наполняя внутренность хлебного колобка сладкой начинкой, она продолжила рассказ:

– Я все дни проводила, как в заточении, одна в замке. Сидела у окошка и ждала, когда же посинеет это проклятое небо и когда соизволит прийти герцог Раннор – и порадовать меня: измять мне платье, растрепать мне волосы, обозвать толстухой, булкой, пышкой и лепешкой! – посмотрела она булочку с малиновым вареньем и потеряла охоту до нее. – И хорошо еще, что не слоном и не медведем! – резко заплакала она. – Тея Маагнус медведем обзывал?

– Нет, – подошла к ней Марлена и обняла. – Он не обзывается, хотя мне иногда хочется...

– Чего? – шмыгнула носом Маргарита.

– Ну, у нас тоже не всё ладится, – отстраняясь и глядя ее по голове, говорила Марлена. – И мы тоже ссоримся. Вернее, ссорюсь я, а он всё улыбается и улыбается! А ведь я так любила его улыбку, но сейчас порой сил нет никаких! И всё-то ему нравится! Так – по душе, сяк – по сердцу, что я ни сделаю – всё по нраву! А это значит, что ему не нравится ничего! Я стараюсь, а он моих усилий не замечает вовсе – только если я прямо укажу и ткну пальцем – лишь тогда заметит новую скатерть, удивится и скажет, что ему по нраву!

Внезапно что-то глухо кашлянуло – обернувшись, девушки увидели в дверях Магнуса и Рагнера, обоих во всем мрачно-черном и с самыми мрачными выражениями на лицах.

– И давно, любимый, вы там стоите? – несмело спросила Марлена.

– Давно. И мне было не по нраву то, что я услышал! – ответил Магнус.

– Вот наконец-то! Теперь я полностью счастлива, любимый мой. Давай немного поговорим... – подошла к нему Марлена, и тот увел ее из кухни.

– Я тоже всё слышал, – задумчиво проговорил Рагнер. Прислонившись спиной к дверному косяку, он стоял в проходе и глядел, как они скрываются в передней. – Слух у меня весьма острый, как ты знаешь... Я думал, что мы давно оставили в прошлом твои обиды на мои шутки.

– Нет! Просто ты шутил, шутил и снова шутил, не слушая меня, что мне обидно! Что я должна была делать, если ты меня не слышишь? Вот и терпела...

– Ладно... Я пойду... Завтра утром жди Сиурта и Аргуса.

– Уйди, наконец! – в сердцах выкрикнула ему Маргарита.

И Рагнер молча ушел – вскоре громко хлопнула входная дверь.

От «Белой башенки» до Сторожевого дома путь быстрым шагом занял минут двенадцать. Зайдя за ворота Лодольца, Рагнер и его охранители миновали прямоугольное ристалище, где

плотники возводили помосты и трибуны для предстоящего рыцарского турнира. Рагнер решил попробовать заставить Аргуса в Канцелярии. Королевские ворота перед мостом закрывались с наступлением темноты, поэтому к Служебным воротам Сторожевого дома шли кучками мужчины – пожилые, средних лет и совсем еще юнцы, но у всех них будто была печать собственной значимости на лицах. Писцы, секретари, счетоводы, все они носили небольшие шляпы и, здороваясь с Рагнером, приподнимали их над головой – это действие заменяло почтительное приветствие и не отвлекало более высоких по положению людей, чем они.

Канцелярию ее служащие прозвали «Проходлярией»: стражей на входе не наличествовало, и любой, кто попал в Лодольц, мог туда спокойно войти. Правда, интересных происшествий там никогда не случалось: в кабинетах первого этажа творилась разная скучная «бумажная возня», на втором этаже обитали люди поважнее, отвечающие за связь Брослоса с другими городами и землями Лодэнии, третий этаж заняли самые важные мужи – приближенные канцлера, отвечающие в том числе и за иноземные отношения. На четвертом этаже размещался архив.

У уже закрытых Королевских ворот Рагнер отправил своих охранителей к Малому дворцу, а сам в одиночестве проследовал в Канцелярию, поднялся на второй этаж опустевшего здания и крикнул Аргуса Нандига. Его друг спустился с третьего этажа. Аргус всегда одевался со вкусом, вот и сейчас он облачил себя в отличный светло-бежевый камзол длиной немного выше колен, красные штаны и синюю рубашку; на голове носил сероватую, с небольшими полями шляпу, удобную для частого приподнимания.

– Отменно выглядишь, модник! – обрадовался ему Рагнер.

– А ты мог бы лучше! Подстригись уж, а то хуже Эорика.

Они скрепили руки знаком двойного единства, и когда Аргус положил левую руку сверху, то на его мизинце блеснуло золоченое кольцо-печатка с гранатом. – Откуда у тебя эта кальсингская метка? – удивился Рагнер, размыкая руки. – Всего за полгода – и так поднялся!

– Всего-то третий посыльный канцлера. Самый младший.

– Скромняга. Четвертый человек в Канцелярии! Я даже тебя немного боюсь... И ты не ёкаешь! Не «всёгё», а «всего» говоришь!

– Я и меридианский лихо подтянул. Думал, совсем забыл его...

Они общались в просторной квадратной проходной зале второго этажа, в какой не было ничего примечательного, кроме широкой лестницы, окаймленной дубовой балюстрадой, и витиеватых оконных рам в трех полукруглых нишах – у центральной оконной ниши мужчины и встали. Казалось, что в Канцелярии никого, кроме них, уж нет. Но откуда-то из глубин раздавалось далекое покашливание Инглина Фельнгога. Если бы Рагнер не знал Аргуса, то он бы решил, что и тот пытается его этим истощенным, несчастным, проклятым секретарем.

– Как же это невыносимо! – не сдержался Рагнер, опять услышав покашливание.

– А я привык. Уже и не хватает чего-то, когда его кашля не слышу: как на отдыхе, а не на службе...

– Да он удивителен, – согласился Рагнер. – Как то сразу дает понять, что для счастья нужно мало – всё-то лишь бы более никогда его не слышать!.. А ты? Давно на побегушках у лысого свиристеля?

– Пару минут назад я был четвертым человеком в Канцелярии, и ты меня боялся! – напомнил ему Аргус.

– Я бы не радовался на твоём месте... – вздохнул Рагнер. – Был у лысого свиристеля в гостях, в его большущем доме у Лидороса?

– Да... был. Это разве скверно?

– А после обеда долгие беседы ни о чем с ним вел, так?

– А что тебе не нравится? – с раздражением спросил Аргус. – Я дорожу службой и стараюсь, как могу. Сам видишь: другие уже отдыхают, а я здесь... Я заслужил доверия госпо-

дина Кальсингога честно. И, кстати, это низко обзывать за недостатки внешности, а должность канцлера высока и почетна. Сам король доверил ему Большую печать, и с ней волю и слово! Меня оскорбляет и твое неуважение к Канцелярии, и когда ты обзываешь канцлера свиристе-лем, тем более лысым. Что такого, что лысый?

– Аргус, – оторопел Рагнер. – Ну не обижайся... Что же я всех обижаю... Ты прав, нет ничего такого в лысине. Отец короля Ивара вошел в Историю как Лысый, и ладно: благородного орла не портит ни лысина, ни шепелявость, а Кальсингог бесится, поскольку самовлюблен и знает, что он мелкая птица. Я же уважаю достойных людей, а не должности. И извини, тебе неприятно будет это знать, но если Кальсингог тебя приметил, то тебе не радоваться надо. Когда ты привыкнешь к новой должности и власти, он устроит проверку – захочет знать, что ты выберешь: службу или честь. И если честь, то эту службу потеряешь.

В тишине отчетливо прозвучало покашливание, доносившееся из коридора

– Почему ты мне раньше этого не говорил? – хмурил брови Аргус.

– Пугать заранее не хотел... Да и не думал я, что ты приглянешься лысому свиристелю.

Он любит подлецов, какие еще не знают, что они подлецы, а ты не такой... И еще я уверен, что ты справишься. Что-нибудь, как всегда, придумаешь! Аргус, мне опять твоя помощь нужна. Не хочу углубляться... Словом, со мной прибыла Маргарита, и она остановилась в доме Магнуса. Сам знаешь, что такое Мягкий край и какой он не мягкий... А на меня она сердита. Гордая она... От меня не хочет услуг, но нужно охранять дом и пьянь портовую гонять с улиц. Наши демоны убьют еще соседей ненароком... Можешь выделить людей или мне дядю просить?

– Могу, я теперь много чего могу. Я утром найду время и сам ее навещу, чтобы понять, что требуется.

– Спасибо.

Послышался шум и топот ног – на лестнице показалось семь мужчин, настолько спешащих, что они не заметили Рагнера и не сняли перед ним своих шляп. Четверо бросились бежать на третий этаж, а другие, окликнув Аргуса, устремились вглубь темного коридора и пропали там.

– Мне надо идти, – сказал Аргус. – Минут через девять направлю к дому Магнуса воинов из королевского полка. Она их даже не увидит.

Они обнялись и расстались. Но только Рагнер спустился на середину лестницы, Аргус вновь окликнул его: появившись у балюстрады, он смотрел на Рагнера сверху вниз.

– Забыл сказать: Мирана, Линдсп и его... взрослая дама сердца исчезли. Куда-то съехали. И я не знаю куда.

– Так и знал, что добром это не кончится! – громко прокричал в пустом здании Рагнер, и ему ответило эхо:

– Нчится... мчится... ица... ца...

И раздалось покашливание.

– Я спешу, – спокойно ответил Аргус. – И из-за гостей из княжества Баро мне не до розысков Мираны.

– Конечно, сам ее найду... А с Енриити-то хоть всё в порядке? А то Маргарита и за это на меня взъелась. Лорко еще не?..

– Не! – улыбнулся Аргус. – С Енриити всё славно, она умненькая.

Он исчез за перилами лестницы, а Рагнер крикнул ему вслед:

– Не забудь о Маргарите!

– Не забуду ни за что! – донесся до него громкий голос Аргуса, и опять ответило эхо:

– За чтооо?... чтоо?... тоо... оо...

И, конечно, закашлял Инглин Фельнгог!

Выйдя из Канцелярии, Рагнер быстро побежал к Большому дворцу, избрав на этот раз для подъема на холм, вместо лестницы, левый спуск; в длинном вестибюле дворца он стремительно пронесся мимо скучавших там слуг (многие даже успели ему поклониться), далее вылетел на еловую аллею и по ней, едва запыхавшись, достиг Малого дворца.

Его ждали – смотритель дворца проводил герцога Раннора на третий этаж, в южное крыло, где, в самом его конце, для племянника короля отвели уединенные и просторные покои: целый коридор, шесть спален и одну гостиную. Рагнер обрадовался, увидав на кровати свой парадный камзол – Соолма уже погладила его и почистила. Еще она нагрела ему воды для бритья. Так, лишь благодаря Соолме, он опоздал в Тронную залу всего-то (всего-то?!) на две триады часа, а не явился на глаза короля к обеду.

В Тронной зале происходила церемония знакомства: король, его семья, придворные и просто жившие в Лодольце аристократы впервые видели гостей – принца и герцога Баро, а те – их. «Черный стул» Рагнера с полотном веселой Смерти над змеем позорно пустовал – поэтому племянник заслужил от дяди пару гневных взоров. «Знал бы ты, как я бежал! – ответили светло-карие глаза голубым. – И куда! На самое скучнейшее действие в мире!»

Церемония знакомства и впрямь была крайне скучна. Женщины из родни короля стояли в ряд у стены, на длинном, низком возвышении, справа от трона и по левую руку короля, не участвуя в беседах; с другой стороны от трона таким же образом вставали канцлер и его помощники. Стулья расставлялись полукругом перед возвышением; мужчины из монаршей семьи, в порядке убывания, от самого старшего до младшего, сидели справа от трона, перед женщинами, гости – напротив них, слева, но по правую руку короля. Толпа придворных, образовав два полумесяца, глазела на то, как неторопливо общаются гости и король. Завтра ожидалась намного более веселая церемония обмена подарками, и король Ортвин разрешил Рагнеру на нее не являться.

Тронная зала удивляла и своими великими размерами, и простотой отделки: белесую штукатурку веселила лишь багряная кайма по низу высоких стен; напольные плиты из гладкого камня складывались в сероватые, спокойные, геометрические узоры. Зато резной потолок, подсвеченный круглыми лампадофорами, восхищал – наверху то бушевало море, то цвели сады. Порталы дверей, будто врата храма, оделись в арки и полуколонны, испещренные каменным кружевом; три размахистых, полукруглых окна демонстрировали вечнозеленый лабиринт; разноцветные бархатные подушки-тюфячки лежали на дубовых скамьях, обрамлявших с трех сторон Тронную залу. Вошедший туда сразу обращал внимание на дальнюю стену, где яркий, пестрый ковер дорожкой спускался по стене к двухместному массивному трону, широкому и грубому – этому дубовому престолу исполнилось лет пятьсот! Его высоченную спинку застилало золотисто-голубое покрывало с гербом короля, над тронном, на ковре, среди багрянца закрутился голубой водоворот о восьми волнах, в центра какого сияло золотой парчой солнце – полубог-получеловек, согласно древним верованиям лодэтчан. Сейчас на троне вместе с королем сидела Хлодия, а пятилетняя Ольга, устроившись между родителями, от скуки болтала ножками. Королева Маргрэта тоже опустила на стул – церемония знакомства близилась к завершению.

Рагнер вошел в Тронную залу, одетым в привычные черные цвета и с любимым беретом на голове, но теперь на его коротком камзоле хихикали, глядя друг на друга, безносые, темно-серые профили – казалось, что две Смерти, пригревшиеся под его руками, что-то замышляют. И драгоценностями он украсил себя щедро: золотая цепь с орденом на груди, золотые шпоры на пятах, два перстня на пальцах, золоченый Анарим на правом бедре и крупный карбункул, размером с куриное яйцо, у левого плеча. Рагнер припал на колено перед дядей, извинился за опоздание и сел на стул между Зимрондом и Экквартом. Эгонн Гельдор не присутствовал на церемонии знакомства, Хамтвиры тоже. Среди яркого сборища придворных Рагнер к своему крайнему изумлению разглядел рыжеволосую Ингё, преобразившуюся до неузнаваемости.

Кроме бархатного ядовито-зеленого, темного платья – цвета драконьей зелени – эта бывшая прислужница носила острый колпак, высота которого сообщала о титуле баронессы. Енриити тоже была в Тронной зале – ее тонкая фигурка в светло-розовом платье гармонично вписалась в стайку столь же юных, тонких красавиц, «пятидесяти прелестных дев», похожих на пестрых певчих птичек, – подлинная услада для глаз...

– Красный Король? – сразу спросил Рагнера его дядя, глядя на карбункул.

– Затаился в дымоходе Ларгосца, Ваше Величество. Нашли, когда разломали камин в опочивальне герцогини.

– И что еще нашли в тайнике? – задумался король.

– Более ничего, Ваше Величество.

– Дорогой мой друг Рагнер, – заговорил принц Баро, – ты пропустил весьма любопытный рассказ о Нибсении, где тоже когда-то сам воевал, рассказ от рыцаря, воротившегося из Сольтеля, из жемчужины тех мест, города Дионза.

– А я рад, что пропустил, – дерзко ответил Рагнер, понимая, о каком рыцаре идет речь. – Иначе начну завидовать столь славной доле – повоевать на Священной войне и поспасать людей на Гео. Я могу даже заплакать...

Дядя метнул в него очередную молнию из голубых глаз, приказывая остановиться и не портить вполне приличный ответ.

– Сольтель далеко, а рыцарский турнир близко, – заговорил король. – Аннар Стгргор явит доблесть и защитит честь Лодэнии, как многие другие славные рыцари и как я сам. А противники у нас достойные и грозные – герой Меридеи, Хаэрдский Медведь, жаждет поднять еще и нас на свое бронзаянское копьё да добавить на грудь новый орден. Ваше Высочество, а вы что скажете?

– Я захватил доспехи и Ориану, – ответил принц Баро. – Но сражусь лишь в одном случае, – улыбнулся он. – Только против своего единокровного брата, Рагнера Раннора. Баройский Лев проигрывать не любит, даже Лодэтскому Дьяволу.

– Нет, Ваше Высочество, ни за что и никогда отныне, – тоже улыбнулся Рагнер. – Лодэтский Дьявол считает разумным более с Баройским Львом не встречаться как с противником, лишь как с другом и братом. Дважды мне точно не повезет.

Далее Рагнер исполнил то, зачем его позвали и ради чего он так бежал в Тронную залу: рассказал о том, как вступил в поединок с принцем Баро и, лишь благодаря невероятному везению, смог взять над ним верх, потратив на изнурительную победу четыре долгих часа. Принц Баро, в свою очередь, всё отрицал и настаивал на том, что Лодэтский Дьявол, великий воин, пленил его честно и в плену не обидел, оттого заслуженно удостоился его глубокого почтения. И рыцари вовсе не лгали, как могло подуматься, – они являли четвертую рыцарскую Добродетель – Благородство. Просто ну никак не может герой Меридеи, Баройский Лев и прославленный воитель, быть захваченным в плен непонятными простолюдинами при помощи пустого ружья и маленького ножичка. И король Ортвин I, сам славный рыцарь, не мог не сделать щедрого подарка тому, кто желал стать его семьей – он дарил принцу Баро добрую славу о том пленении, вместо позорной. Принц, естественно, о таком никогда не просил, иначе вел бы себя неблагородно, но правила такой игры знал, был польщен и надеялся на нее с самого начала сватовства. С того момента, как Рагнер рассказал всему двору и перед королем «правду», его ложь сразу стала правдой, а всё рассказанное до этого – клеветой, за которую король мог срамно казнить, ведь порочили имя героя Меридеи, его почетного гостя.

Однако на обеде в Рюдгксгафце историю о ножичке, пустом ружье и бесславном пленении слышали все Хамтвиры, королева Орзении и Эгонн Гельдор, который разнес ее всем при дворе. И сейчас Рагнер, прекрасно понимая, что делает, в очередной раз позорился, выставляя себя лгуном. Он по этому поводу не печалился, весело посматривал на своего довольного дядю, а на него самого недобрыми голубоватыми глазами смотрел Аннар Стгргор, молодой

мужчина девятнадцати лет, светловолосый, высокий и по-рыцарски статный сиюарец. Благо-родно красивым Аннара назвать было нельзя из-за излишне крупного носа и тяжелого подбородка, но его худощавое лицо обычно вызывало симпатию у окружающих. Сейчас же его будто поразила редкая язва – лицо застыло, да вот серо-голубой глаз порой нервно дергался и на виске вздувалась венка, – так жгуче он ненавидел Рагнера за убийство своего старшего брата, случившееся шесть с половиной лет назад. Последний поединок того турнира происходил на мечях – и в нем встретились самый славный воин Лодэнии, Валер Стгрогор, и позор Лодэнии, Рагнер Раннор – наемник, недавно кончивший «Бальтинскую резню». Убивать противника на мирном турнире, особенно второго лодэтчанина, не имело никакого смысла, но Рагнер Раннор убил, причем играючи – за пару минут загнав свой бальтинский меч под стальной ворот доспехов и вверх – под подбородок Валера Стгрогора. Тот погиб, истекая кровью из-под шлема, окрашивая ею свой алый нарамник и герб с ладьей. Многие рыцари с тех пор стали надевать поверх лат дополнительные кольчужные воротники-бармицы, а Рагнера судили, признав обвинение в Бессмыслии, седьмом рыцарском Пороке, справедливым.

Что и говорить, теперь Аннар Стгрогор мечтал сразиться с Рагнером Раннором на турнире или хотя бы сойтись с ним на мечях. Ненависть и жажда мести направляли Аннара уже долго – сперва они позвали его в Сольтель, где он получил рыцарское звание, затем подвели его в Брослосе к дружбе с Зимрондом и к супружеству с рыжеволосой Ингё, «сестрой крон-принца».

Прежде обеда лодэтчане закусывали. Король пригласил гостей, свою родню и высокопоставленных придворных сперва пройти в Зеленую гостиную, небольшую и уютную залу, где общались более непринужденно, чем на церемонии знакомства. Там всё внимание принца Баро заняла беседа с престарелым первым рыцарем Лодэнии, тоже героем Меридеи, Алорзартими же любезничал с Алайдой. Рагнер, раздумывая о чем-то, взял чашу вина и сел на скамью рядом со своей бабулей, как всегда одетой в белый траур и носившей корону.

– Хамтвиры, надеюсь, в Брослосе? И где Эгонн-лобозвон, не знаешь?

Королева пожевала ртом.

– Где Эгонн не знаю. Ну а Хамтвиры сейчас в своем имении на Морамне, – неохотно ответила она. – Получил дозволение?

– Да, дозволение должно быть уже у епископа Дофир-о-Лоттой. Заеду завтра к нему, послушаю, что скажет. Правда, – усмехнулся Рагнер, – я останусь, похоже, один, ведь недостойно повел себя. Буду без супруги, без невесты, без наследника... и без золота тоже. Стану полностью свободен. Может, и мне на турнир записаться да второго Стгрогора убить?

– Ортвин более ни за что не допустит тебя к турниру, тем более с другим Стгрогором... А свобода, Рагнё, – ласково похлопала его по руке бабушка, – это большая ценность, не зря она восьмая рыцарская Добродетель. Прежде чем отказаться от нее, выбери достойную супругу и будь ей достойным господином. С достойной женой и жить достойно полагается, и самому желается, – не вини себя – раз повел себя с ней недостойно, то эта блудная вдова в вопиющих одеждах того заслужила. А идти под венец лишь из-за того, что кого-то обрюхатил... Поступай мы так, и род Раннор, и род Мёцэлр уж давно бы впитали в себя кровь торгашей или даже землеробов!

Глава XXII

Перемены

Согласно знанию, Огонь нес смерть, но без Огня не было жизни. Благой Огонь сравнивали с солнцем, очагом или светильником. А чем же освещали меридейцы свои дома? Во-первых, это плоские глиняные лампы с одним или несколькими носиками и ручкой для переноски; наполняли их растительным маслом или животным жиром. Лучшим маслом для ламп являлось оливковое, однако на севере оно стоило дорого, оттого повсеместно, даже в домах лодэтских аристократов, пользовались льняным, дававшим копоть. Второй вид масляных ламп – чаши или лампы. Их делали из металлов, стекла, горного хрусталя; их серебрили, золотили, чернили; расписывали красками, эмалями... Чтобы защитить стены и потолок от сажи, мастера придумывали затейливые держатели для ламп и крышки – уловители копоти; благовония избавляла жилища от запаха гари. Лампы с носиком ставили на что-нибудь, лампы-чаши подвешивали. Напольная подставка для подвесных ламп-чаш называлась «лампадарий», красивый потолочный светильник в виде кованого, узорного круга со многими лампадами – это лампадофор. Кроме того, были лампы – комнатные подвесные светильники, покрытые стеклом или узорной решеткой; а от лампадофоров произошли фонари – светильники, с какими путники перемещались впотымах по улицам, ведь те не освещались. Вместо стекла, также использовали пергамент или же вовсе обходились прорезями в металле.

Во-вторых, факелы и лучины. Березовые лучины не давали чада и небогатые меридейцы предпочитали именно их прочим домашним светильникам. Факелы же нещадно чадили, зато не затухали под мелким дождем и ветром; их использовали чаще всего для освещения крепостей, переходов, галерей, – словом, в хорошо проветриваемых пространствах, вдали от мебели, ковров, портьер. Если отряд аристократа появлялся с факелами в деревне – значит, жди беды: расправ, казней, задержаний. Так факел стал атрибутом воинов, рыцарей, владетельных особ. Еще с факелами меридейцы ходили по улицам в празднества, однако, во избежание пожаров, законы городов запрещали брать кому ни попадя факел в руки – для этого на маскарады нанимали «лампадофоров», то есть факелоносцев, которым надевали закрывавшие рот маски-воротники с замком – дабы те не пили.

И третий вид светильников – это свечи: сальные или из воска. Восковые свечи ценились, они являлись символом зажиточного дома и торжеств, даже огарки и те собирали, дабы сделать новые свечи. Умельцы изготавливали расписные свечи, свечи-часы или свечи-будильники с шариками. Кстати, масляные лампы тоже помогали следить за временем; такие «огненные часы» более всего любили ремесленники: когда огонь потухал – пора домой. Люстра со свечами в виде круга или колеса называлась «хорос». Роскошные, многоярусные хоросы, с позолотой и горным хрусталем, назвались «поликандило», если украшали храм, или «поликанделон», если украшали дворец аристократа.

Зимой жилища еще освещали каминами, иногда жаровнями, какими тоже обогревали дом. Когда в спальне имелся камин, то его разжигали до сна, а спали, оставляя горячие угли. Когда не было камина, для обогрева комнат использовали металлические корзины или горшки для углей. На крайний случай под тюфяк подкладывали горячие кирпичи, камни, грелки...

О времени горожан Брослоса одновременно уведомляли пять разных храмов города – и к столь многоголосному звону еще нужно было привыкнуть, чтобы не перепутать часы и триады часа. Просыпались в Брослосе рано – «утренний колокол» звенел не на рассвете, не в четыре часа, как в Элладанне, а в три, в начале утреннего часа Кротости. Зато последний бой колоколов слышался здесь на час раньше, чем в Орензе, сообщая, что наступило шесть часов, что на дворе ночь и пора спать. Зимой в это время ночной мрак стоял уж часа два, поэтому

женатые брососцы отходили ко сну даже раньше – чтобы в час Целомудрия не грешить и не приближать Конец Света.

Утром, в три часа и триаду часа, Брослос начинал оживать – открывались лавки, горожане, покидая дома, сонно брели по темным улицам. Светлело зимой тоже поздно – в пятом часу утра. К рассвету город уж минимум час-полтора как бодрствовал: на улицах покрикивали, хлопали дверьми, раздавался собачий лай, на рынках всю торговали, в порту сустились носильщики.

Малый Лабиринт прозвали «руками Брослоса», так как здесь селились рукодельники – изготовители всевозможных мелочей: столяры, слесари, косторезы, ленточники, вязальщики, платочники... Многие из здешних обитателей числились в службах Лодольца и снабжали всем необходимым королевский замок – от сена для конюшен до роскошных ковров для парадных покоев; временную прислугу также нанимали в замок именно из этих двух округов, из хорошо зарекомендовавших себя семей. «Белая башенка» стояла в Третьем тупике Столярного проезда; соседи Магнуса и Марлены мастерили игрушки и безделицы, расписные шкатулки и лари, утварь для дома и кухни, резные ставни и могильные стелы, – словом, всё что угодно из дерева. Их жены и дочери занимались тем, что пряли, раскрашивали поделки, шили одежду для кукол. Причем девочке-аристократке дозволялось играть только с куклой-аристократкой, девочке-горожанке с куклой-горожанкой, девочке-сильванке с куклой-сильванкой. Зато свободно продавались статуэтки принцесс и принцев, одетые, словно ярмарочные лицедеи, в мантии без гербов, в платья без золота и меха, в тиары, вместо короны. И такие статуэтки, с алебастровыми лицами и ручками, для детских игр не предназначались: ими просто любовались. Механические куколочки играли на органах, танцевали, кланялись, как и должно актерам. Порой подобная потеха не надоедала семейству годами – а все оттого, что жизнь, даже в столицах, у горожан протекала в душевной скуке. Появление нового романа, конечно, одобренного Экклесией, стало значимым событием во всей Меридее.

Вообще, романы считались «низким чтивом», так как писали их не на меридианском языке и предназначались они для «неграмотного» городского сословия – дабы дать мирянам примеры для подражания. Героями чаще всего были рыцари с высокими идеалами и безупречно нравственные дамы, или же, наоборот, раскаявшиеся злодеи и блудницы. «Блудниц» покупали охотнее всего. К концу одиннадцатого века романы читали и аристократки, ведь в их уединенных замках бытие тоже протекало в однообразии и куда как в большей скуке, чем у горожанок, занятых от рассвета до вечера домашними хлопотами, заботами о детях и отнюдь не праздным рукоделием. Романы перечитывались по несколько раз, а книгами не менялись – хозяйка приглашала подруг на чтения романа вслух. Детям дарили яркие гравированные листы со сказками – эти листы собирали в одну книгу, переходившую затем от матери к дочери.

Двадцать девятого дня Любви Аргус появился в Малом Лабиринте на рассвете, как раз тогда, когда «Белую башенку» покинул Сиурт. Здоровяк шел с котомкой, в какой свернулся белый плащ Маргариты. Аргус выехал из-за угла ему навстречу, сидя на броском темно-буланом в яблоках скакуне, и в Столярном проезде, у гигантской лужи, они поравнялись друг с другом. Сиурт окинул удивленным взглядом бежевый камзол Аргуса, его шляпу, тонкую черную тросточку, бархатистый темно-синий плащ с широким бобровым воротником, красный штаны и черные перчатки... Аргус выглядел успешным, столичным щеголем из третьего сословия – сытым холемым мирянином.

– Здравия, гасподин Нандиг, – поклонившись головой, сказал Сиурт.

– Здравствуй, Сиурт, – улыбался Аргус. – Но я не господин... вот куплю скоро дом, тогда... Ныне я просто – Аргус Нандиг, третий посыльный канцлера, – показал он кольцо, надетое поверх тонкой перчатки. – Его ближайшее, доверенное лицо, если ты не знаешь, кто такой посыльный.

– Да... Гасподин Нандиг, а вы жа падможате сыццать Мирану, раз такавай важнай сталіся? А то герцаг Раннор не знаат, где сыццать...

– Сиурт, сделаю, что смогу, когда будет время.

– Но эта жа Мирана!

– Иди по своим делам, а я по своим поеду. Быстрее освобожусь – и для Мираны время, может, найду...

Аргус поехал вперед, но Сиурт пошел вместе с ним.

– Я падмагу, – сказал он. – Тама у варотов кричать нада...

Сиурт быстро добежал до забора перед «Белой башенкой», громко там заорал – и Аргус подъехал уж тогда, когда откликнулась Марлена (Магнус с час назад ушел в школу при храме Благодарения).

– Здравия вам, гасподин Нандиг, – широко улыбаясь, поклонился Сиурт и потопал прочь.

Темно-буланого скакуна привязали к яблоне в переднем дворике, гостя Марлена проводила в дом и ушла «на минутку» в кухню, предварительно позвав Маргариту – крикнула у лестницы громко и вполне достойно шумной лодэтчанки. Аргус распахнул плащ, нацепил на свою тросточку шляпу и, поигрывая ею (вращая шляпу на трости, как ныне делали модники) осмотрелся в гостиной. Из-за скромного размера залы, загружать ее мебелью хозяева не стали, да и вещи из Рюдгксгафца, опасаясь грабителей, они взяли скромные, ничуть не роскошные. Тем не менее Марлена обставила свою гостиную так, что в ней было любо находиться: светлые стены приятно расцвечивались недорогими шпалерами и зеленоватыми шторами. Взор сидящего на скамье упирался в два оконца с толстыми ставнями и вуалевыми занавесками, какие прятали раму с неизысканным бычьим пузырем, вместо стекла. Красивая трехъярусная полка между оконцами демонстрировала глазурную посуду, а по ее краям висели два масляных светильника, похожих на медные яйца. Обеденный стол поместили под полкой, покрыли его нежно-голубым атласным сукном и расставили безделицы – дешевые, но милые фигурки-куколки из раскрашенного дерева, купленные у соседей. Когда стол подвигался к скамье и посуда из полки перемещалась на стол, то безделицы занимали полку, и она не огорчала пустотой. Скамья же смотрелась эффектно из-за яркого покрывала с лебедями, сотканного самой герцогиней Хильде Раннор. Марлене, кстати, очень нравилось это цветастое покрывало, и лебеди тоже нравились, и она не понимала, почему сия красота так не нравится Рагнеру Раннору.

Справа к скамье выступал из стены портал кирпичного камина, но огня еще не развели, а гостиная за ночь промерзла, точно погреб. Кроме холода зимой в жилищах поселялся сумрак: до полудня старались зажигать не более одного масляного светильника, обходясь лучинами. Иные зимние напасти – сырость, влажность, резкая и частая смены погоды на побережье, убивали штукатурку снаружи дома и внутри – то тут, то там Аргус видел маленькие трещины, какие однажды вырастут в большие, и покрытие начнет осыпаться кусками.

Марлена появилась с поленом в одной руке и котелочком в другой.

– Я нэнадолга, – заговорил Аргус по-орензски. – Нэ нада ёгонь.

– К нам так редко приходят гости, Аргус Нандиг, да и Маргарита весьма мерзнет с непривычки, а ей сейчас застудиться никак нельзя.

Аргус вздохнул, откладывая на скамью шляпу и короткую, тонкую тросточку (покрасоваться не удалось). Он сам растопил камин; Марлена зажгла светильники на полке, но закрыла ставни, чтобы зала быстрее прогрелась. Еще она повесила над огнем котелочек и велела следить за ним. Аргус подумал, что дожил – уже и котелок тоже надо держать под надзором, – если так пойдет дальше, то он будет скорее служить Рагнеру, чем в Канцелярии, и при этом не получая ни монеты.

– Порой мне кажется, что я и не переставал работать на него... – тихо пожаловался он котелку. – То о Миране разузнай, то за Енриити пригляди, то судью ему раздобудь, то школяра какого-то найди, то алхимиков где-то откопай. Будто бы это всё легко! Будто пустяки... Затем

приезжает – и, вместо благодарности, говорит, что меня скоро погонят из Канцелярии, что это не я сам заслужил свою должность, а просто канцлер Кальсингог так развлекается!

Когда же Аргус увидел Маргариту, то подумал, что она проглотила луну, – большой, круглый живот спереди и будто легкое свечение от ее лилейной кожи. Волосы она прикрыла белесым платком из овощного шелка, единственное теплое платье, что она взяла, отличалось скромностью: коричневое, подбитое тонкой овчиной и свободное, как балахон. Девушка зябко куталась в белый шерстяной платок, в руке держала маленький мешочек из бархата, – выглядела более чем обыденно и едва ли привлекательно, но Аргус не мог отвести от нее взгляда – он даже приоткрыл рот.

– Брости, – сказал он, понимая, что таращится на ее чрево. – Я нэ ждять, дчто дак... много тэбя...

– Я очень рада тебя видеть, – улыбалась она. – Хотя в похвалах ты тоже не силен, если не ужасен. «Тебя так много» – это вовсе не похвала.

– Брости... И как тьи?

– Всё чудненько, только немного холодно: не хотелось вылезать из-под одеяла... Но мне крайне повезло, как сказала Марлена, ведь я не живу в каменном мешке, а живу в деревянном мешке. Еще она дает бой моей Лениности, хотя я уверена, что Порок победит – и однажды я посплю аж до полудня!

– Ты нэ грусдтна? – улыбаясь, разглядывал ее Аргус. – Я думать, тьи в цлезях.

– А чего мне плакать? – держась за боковину скамьи, плюхнулась Маргарита на скамью, сев поближе к огню. – У меня же всё чудненько... А ты такой важный стал... Как служба в Канцелярии? Должно быть, успешна...

– Да, – перешел он на меридианский. – Я теперь там четвертый человек, – опускаясь с ней рядом на скамью, показал он перстень-печатку. – С восьмиды Любви стал третьим посыльным канцлера, его доверенным лицом. Мои указы с этой печатью, всё равно что его указы... Но, – улыбаясь, вздохнул Аргус, – на самом деле я просто хвастаюсь. Я так... на побегушках – что мне скажет канцлер, то исполняю.

– И что ты там исполняешь?

– Чего только не приходится делать. Почта, черновики грамот... Вот вчера из-за гостей из княжества Баро писал распоряжения до ночи. Им сегодня показывают Брослос, чистый от бродяг, зато полный, благодаря мне, восхищенных дам. Завтра их ждет Лидорос, потом они охотиться поедут, а еще принц Баро хочет встать на коньки. Надеюсь, пруд Лодольца скоро замерзнет, а то придется везти его на север. Может, я даже вскоре буду присутствовать при заключении грамот с баройцами, бронтаянцами и аттардиями. Послушать такие переговоры – это ценный опыт.

– А я и не знала, что ты так хорошо говоришь по-меридиански...

– О! – усмехнулся он. – Еще ты не знаешь, как я проклинал дядю за то, что засунул меня в семинарию, да на остров Роранс, откуда не сбежать. Но я сбежал вплавь! Победствовал потом, зато похудел – а то был как бочка с жиром. Работал в порту, а в двадцать седьмом году, в свои двадцать с половиной, решил, что пора повоевать с Бротаей. Лет через пять там с Рагнером сошелся... Тебе, наверно, неприятно, когда я его упоминаю?

– Да, – не стала лгать Маргарита. – Лучше этого не делай...

– Ну что же вы за котелочком не следите!! – появилась Марлена с подносом в руках, на каком стояли чашки и блюдо с выпечкой. Аргус сразу поднялся на ноги.

– Извините, но мне надо идти – еще много дел на сегодня.

Марлена не ответила – быстро поставив поднос на стол, сняла цепь с кипящим котелочком и ушла в кухню.

– Я могу что-то сделать? – посмотрел Аргус на Маргариту. – Помочь?

– Мне нужно продать жемчуг, – открыла она бархатный мешочек и достала две нити в редких жемчужинах, какие вплетали в волосы. – Жемчуг морской, но неровный... Я и золотой монете буду рада, а то чувствую себя нахлебницей, – передала она мешочек Аргусу. – Кушаю я сейчас и правда так много, что Марлена и Магнус скоро пойдут по миру. И с Енриити мне надо свидеться, поговорить о нашем будущем, – прошу, передай ей. А так – это всё.

Она попыталась встать, и Аргус подал ей обе руки – поднял ее, за что заслужил благодарную улыбку. Запахивая плащ и надевая шляпу, он задумчиво молчал и уже на улице, в переднем дворе, спросил:

– Мог бы я навязаться на обед? Мы так мило поболтали... А мне после службы некуда идти – вот я и торчу в Канцелярии... – вздохнул он. – Как раз принесу деньги за проданный жемчуг.

Пока он отвязывал от яблони коня, Маргарита стояла рядом с ним в новом плаще: скромном, коричневом с овчинным подбоем – плащом Соолмы (ненавижу тебя Рагнер! – другой плащ, конечно, нельзя было мне принести!).

– Да, приходи сегодня – расскажешь о придворной жизни или своих воинских подвигах. Например, про шрам на руке и шрам под подбородком...

– Шрам на руке – от бротаянского крюка, ничего занятного – сперва я был неопытен как воин. А про этот шрам, – провел он пальцами под подбородком, – я ни с кем не говорю. Хотя это он сделал меня мужчиной.

– Тогда я буду рада просто поболтать о чем-нибудь канцелярском.

Аргус тепло ей улыбнулся, лихо вскочил в седло, не ставя ногу в стремя, и направил своего броского скакуна к воротам, какие девушка для него отворяла.

Вернувшись в дом, Маргарита увидела, что Марлена сделала гостю горячий завар полисемски, но тот сбежал, не отведав его.

– Не расстраивайся, – сказала Маргарита, снимая в передней плащ. – Аргус сегодня придет на обед.

– Да?.. – удивилась Марлена. – Уверена, придет он сюда явно не ради моей стряпни, – с досадой посмотрела она на готовый для трапезы стол. – А ты когда за него выйдешь? Скажи заранее, чтобы я ничему уже не дивилась...

– Марлена! – обиженно проговорила Маргарита, проходя в гостиную и садясь за стол. – Ну хватит уже! Аргусу просто надоело обедать одному, а я... Я же сказала, что никогда более не пойду под венец. Эти мужчины лишь любодеть и прелюбодеть умеют! Все они... ну кроме Магнуса, а так – все они нас, бедных женщин, обманывают, притворяются хорошими, а сами... – откусила она от пирога. – Зачем, вообще, их создал Бог? Лучше бы, к примеру, пирогов напек побольше, вместо них...

А Аргус меж тем, направляясь по набережной в Ордрхон, встретил отряд Рагнера у дороги Славы или Позора – у еловой аллеи к площади Ангелов, храму Пресвятой Праматери Прекрасной и дворцу епископа, – герцог Рагнер направлялся к Ноттеру Дофир-о-Лоттой, чтобы узнать подробности о своем разводе. Всего лишних пара минут – и друзья бы разминутись.

– Аргус, как же рад тебе! Ты не из Мягкого ли края? – спросил Рагнер, когда темнобуланый в яблоках скакун поравнялся с его роскошнейшим, вороным, да белогривым конем из королевской конюшни.

Тот кивнул.

– Баронесса Нолаонт желает продать жемчуг для волос и свидеться с девой Енриити. Более ничего ей пока не надо.

– Плачет?

– Вообще-то нет.

– То есть, – хитро прищурился Рагнер, – это вроде как нет, но всё же да? Как смех сквозь слезы?

– Извини, но слез нет, смеха тоже. Только улыбка. И еще она шутит – плохи твои дела, как по мне.

Рагнер перестал улыбаться.

– Мне нужно спешить, – сказал Аргус. – Может, ты ее жемчуг купишь и сэкономишь мне время? Она согласна на золотую монету.

– Нет, – подумав, ответил Рагнер. – Я не знаю, что делать с ее тряпками, а еще и жемчуг для волос... Раз мы разошлись – то разошлись. Давай лучше напьемся сегодня вечером? Я Лорко позвать хочу.

– Да, но ненадолго – я приглашен на обед... – задумался Аргус. – Рагнер, у тебя с Маргаритой конец или нет? Хочу знать, раз я меж вами связной.

– Всё закончилось, – твердо проговорил Рагнер. – Ей и в Ларгосе не нравилось, и со мной было плохо. Раз она улыбается сейчас... Пусть улыбается.

Аргус еще помолчал и, когда Рагнер уже хотел проститься, сказал:

– Я долго размышлял над твоими вчерашними словами. Про честь и службу. Служба в Канцелярии мне весьма нравится, и жалование в триста золотых тоже. И я его заслужил. Не поверишь, но я каждый день снова как на войне. И в миру идет война, но более подлая и неблагодарная.

– Верю, Аргус. Очень верю.

– Я не люблю проигрывать, – хмурясь и глядя исподлобья, говорил третий посыльный канцлера. – Я хотел сказать, что раздумывал вчера и понял, что могу выбрать службу, а не честь. Даже более – я должен выбрать службу.

– Твое право... – вздохнул Рагнер. – И не мне учить кого-то чести, но... Ладно, – натянуто улыбнулся он. – Поступай как знаешь. Жду тебя сегодня. Как освободишься – сразу ко мне, в Малый дворец.

И они разъехались – Аргус погнал быстрой рысью своего темно-буланого скакуна по набережной вдоль моря, а Рагнер и его охранители неспешно свернули на еловую аллею, дорогу Славы или Позора.

Рагнер любил дядю, но не любил бывать среди его знатных придворных, ненавидел скучные церемонные трапезы в Большой обеденной зале Лодольца, не разумел аллегорических речей светских дам и избегал раскланиваться с теми, кого едва знал. Зато Лодэтский Дьявол будто так и норовил поссориться с кем-нибудь, ведь к мирной жизни не привык, а привык воевать. Он дерзил не к месту, раздражал насмешками над уставом прочих рыцарей и заслужил своими «подвигами» столь мрачную славу, что при появлении его черной фигуры чаще всего воцарялось гнетущее молчание. Словом, Ортвин I с пониманием (даже радостью) отнесся к желанию племянника погостить у него, лодэтского короля, в тиши и побыть вдали от двора.

Рагнеру отвели покои в южном крыле, на самом верхнем этаже Малого дворца и с самого его края; попасть туда из вестибюля можно было по самой дальней лестнице. Зато господские залы убрали с королевской пышностью: фиалково-синие шторы, пурпурные и соболями покрывала, золоченые подсвечники и расписная посуда. Из гостиной еще две двери вели в спальни – правую, с видом на парк и пруд, Рагнер отдал Соолме, а сам занял левую, более холодную, с видом на море. Три больших окна гостиной показывали красную тюрьму Вёофрц, крепость Ксансё и кусочек Мягкого края. В прочих четырех спальнях жили охранители – всего двенадцать воинов. И так как Рагнер не ходил трапезничать в обеденные залы дворцов, то сам должен был заботиться о питании для своей «свиты». Вернее, об этом позаботился Аргус. Зайдя к другу днем, он достал бумагу и нудновато прочитал вслух:

– Герцогу Раннору ежедневно назначен такой стол: четыре пшеничные булочки, четыре буханки серого хлеба, двенадцать лепешек, два петуха, два кролика, шесть рыбин, тяжелого мяса на вес двух тысяч сербров, горшок похлебки, кувшин виноградного вина и два кувшина ягодного вина.

– А десерт да пироги? – удивился Рагнер.

– О сладеньком заботься сам... – положил Аргус бумагу на квадратный столик, уже щедро заполненный яствами. – Такое питание тебе будут приносить ежедневно к обеду, пока ты гостишь у короля.

– За девять сотен рон мог бы мой дядюшка кусок пирога-то мне дать! Всё же он жадина... – посмеивался Рагнер, кусая кремовое пирожное.

Еще поутру он распорядился купить в Ордрхоне хлебов, копченого мяса и, конечно, белого куренного вина, ведь собирался напиться. На широком закуточном столике даже лежали апельсины из оранжереи Малого дворца. Две скамьи поставили у стола буквой «Г», и на одной из них развалился Рагнер, на другой – Лорко, одетый в свой зеленый, что зеленее зеленой зелени камзол.

– Раз закончал, садися, а? – поднял чарку Лорко. – Давай же, да?

Аргус сел рядом с ним и, пока наполнял свою чашу ягодным вином, какое предпочитал прочим винам, серьезно проговорил:

– Я еще на службе, Лорко. Закончу лишь через двенадцать минут – тогда же вас оставлю. Если бы я знал раньше... Но меня сегодня ждут на обед в городе самое позднее к трем часам и двум триадам часа. Не хочу опаздывать...

– Еще и трех нет! – удивился Рагнер. – Задержись хоть на триаду часа.

– Мне надо привести себя в порядок... – улыбнулся своими чувственными губами Аргус.

– Дама!

– Ну... Я бы выпил за любовь, – поднял он чашу.

– А я нет, – нахмурился Рагнер.

– А я – да! – чокнулся Лорко своей чаркой с чашей Аргуса.

– Тоже мне друзья и братья, – проворчал Рагнер, глядя, как они пьют. – Айада, – погладил он собаку, лежавшую рядом, у боковины его скамьи. – Одна ты знаешь, что такое преданность и верность! Ладно, – поднялся он на ноги. – Сейчас будет то, ради чего мы все собрались...

Он зашел в свою спальню, погрел железом, отпирая и запирая навесные замки с сундуков, а после вернулся с холщевым мешком и опустил его на скамью рядом с Лорко.

– Открывай. Твоя доля выкупа, рыжий гном.

– Поржать, чё ли, надо мнау удумал, а? – говорил Лорко, развязывая веревку мешка. – Камнёв небояся наклал... Я же не дурааак, – достал он из мешка небольшой глиняный горшок с золотыми слитками. – Горшочак золоту! – нежно прижал он к груди горшок. – Моёйнай! Моёёё золоту...

– За нового гнома-богача, – опускаясь на скамью, сказал Рагнер и поднял чарку.

Лорко не сразу его понял. Побледневший, испуганный, он сидел, обняв горшок, и озираясь, думая, куда б его припрятать. Аргус в это время наполнил куренным вином чарку Лорко.

– Отставь горшок, а то ты смешон, как никогда, – улыбался он. – Давай же, я тоже хочу за тебя выпить и порадоваться.

– Ахнер... – тихо и хрипло прошептал Лорко, опуская горшок на пол и устраивая его меж ног. – А скока тама рон, а?

– Будь это обычное монетное золото, то было бы две тысячи рон, но у тебя будет где-то лишних пятьсот-шестьсот... Точно скажет или монетный двор, или банкир. Но банк сдерет с тебя за хранение где-то сотенную часть.

– А эта скока, а? – почесал макушку Лорко.

– Как договоришься с банкиром. Больше двадцати золотых не отдавай. Хм, – задумался Рагнер, – удивительная затея эти банки... Ты им золото – они тебе бумажку, – и ты же еще и счастлив!.. Ладно, ну давайте же пить!

Друзья шумно чокнулись, выпили, после чего Лорко стал выглядеть спокойнее, дружелюбнее и розовее.

– Рагнер, дча мне с ентим золотом теперя делавать, а?

– Вот бедствие-то у него! Не знаю, Лорко. Дом купи, скакуна приличного... Обязательно справь новый камзол! Не зеленый только... Здесь не так уж и много, когда во вкус войдешь. А остальное всё же в банк сдай.

– Вот уж нета! – расширил он свои мутные каре-зеленоватые глаза с искорками. – Обайдуся без банкиру. Двацать монетов! И за дча, а? Уплотить им за то, дча я своёйное жа золото назад, как выкуп, ворочу, да?!

– Лорко, ты не прав, – заговорил Аргус. – Ты ведь всё равно потратишься на охрану. Тебе нужен замок, чтобы столько золота хранить – иначе прознают, обокрадут или убьют. Мертвецу золото ни к чему! Не жалея несколько золотых ради спокойного сна... Тысячу отнеси в банк и не живи на них. Пятьсот потрать на земли, дом и обстановку. Еще пятьсот пусти в то, что даст доход. Дома можно купить, к примеру, и сдавать их... И остаток тебе на сытую жизнь, женщин и уплату податей. Трать с умом.

– А вот Аргус, как всегда, прав, – кивнул Рагнер.

– Лорко, тебе просто так не выйти из Лодольца с золотом, – добавил Аргус. – Я могу выписать разрешение на вынос и даже дать тебе охрану. А лучше, если ты передашь золото мне – я отправлю его завтра в монетный двор. Через триаду получишь деньги, вместо слитков, а может, еще раньше, серебром. Серебро для ежедневных трат нужнее.

– Ну ладная...

– Лорко, – вступил Рагнер. – Я тоже могу дать охранителей – доставят тебя до Ордрё и банка.

– Тады лучшая – Рагнер. И я с им, с золотум, ащя не наобжимался!

– Да и про то, как золото дома хранить, – добавил Рагнер, – я тебе тоже могу дать дельный совет, но на всякий случай лишь тогда, когда Аргус нас покинет.

Аргус странно посмотрел на Рагнера – в его от природы томных, карих глазах читался вопрос: «Ты мне уже перестал доверять? Я еще ничего не сделал, а ты на меня смотришь так, словно я подлец? И более того – что могу украсть?!»

– Тогда я пойду, – встал со скамьи Аргус.

– Не обижайся, – тоже встал Рагнер и удержал его. – Я ничего дурного не имел в виду. Просто это же тайна – где золото хранят, – и всё.

Раздался звон колоколов, оповестивший о начале четвертого часа.

– Теперь мне и правда пора, – вздохнул Аргус.

– Удачи с дамой. Надеюсь, красавица стоит давней мужской дружбы, – пошутил Рагнер и крепко обнял его.

В порыве чувств Лорко тоже крепко обнял Аргуса, чем разрядил грозовые тучи, что сгустились в гостиной. Но маленькие тучки будто остались. Одна ушла вместе с Аргусом, другая повисла над Рагнером.

– Не понимаю, – сказал он, возвращаясь на скамью и испивая добрым глотком вина. – Почему все вокруг стали обижаться? Я ведь всегда таким был.

– Ну Аргус-то помянлся, – ответил Лорко. – И ты теперя не егойный глава. А твойный глава – дча радная голова.

– Даа, – протянул Рагнер, задумался и замолчал.

Лорко достал горшочек из-под стола, взял в руки узкий брусок – всего с палец в длину, и, уставившись на него, тоже задумался, поражаясь тому, что золото, оказывается, такой тяжелый

металл. Их прервал Сиурт. Лорко так перепугался при его появлении, что накрыл свой горшок грудью.

– Ваш Светлость, можно мне в дозору? – спросил здоровяк. – Я в Ордрхону дозором будуь...

Рагнер кивнул, и чуть более радостный Сиурт вышел из гостиной, а Лорко спрятал горшок под пурпурное покрывало.

– Куды ента он? – качнул рыжеватой головой Лорко на дверь.

– Мирана пропала сразу после того, как Эорик по моей просьбе за ней последил. Она, Линдсп и Пенера Фрабвик куда-то переехали, и никто не знает куда. Я уж сам полагаю худшее... но Эгонна-хреногона нет в Брослосе. Я не знаю, где искать Мирану, и жду своего дядюшку Эгонна, чтобы прижать к стенке его золотой камзол. А Сиурт мается... Пойдет в Ордрхон, к дому хреногона, – пусть там померзнет, раз ему так легче.

– А у тя как? Кады под винца?

– Под венец. Сегодня говорил с епископом – он всё устроит. Меня вскоре пригласят в храм на церемонию развода. Сижу и этого тоже жду, – тяжело вздохнул он. – А Маргарита уже меня не ждет. И ладно...

– Другая баба!

– Не баба, а очень красивая красавица, – недовольно проговорил Рагнер. – И она тоже дама моего сердца, только никто об этом не знает...

– А Маргарита, а? Она ж мяне родней будёт! Ты как с моёйной мачахой, почти мамою, себя повел, да? Чаго тама за разлучняца, а?! Каго любишь, а?

– Сам не знаю. Вроде сейчас Маргариту люблю. И когда ее вижу, то страшно сильно люблю. И даже ею горжусь за то, что бросила меня... и за то, что не прощает. А вторую, Лилию, я сейчас вроде люблю меньше, потому что дней пять как ее не видел. Но знаю, если она появится, то я опять ее полюблю. Вот так вот, Лорко, – вновь наполнил он чарки. – Не могу понять, которая мне нужна и кого выбирать. Боюсь и той, и другой обещать. Бабуля мне вчера сказала, что раз я изменил – то это Маргарита виновата. И, думаю, бабуля права. Значит: Маргарита не давала мне всего того, ради чего я желал бы хранить ей верность. Не достойна она моей верности, потому что недостойная.

– Ну и ну, вот ента мысль! – покачал головой Лорко. – Вины со своейного хера не переживай на моёйную мачаху. Так послухать – все дамочки недостойнае нас! Мыслья сладкая, но врака. Да мы, мужаки, изменим самай стойной и дикай красе... Ну, ежалья гаворить по-твоейному: ляпёшка ляпёшкой, а пярожного хотится! А посла – сызнову тянет к родной ляпёшечке.

– Маргарита обижается, когда я зову ее лепешкой, – вздохнул Рагнер. – А еще Лилия – она тоже лепешка. Была когда-то пирожным, то теперь – лепешка. Я был бы рад и дальше ими двумя закусывать, но, честно говоря, уже объелся за последние дни. Я бы даже немного поголодал...

Аргус не стал переодеваться для «званого обеда» – сделал вид, что только со службы. Зато он успел заехать в Ордрхон, где снимал дом, и появился в «Белой башенке» с бутылью желтого вина, сладями и двумя кулебяками, – его вклад в застолье. Марлена обиделась из-за чужих пирогов, а еще больше ее задело то, что Маргарита высоко оценила рыбную кулебяку с медом, изюмом, фигами и яблоками (о ужас, а не вкус!), да почти всю ее умяла (не всю, а три кусочка!). Вино едва пили – тогда Аргус сказал, что сам не любит вино из винограда, и пообещал завтра принести ягодное вино, очень легкое и сладкое. Так, ему даже не пришлось проситься на следующий обед – он просто сообщил, что придет. Отказать ему не посмели, ведь, помимо прочего, он принес восковые свечи, какие ярко осветили дом, и две тысячи сербров за жемчужные нити, что равнялось двум золотым ронам. Енриити, по его словам, лишь надула губки и отмахнулась веером, когда узнала, что ее мачеха в Брослосе, но Аргус обязался

надоедать ей и далее. Ну как, после стольких хлопот и услуг, можно было ему отказать? Марлена не решилась, а Маргарита не хотела вовсе, потому что не видела ничего особенного в обедах с приятелем.

К часу Трезвения Аргус еще весело болтал с Маргаритой в гостиной «Белой башенки», а в сине-пурпурной гостиной Малого дворца Рагнер и Лорко тоже уже напились и наелись, но не наговорились.

– Бабам без нас никуда, – разглагольствовал Лорко, пьяненький, взъерошенный, снявший свой ярчущий камзол и оставшийся в белой рубахе.

Рагнер сидел среди двух подушек, вытянув ноги, а рядом с ним, на скамье, притихла Айада, сытая и сонная. Рагнер медленно проводил пальцами по ее атласной спине, лаская и собаку, и свои руки. Лорко же полулежал на другой скамье и любовно поглаживал горшочек с золотом, обернутый, как тряпичный ком, зеленым камзолом и перемещенный к его правому боку.

– Ента мы без их могём, а они без нас – неа! – умничал он. – Вона – священники живутся без баб и бед не знаат. Бабы енти всягда нашенский Огонь затушить Водой своейной нороятся – вота и сбёгаем мы от их, как от воды! Как огонь от воды сбёгаем.

– Вообще-то, Лорко, согласно знанию: Огонь – это смерть, а Вода – жизненные силы. Получается, по твоим словам, дамы нас лечат, Смерть от нас отгоняют... А мы всё бегаем и отнекиваемся дураки...

– Ну не знаю... Дча жа тада бегаем, а? Ну хоть кто-то жа не дурак, да?

– Не дураки и женятся, наверно... Хотя... Не знаю тоже. Я видел мало счастливых супружеских пар, а те, кто с виду счастливы, на самом деле ссорятся или вовсе не счастливы. А ты что? Сам же под венец собрался... Или как всегда? Обманешь и вылезешь утром в окошко?

– Не знаю, но я на ей сперва жанюся, дчаб поутрям не сбёгнуть. Вродя как быкоглазая тожа мне пярочным казалась вся и казалась, но теперя... Пярог она, рыбнай, как у мамочки... Пярочных уж неохота и тем боляе щас. Обдерут меня енти пярочные. Златовласка тожа всё норовила золу на золото подсменять...

– И что будешь делать? Так к часовне и продолжишь таскаться?

– Теперя – нет. Пойду в рыцаря.

Рагнер расхохотался, а Лорко обиделся.

– Чаго, а? Я из воинов! Батюшка в Трицатьлетней войне ратовал, и я воин ащя с Бронтаи. Турнира скореча – победу всех... Впиши меня туды, а?

– Лорко... – перестал смеяться Рагнер, понимая, что тот серьезен. – Да ты себе хоть представляешь, что это такое – когда на тебя несется куча железа, куча коня и куча копыя? Я не шучу – кажется, что к тебе с топотом летит не один всадник, а рать. И ты, такая же куча, трясешься ему навстречу! И страшно так, что обделаться можно. Вот так в первый раз. Потом привыкаешь.

– Значат: страшнае тока в первой раз?

– Нет. Потом тоже долго страшно. Так говорят, а я не знаю. Меня быстренько брат выбил из седла... А после Бальтина мне турнир уже забавой казался, причем глупой.

– Забавы я люблю. Рагнер, ты не отговаривай, а лучшая подмаги, дчаб меня не прибили тама енти кучи. Чаго надобно куплять и в скока енто станятся?

– Много чего надо. Обычные доспехи для тренировки и красивые турнирные, крупный рыцарский конь, какой обучен бою и не испугается, меч нужен добрый – но ты меч не покупай. Если дойдешь каким-то дьявольским чудом до последнего боя, то я, клянусь, тебе своего Ренгара доверю. Надо уж начинать готовиться – нанять учителя, какой натаскает тебя на чучелах. И два взноса нужно заплатить. Если ничего не изменилось, то отдашь золотую монету за участие как соискатель и золотой рон в приз победителю. И я должен буду подтвердить, что ты мой оруженосец. Обойдется всё, если не роскошествовать, где-то в двадцать рон. Но тебе

еще герб нужен. Художника требуется нанять, может, даже живописца, а тот по полтора рона в день с тебя снимать будет.

– Герба у меня имеется, – ответил довольный Лорко. – Я уже всё придумал и имею картинку: саламандра в огню, моёйной славной ножичак и всё енто на чернам – я же из твоёйных воинов.

– Чтоб ты знал, – усмехнулся Рагнер, – Черный – это позорный фон для рыцарского знамени: ты как бы ты скрываешь имя, потому что наемник.

– Переделавать не буду. Вышла дика краса! И тобою я восхищаюсь...

– Спасибо, – расторгался Рагнер и украдкой смахнул пьяную слезу. – Только не «восхищаюсь», а «восхищаюсь». Тебе, друг, молю, не обижайся, надо учиться грамотно говорить. Дева Енриити, конечно, лодэтского не понимает, но... Словом, рыцарь должен быть культурным. Я «Устав рыцарского братства» завтра тебе найду – почитай, что можно, а что нельзя. Придется от многого отказаться – вдруг передумаешь... Вот тебе, кстати, дельный совет: научись лучше играть на лютне – и всё. Всем дамам лютня нравится.

– Рагнер! Не хочу лютни, хочу в рыцаря. Ежалья мне подмогёшь, то я и тябе подмагу – примирю тя с Маргаритою. Научу, дурака, дча делавать.

– Но... Лорко, – потормошил Рагнер ухо Айады, – я пока не знаю... не могу я выбрать – я же уже говорил. Вдруг Маргарита – это не она, а Лилия – она. Сама эта чертовая Божья воля ведь всё за меня порешила: Маргарита меня бросила, а Лилия – нет – ждет меня в Ларгосе. И Лилия даже кушает рыбу в водоросли, хотя толидонка, а Маргарита – опять нет. И Лилия вышивает – искусно, как и должно герцогине, Маргарита же... самая позорная, должно быть, вышивальщица в Меридее. И еще Лилия взрослая и очень умная, никогда не ведет себя глупо, смешно или недостойно... И не ревет мне без конца...

– Пряма мячтааа, а не баба, – протянул Лорко. – Особлива ежалья любит вашанскаю тухлаю рыбу в водорослях. Э-э, – передернуло его. – Тока вот скажи, коль Маргарита вся такая «нет», а ента Лилия – «да», чаго ты ащя обмысляшь? Не знаашь? Как по мне: маргаритка тябе любее ентих лилий, хотя она мельчае и прощае пахнит.

– Мне нравятся, как пахнут маргаритки, – задумался Рагнер. – А от благоуханий лилий голова болит... как в дурмане... Забавно... Но, Лорко, дамы это и не цветы тоже. Цветов можно любых в букет набрать и нюхать вволю всех сразу, а достойных дам – нет... только шлюх...

Он опять задумался.

– Значит, Маргарита – достойная дама, раз букеты не для нее... – негромко произнес он. – И, выходит, Лилия – нет, раз стала третьей и сама пошла в мой букет...

– Или ты – козел, – весело добавил Лорко. – Насовращал красулек и уж желашь поутру в окошко смытьсся. Не тябе меня учивать цалмудрию, сластолюбвца! И да, я те ащя морду начищу за моёйную мачаху, как жанюсь!

Аргус покинул «Белую башенку» в середине часа Трезвения. Едва за ним и Магнусом закрылась дверь, Марлена села на скамью к Маргарите.

– И почему ты ему не сказала, что не стоит завтра приходить? – строго спросила она подругу. – И не говори мне ничего – я уже всё слышала, – прервала она возражения Маргариты. – Слышала про Совиннака. Он так же ходил обедать в мой дом, а потом брата моего убил да на тебе женился.

– Марлена... – оторопела Маргарита. – Я вовсе... Я съеду раз так, – расстроилась она. – Я не хочу всё это слушать: что я виновата в предательстве Рагнера, в убийстве Иама и твоей, – дрогнул ее голос, – загубленной душе.

– Но нет... – сразу сменила тон Марлена. – Я не хочу, чтобы ты съезжала. Я лишь желаю, чтобы ты думала о последствиях... Я же люблю тебя.

– Так не любят, – заплакала Маргарита. – Мне нужна поддержка, чтобы говорили, что я права...

– Но если ты не права!

В этот момент зашел Магнус, и Маргарита, вытирая глаза, сказала:

– Магнус, Марлена, извините, но я хочу пожить одна. Найди мне, Магнус, какое-нибудь жилье, пожалуйста. Или я Аргуса завтра попрошу...

Магнус с укором посмотрел на Марлену, но после улыбнулся.

– Ну, пока ты не съехала, пошли к посуде, – сказал он Маргарите. – А Марлена приберет гостиную.

– Нет, я с вами пойду, – не согласилась Марлена. – Вы оба плохо отмываете жир с посуды и начищаете приборы.

– Я, вообще-то, посудомойкой была, – обиженно пробурчала Маргарита. – Сам герцог Лиисемский был доволен, а ты – нет!

– Любимая, прибор, пожалуйста, гостиную. Иное мне не по нраву, – строго добавил Магнус.

– Ну хорошо. Только... ладно, хорошо...

Марлена прежде всего начала наполнять углями металлическую корзину, какую ставили в спальне Маргариты, ведь та проживала в детской, значит, камина там не имелось. Маргарита и Магнус прошли в кухню – здесь господствовал не уют, а порядок: сковородки и разные поварские инструменты были развешаны на стенах по росту и размеру, в углу у очага встал еще один столик, и над ним собрались веники сухих трав, плетенки лука и чеснока, гирлянды сушеных фруктов, грибов и шишек. Далее, у стены, громоздился грубый буфет с кастрюлями и горшками на крыше. В середине узкой комнатки протянулся длинный стол для готовки – на нем дожидались хозяев лоханка с чистой водой и медный тазик, в каком мочила посуда. Еще одна дверь вела из кухни в темную кладовую; ее Магнус занял под кабинет – и там он, как возмущалась Марлена, «выжигал себе глаза», читая при свете лучины или что-то записывая. Магнус говорил своей возлюбленной, что просто привык к научному труду и то, что он «марает», это ничего не значащая писанина.

Магнус доставал из тазика посуду, споласкивал ее в лоханке, вытирал и давал Маргарите, чтобы она протерла тарелки льняным полотенцем насухо.

– Тебе не стоит никуда переезжать, – сказал он. – Я поговорю с Марленой, и она оставит тебя в покое. Ты должна понять, что ею движет любовь, что она строга к тебе как любящая мать, ведь детей у нас нет. Я объясню ей, что ты взрослая женщина и живешь своей жизнью. И раз ты взрослая, то должна думать о чаде, что носишь. Одной тебе сейчас никак нельзя жить. Тебе же придется таскать воду и дрова, разжигать очаг и топить камин... И ты уже заплатила нам за постой, – улыбнулся Магнус. – Эти средства нам чрезвычайно важны: я зарабатываю сущие пустяки в своей школе. Как Марлена умудряется вести хозяйство, я иногда поражаюсь...

Маргарита молчала, не возражая и не соглашаясь, – с печальным лицом она вытирала тарелки и отставляла их на стол.

– И против Аргуса я не имею ничего против, – добавил Магнус. – Пусть хоть каждый день приходит. Мы провели чудесный вечер. Раз ему одиноко и нам тоже, то... Лично я считаю, что он просто по-дружески зашел. Он вовсе не глупец и еще видит твое чрево.

– Брат Амадей, – задумавшись, произнесла Маргарита его прежнее имя, – а вы что скажете? Про Рагнера и про меня? Я же верно поступила? Или нет?

– Я не знаю, что сказать, – вздохнул Магнус. – И когда не знаю, то доверяюсь Божьей воле... Уверен, тебя не зря привело в Брослос. Значит: есть на то Его замысел.

– Ну хоть что-то же вы можете сказать?

– Зачем? Ведь ты ни разу не последовала ни одному моему совету.

– Это не так. Я всегда вас слушала. И мне важно сейчас поговорить... А с Марленой я не могу – она меня не слушает и не пытается понять.

– Как священник я поддержал бы Марлену. Ты жила в блуде и понесла, а твой муж не отказался от тебя и от дитя. Рагнер бы обвенчался с тобой, хоть завтра, поскольку успел привыкнуть к этой мысли. Но чем больше пройдет времени, тем меньше он будет этого желать. И не потому, что не любит тебя, а потому что привыкает к другой мысли и другой жизни. Брат Амадей сказал бы, что ты должна принять его, пока не поздно, ведь он раскаивается.

– Не раскаивается, – утерла глаз Маргарита. – Та дрянь приходила в порт с ним прощаться. И он подошел к ней. Я не видела, что он делал, но, возможно, он даже ее поцеловал. Она выглядела довольной... Почему мужчины лгут? Почему изменяют? Или это потому что это я скверная? С позорной славой... Недостойная имени Раннор? Ответьте честно, очень прошу.

– То, что ты достойна войти в род Раннор, Рагнер уже давно решил. И ты не скверная, а очень добрая и умеешь любить – ты будто объята светом, – не зря Рагнер сразу тебя заметил и полюбил, а до этого – Совиннак. А измены... Марлене не говори, – понизил он голос, – но и я не избежал соблазна. Только в своих мыслях, – уточнил он. – В мою школу по благодареньям приходят женщины... не самые нравственно строгие. Я думаю, они лупы или даже портовые девки. Желают научиться писать и читать хотя бы по-лодэтски. Из-за своего ремесла они могут не посылать привлекающих взглядов – слишком привыкли. И среди них есть очень красивые дамы, просто очень... У меня порой появлялась мысль, что можно было бы уединиться с красавицей, ведь у меня была всего одна женщина, а Марлена ничего не узнает.

– Но вы же не уединились...

– Нет, но перед женскими чарами устоять весьма сложно – вот, что я хотел сказать. «Сопротивляться этим чарам – вроде как даже идти против своего мужского естества», – так я раз подумал, я – бывший священник, какой привык к праведной жизни, и какого учили, как справляться с подобными искушениями. Благодаря знанию, я могу объяснить позывы плоти и погасить их разумом или молитвой... А Рагнер – не бывший священник, да и не молится тоже. И, честно говоря, я считаю, что он повел себя с тобой очень недостойно – и скорее это он недостойн тебя. Как Магнус я бы посоветовал тебе его не прощать. И года не прошло, а он уже тебе изменил. Думаю, будет изменять и в будущем. Если ты его простишь, то должна быть к этому готова и принять его возможные измены вместе с ним. А если не можешь, то лучше вам не сходиться вновь. Впрочем, – улыбнулся Магнус, – ты же никогда не слушаешь моих советов...

– На этот раз я последую вашему слову, – твердо сказала Маргарита. – Как бы ни было больно и как бы ни хотелось иного, никогда его не прощу.

Но ночью к ней не шел сон, зато по щекам катились слезы – в эту ночь, на исходе двадцать девятого дня Любви, она осознала, что ее прежняя жизнь окончательно разрушилась – будто раньше в чаше была трещина, какая росла, а сегодня трещина расколола чашу, и вся вода, вся любовь, из нее вылилась. В новой жизни полыхали обиды и жгла боль – такая сильная боль, что хотелось вылезти из теплой постели и, не думая, прыгнуть из окна в вечный холод. Однако надежда в новой жизни тоже была – Маргарита мечтала быстрее познакомиться с человечком, которого она бесконечно любила и знала, что не разлюбит его никогда. Этот еще не рожденный человечек как Ангел Божий словно удерживал ее в воздухе, не позволяя рухнуть оземь и перейти за душегубительную черту. Ее ангел, ее Ангелика, ее дорогая дочка...

Утром тридцатого дня Любви Маргарита уже не плакала, а Марлена оставила ее в покое: не будила, не тянула из тепла постели, не заставляла умываться и спускаться затемно вниз. Колокола Брослоса пробили начало шестого часа, через ставни пробивался свет и Сиурт тоже уж навевывался в «Белую башенку», но Маргарита всё лежала в постели, на маленькой кровати с коробкой в изголовье. Она лишь сняла покрывало с этого изголовья, дабы убедиться в

том, что настал новый день. Она думала о том, как и на что будет жить до весны в Лодэнии – и твердо решила продать свадебный ларь, когда принц Баро покинет эти земли и ничего не узнает. Еще в ее ларчике хранился недорогой кулон с морионом, а также дорогое жемчужное ожерелье с большим рубином, но его она решила продать в самом крайнем случае. Еще можно было продать пару нарядов, другие же скромные платья переделать: утеплить их войлоком и пришить черную кайму к подолу юбки. Так, она нашла себе занятие на сегодня и, возможно, на завтра. А что будет послезавтра, в нову, в последнюю триаду Любви – она гадать не будет и доверится Божьей воле.

В Малом дворце Лодольца завтракали Рагнер, Лорко, Соолма и Айада. «Дамы» уж перекусывали во второй раз, мужчины – в первый, ведь пьянствовали до поздней ночи и недавно пробудились, причем Лорко заночевал в гостиной, на скамье, обнимая свой горшок золота.

Лорко и Рагнер вновь сидели у столика – оба сонные, хмурые и молчаливые, будто вчера наговорились на триаду вперед. Они накинули на плечи собольи покрывала поверх рубашек, так как камин только что растопили, а ветер с моря нагнал в гостиную противную, промозглую сырость. Мужчины пили горячие напитки, какие им сделала Соолма, и ненавидели белое куренное вино.

Сиурт постучался в тот момент, когда Соолма, увенчанная двурогим белым колпаком, накинула на себя белый плащ Маргариты и позвала Айаду прогуляться по парку. Сиурт сообщил, что верхние этажи особняка Эгонна Гельдора по-прежнему темны и выглядят нежилыми, передал Рагнеру письмо от Магнуса и вышел. Рагнер же, бегло пробежав глазами по записке, ошалело проговорил:

– Знаешь, Лорко, где вчера обедал наш Аргус? Он к Маргарите свои сапоги нынче подставляет... Ах ты, свиристелева трясогузка на побегушках! Аргус... Еще братом мне звался! Охереть... Лорко?!

– Ты вчара с десятку раз сказал, дча с Маргаритою у ты либа вся оканчалось, либа ты не знашь, но вся оканчалось, – хмуро пробормотал Лорко.

– Всё равно... Она же ныне как раненая мною. Ее сейчас легко прельстить: поутешать – и всё... И Аргус это отлично понимает.

– Ндааа... – почесал свою макушку Лорко. – Слухай, мы все были в Маргариту влюблённые. Мы – енто я, Аргус и Эорик. Похожа, Аргус боля всех нас. Кабы не быкоглазая любовь моя, и я вчара, по правдам-та, тожа б к златовласке сбёг от тя... У Аргуса-та нету никага. С Эмильной он едва живаат – порою ходит к ею, как приспичат, но всё реже. Я бы не винял его, а бы поговорил.

– Магнус попросил меня не выдавать его. Как я с Аргусом поговорю, если я якобы ничего не знаю?... Как же подло! Аргус! За любовь он бы выпил! В глаза мне смотрел и лыбился... Я бы с ним так никогда не поступил!

– Не зарёкивайся, – зевнул Лорко. – Бабы рушат самовую крепкаю мужью дружбу. И дча ты взвёлся? Маргарита – те ненужная, а в Ларгосе дика краса тябя ждет, какая любит тухлаю рыбу и ащя вышивает. Аргусу жалкое, дча ли, уступить ненужную тябе женщину, а? Не себе, ни брату, да?

– Жалко, – хмуро ответил Рагнер. – Даже нет, не жалко: не хочу и не могу. У нее в чреве мой наследник... и... Ну не хочу я знать, что она будет с Аргусом лежать, улыбаться ему и... Фууу, – скривился он. – Гадость! Начищу ему морду как следует! Лишь представил – и уже он будто бы меня оскорбил!

– Слухай, Рагнер... – задумался Лорко. – А ента, Лилия... Ее б смогёл Вьёну шас отдать? Отойти и не мешатися?

Подумав, Рагнер не без удивления ответил:

– Мог бы. Не хочу, но мог бы. Даже был бы рад, хотя не рад. Даже не знаю, как объяснить... всё равно как если бы Вьён жил вместо меня в моем замке, всё там трогал и всем рас-

поряжался. Но, Вьёну, я бы позволил – другой бы замок себе, скрипя зубами, построил, лишь бы он счастлив был. А Аргуса я на хрен прибую. Наверно, потому что я знаю Аргуса меньше, чем Вьёна.

– Ладнае. А отдал бы Вьёну Маргариту? Ежаля бы она былась замком, Вьён бы тама жился и распоря...

– Нет. Погнал бы прочь. Довольно с него Лилии.

– Ладнае... а Аргусу бы Лилию дал?

Рагнер снова задумался и еще более удивленным голосом проговорил:

– Да... в мыслях мог бы. И почему-то я теперь представляю Лилию не своим замком Ларгосц, а скорее как Рюдгксгафц, что продал. Лорко? Так я, выходит, Маргариту люблю сильнее и... не хочу ее терять. Что мне делать?

– Я тя выучу, – довольно улыбался Лорко. – А ты мяня в рыцаря выведешь. Уговор, – протянул он ладони.

Рагнер молча ударил по ним своими ладонями.

Аргусу он «морду не начистил» – решил не портить отношений, а дать другу возможность самому отойти с его пути. Найдя третьего посыльного канцлера в Канцелярии, он сказал, что впредь купит всё, что Маргарита захочет продать, любые тряпки и драгоценности. И попросил приносить ее вещи ему.

Глава XXIII

Дорогой Славы или Позора

Родство могло быть по роду, по сердцу, по договору и по крови. Первое даровал Бог, второе – духовный закон, третье – мирской закон, четвертое – воинский.

Согласно духовному закону, в семью могли входить несколько родов, когда же род разрастался, его величали как «клан». Родство продолжалось до «четверти крови», и четвероюродные родственники не являлись одной семьей. Такое родство даровал Бог, но можно было заключить родство по сердцу через клятву на святине или в храме: стать вторыми родителями или мужем и женой. Длилось родство по сердцу, пока действовала клятва.

Согласно мирскому закону, напротив, в род могло входить несколько семей. Начиналась семья с отца, а всех родственников либо объединяла кровь, либо договор. Существовали такие градации родства: «кровные» братья и сестры имели общих отца и мать, «единородные» – общего отца, «единоутробные» – общую мать, «некровные» – не имели общей крови. Так, понятия «семья» и «род» различались для духовного закона и мирского закона, однако мирские законы не противоречили духовным, как и воинские.

В воинском законе слово «семья» заменили словом «братство», но суть осталась та же. Все рыцари были некровными, то есть сводными братьями. Те, кто объединили руки знаком единства, становились полукровными побратимами, каких породнила пролитая кровь и клятва воинской верности. Те, кто объединили руки знаком двойного единства, являлись единокровными побратимами, всё равно что родными братьями, которых навеки связал крест. Рыцарь, воин Бога, крест уже не мог ни порвать, ни сжечь, ни разрубить.

Духовные законы писал совет кардиналов, мирские законы – правители земель, воинские законы существовали в виде устоявшихся правил. Грубо говоря, духовный закон определял нормы нравственности для меридианцев, мирской закон регулировал будничную жизнь общины, разрешал имущественные споры и карал за злодеяния, воинский закон поддерживал дисциплину среди воинов.

Итак, согласно мирскому закону, главой семьи был отец. Он господствовал над своей женой, незамужними дочерьми, сынами до их возраста Послушания, тринадцати с половиной лет. Причем своих детей, пока он был их главой, отец мог безнаказанно убить; супругу – покалечить, заточить в монастырь или потребовать ее казни через суд, только не убить: даже после замужества женщину защищало имя ее отца. Высший, духовный закон велел жене выбрать мужа (его волю) между мужем и отцом, а также матерью да детьми. Дед и бабка как бы отправлялись на покой для внуков: их мнение уважали, но следовали ему по своему желанию. Зато дети должны были слушаться свою мать: дочери – до замужества, сыны – до отрочества. С возраста Послушания, тринадцати с половиной лет, мужчина вступал в права родового имени – мог распоряжаться имуществом и подписывать грамоты. С того момента, как у него появлялась супруга, он имел свою собственную семью и главенствовал в ней. Закон велел мужчине выбрать между женой и матерью жену, но законы ничего не говорили про отца – глава семьи сам делал выбор между отцом и женой, отцом и матерью или отцом и своими детьми. Отец мог изгнать из рода незамужнюю дочь, но ее брат мог вернуть ей имя – и в этом случае для мирского закона он становился ее отцом. Записывали имена в книги городских управ или в книги землевладельцев. Все, кто не имели родового имени, например, землеробы, числились в переписях как «Имя-кузнец», «Имя-кривой», то есть к первому имени добавлялось ремесло или внешний признак.

Венчание – благословение Бога, а также родство по сердцу, завершало вхождение женщины в род. До того, на помолвке, мужчина вводил невесту в свой род как старшую сестру, как ту, какой пока не мог указывать. Помолвка и клятвы на Святой Книге приравнивались к

законному союзу, но невеста не могла претендовать на имущество жениха, ведь супружество не вступило в силу и новая семья не образовалась. Прекращали помолвку тоже прилюдно, и разорвать ее могли лишь главы семей. И рыцарь называл свою связь с Прекрасной Дамой родством по сердцу, однако на святых не клялись, значит, это родство могло быть расторгнуто госпожой-покровительницей – дамой по сердцу. Рыцарь же клялся своим сердцем – чистым, благородным, бесстрашным и добродетельным. Нарушение такой клятвы – предательство собственного сердца, являлось для воина Бога кощунством.

Духовный закон позволял венчаться мужчине и женщине после их взросления, после семи лет, но для мирского закона супружество не вступало в силу до наступления возрастов жениха и невесты, поэтому до этого срока уже замужние отроковицы жили в семье отца и не виделись с мужем. В каждом королевстве эти возраста различались. В Лодэнии невестами становились в двенадцать лет, женихами – с возраста Послушания. Согласно высшему духовному закону, плотских сношений не могло случиться между братом и сестрой, дедом и внучкой, бабкой и внуком, отцом и дочерью, матерью и сыном. Зато можно было венчаться с двоюродным или троюродным братом (сужёном или тризом), а также с дядей или тетей, но только если они не являлись отцами или матерями по сердцу, то есть вторыми родителями.

«Супружество» подразумевало венчание и признание мирским законом новой семьи – мужчина и женщина отныне шли в одной упряжи и будто тянули воз с детьми и добром. «Женитьба» или «замужество» означали для мирского закона родство по договору – клятвы как на помолвке и плотские отношения без венчания. К примеру, таким способом аристократ делал семьи из своих землеробов. Или похожим способом женились знатнейшие аристократы, прибывающие за невестой в другое королевство – после заключения помолвки и свадебного пиршества, принц мог жить с невестой как с женой и увозил ее полузаконной супругой в свой край, а уже там происходило венчание.

То есть слово было столь же весомо, как и подпись. Но на всякий случай мирской закон давал возможность подкрепить клятву грамотой: родственной или брачной. Родственную грамоту заключали главы семейств без участия невесты и даже без упоминания ее имени, иногда загодя, еще до ее рождения. Даже став бездетной вдовой, женщина, благодаря родственной грамоте, оставалась родной для семьи своего покойного супруга, иначе закон их разводил. Также существовала «брачная грамота» – от слова «брат», так как мужчина писал в ней: «Беру в жены...». Такую грамоту заключали у нотариуса мужчина и женщина, когда сходились без венчания, когда неженатый мужчина не мог венчаться, когда не имел родового имени или попросту не хотел. Женщина не только получала оговоренное имущество и деньги – ее дети, рожденные в замужестве, могли быть признаны законными. Вот только, заключение брачного договора считалось позорным актом, родственного – неуместным, ведь умалялась значимость клятвы, поэтому их заключали тайно и не распространялись об условиях соглашения.

Первый пункт коварного соблазнения по науке Лорко заключался в том, что Рагнер должен был позабыть Маргариту – разумеется, не по-настоящему. Лорко повелел ему не появляться в «Белой башенке» еще пару дней, а потратить их с пользой – помочь ему купить или заказать всё необходимое для турнира. И приказал герцогу Раннору подстричься (а то ужа, экак сильван!).

Тем утром, тридцатого дня Любви, он оставил золото Рагнеру на хранение (правда, не без душевных мук) и покинул его гостиную – друзья договорились встретиться в полдень у оружейников в западной части Большого Лабиринта. Едва Лорко вышел, Рагнеру принесли письмо от епископа: тот сообщал, что церемония развода может пройти в любой день, начиная с новы, тридцать второго для Любви, и что требуется присутствие короля да канцлера Кальсингога. И тот и другой смогли найти время в нову. Бабушка Рагнера тоже согласилась прибыть

в храм и разорвать мирный договор (еще она не желала, чтобы ее прилюдно отстраняли от дел и рвали договор без нее).

К нове Лорко уже обзавелся недорогими доспехами, тренером и конем, благо, зная о предстоящем турнире, к нему готовились и горожане. Король, благодушно настроенный к племяннику, разрешил его другу, храбрецу, захватившему в плен Баройского Льва, упражняться с копьем на ристалище Лодольца. Еще Лорко мог оставлять коня в королевской конюшне и там же хранить доспехи, взамен он забывал историю о ножичке и пустом ружье. Что ж, Лорко учился быть рыцарем и был готов к самопожертвованию.

А Маргарита к нове обзавелась новым нарядом, вернее, она распоролла с боков свое свадебное платье – то, в каком тайно венчалась с Ортлибом Совиннаком, бледно-красное платье, оттенка «куропаткины глаза». Она пришила траурную кайму к подолу юбки, вставила по бокам черные треугольные клинья и подбила верх тонким войлоком. Нарядившись с утра, она решила, что выйдет так на обед – Аргус собирался прийти вечером, на свой третий «званный обед» в «Белой башенке». Магнус более Рагнеру записок не писал, и тот об этих планах Аргуса не подозревал.

И вот она наступила – долгожданная для Рагнера нова, тридцать второй день Любви. Проснувшись затемно, в пятом часу утра, помывшись и побрившись, он обнаружил, что Соолма тоже не спит и попросил ее подстричь ему волосы, но не коротко, ведь желал вернуть длину, к какой привык. А оброс он лохмато: челка падала ему на глаза, что-то непонятное творилось на затылке, и без берета герцог Раннор на самом деле выглядел, как силванин. Соолма проредила ему челку, но не стала уменьшать длину на затылке и висках, придав его темно-русый волосам форму колокольчика.

– В кого ты меня превратила? – улыбался Рагнер, разглядывая себя в настенном зеркале. – Я похож на Эгонна Гельдора двухлетней давности. Надо бы теперь золотой камзол себе справить... Превеликое спасибо! – поцеловал он руку Соолмы. – Так намного лучше. Что же я без тебя бы делал?

Они были в его спальне, у широкого умывального стола. Рагнер отошел к постели, где лежал его парадный камзол с хихикающими рожицами Смерти – в нем он венчался, в нем собирался и развестись. Не стесняясь подруги, он стал снимать рубашку, чтобы одеть свежую. И вдруг Соолма подошла к нему, нежно овила его руками и поцеловала его в оголенную спину, но не в меридианский крест, а рядом. Рагнеру были приятны и ее ласки, и ее нежность, и этот поцелуй. Полумрак, таинственный свет свечей и женское тепло в холодной, стылой спальне сделали свое дело – Соолма скользнула в его объятия, он же нашел ее губы, родные и ничего не требующие от него губы. Можно было не венчаться с Соолмой, не тревожиться о детях, не волноваться вообще ни о чем – она всегда заботилась о нем лучше, чем кто-либо еще... лучше, чем даже его мать...

Эта мысль его отрезвила. Рагнер понял, что уж лежит на ложе, а Соолма – на нем – жадно целует его в шею, ласкает его и раздевает, что ее рука уж забралась в его белье.

– Не адо... – выдохнул он и, повернувшись на бок, сбросил с себя Соолму – прямо на атласный камзол, что распростерся рядом. После чего Рагнер резко встал, поправил белье и заговорил, не поворачиваясь к ней лицом:

– Соолма, я не желаю... Я только всё для себя распутал и не хочу вновь запутаться. Трех женщин – я никак не вынесу! Я хочу одну и хочу не отвлекаться. У меня много дел в Ларгосе, а я устаю! Нет еще стекольни, а до пушек я вовсе не добрался. С вами тремя – никогда не доберусь.

– Зачем с тремя? – негромко спросила Соолма. – Не разводись сегодня. Пусть Хильде останется твоей супругой. Ты сэкономишь золото, много золота... Хочет она или нет, но Хильде будет жить в Ларгосе. Родит тебе наследника... Лилия Тиодо уедет – ведь на что ей надеяться, раз ты женат? А я никуда не уеду, никогда тебя не брошу... Почему не я? Разве нам было плохо?

– Хорошо... даже более, – вздохнул Рагнер и немного развернулся – Соолма лежала на его камзоле – так, как он ее туда уронил, и смотрела на балки ребристого потолка.

– Я, наверно, – тихо проговорил Рагнер, – никогда не говорил тебе спасибо за то, что ты излечила меня. Я ведь сильно изменился после Сольтеля и Бальтина. Был чрезмерно жесток. Спроси меня сейчас, зачем я убил Валера Стгрогора, я и ответить не смогу – просто тогда захотел – и просто тогда убил. А сейчас сам себя того, кем я был в тридцать втором году, не понимаю. И всё благодаря тебе. Твоя любовь спасла меня. Благодаря тебе я не стал зверем.

– Но ты меня не любишь... Почему?

– Ну откуда же я знаю, – почти простонал Рагнер, поворачиваясь к кровати. – Я считаю тебя восхитительно красивой. Твое тело – нечто потрясающее. Ты умна и нежна, и знаешь, чего я хочу. И чего ты хочешь сама, ты тоже знаешь. Но меня тянет к другой. Я хочу от Маргариты детей. Я уже люблю малыша в ее чреве, хотя незнаком с ним. А тебя я люблю как сестру – я это всегда тебе говорил, и ничего не изменилось. За тебя я убью, Соолма, даже своего дядю, короля, но между тобой и Маргаритой – я выберу ее, ведь даже между матерью и женой мужчины выбирает жену – такие наши законы в Меридее. А Лилия... Ее больше нет. Скоро она уедет из Ларгоса сама.

Соолма слезла с постели и посмотрела камзол – конечно, он помялся.

– Думаю, я успею его погладить... – буднично проговорила она.

– Не надо, – отмахнулся Рагнер. – Надену простой камзол – в нем мне хоть будет тепло в храме.

Он обнял Соолму и поцеловал ее в лоб. Больше они не говорили о случившемся. Из трех своих камзолов на меху Рагнер надел самый простой, зато любимый, не стал украшать себя драгоценностями, лишь подпоясался золотистым кушаком да застегнул цепь с кошельком и золоченым Анаримом. Соолма же прошлась щеткой по бархату и напоследок вновь расчесала Рагнеру волосы, чуть завив их гребнем на кончиках.

Ожидая звона колоколов, он прошел в гостиную, поднялся там на третью ступеньку в высокой, полукруглой оконной нише – смотрел на светлеющее небо и серое, взволнованное море, на мрачно-красную тюрьму Вёофрц, скалистый остров под ней и долгий, красный мост, соединявший тюрьму с крепостью Ксансё. Затем Рагнер повернул голову вправо – Брослос давно пробудился: по берегу перемещались люди, всадники и телеги, по морю – лодки. Из этого окна виднелся и Мягкий край Малого Лабиринта – пара сотен крыш и только одна любимая, темно-коричневая крыша «Белой башенки».

Рагнер со своим отрядом выехал из Лодольца первым – в пять часов и две триады часа он уже был в храме Пресвятой Праматери Прекрасной, находился в молельне епископа – комнате без окон, точнее, ее стены занавешивали синие портьеры, за какими, возможно, имелись и окна, и тайные двери. Сейчас в молельню внесли круглый стол и шесть стульев. Хильдебрант Хамтвир сидел слева от епископа, Рагнер – напротив этого похожего на сову прелата. Облаченный в ярчайшую синюю хабиту, Ноттер Дофир-о-Логтой зачитывал дарственные грамоты, по которым Рагнер передавал графство Хаэрдмах Хильде в ее собственное право, семье бывшей супруги – семь тысяч рон, а Святой Земле Меридиан – тысячу. Хильдебрант Хамтвир в это время поглаживал большим пальцем изумруд на набалдашнике трости и смотрел на синие завесы. Казалось, епископа он не слушает.

И Рагнер едва слушал речи епископа – он будто покинул плоть и смотрел на себя со стороны: хмурый, сложивший руки на груди и трогавший рукоять кинжала – он тоже порой поглаживал перевернутую звезду на его навершии.

Вскоре появились трое: король Ортвин I, севший у правой руки епископа, канцлер Кальсингог, занявший стул между королем и герцогом Раннором, да королева Орзенин, устроившаяся между своим заклятым врагом и любимым внуком. Для короля и королевы епископ

прочитал новую мирную грамоту – всё то же самое, что было в прошлом договоре, только без раздела о супружестве наследников и объединении двух родов в семью. Каждый за столом, кроме Рагнера, оставил по четыре подписи на длинном свитке; далее этот пергаментный свиток разрезали по неровной линии на четыре части и к каждой из четырех копий договора прикрепили свинцовые печати. Канцлер вписал в «Золотую книгу» имя графини Хильде Хаэрда и заверил ее Большой печатью, король – своей подписью и Малой печатью. Последним взялся за перо Рагнер – тремя росчерками он лишил себя графства и состояния в восемь тысяч золотых монет, а взамен не получил ничего на руки, даже бумажки.

Настоящая ценность ждала его у алтаря – его свобода. Королевские глашатаи уже нагнали в храм зевак, Хильде вместе бабушкой и старшим братом сидела в первом ряду скамей. Рагнер взял супругу за правое плечо повыше локтя, поднялся с ней на алтарный взлет и там они сцепили руки «в замок».

Церемония развода занимала вдвое меньше времени, чем церемонии венчания – всего шесть минут. Одета в великолепное золотое платье Хильде стояла с непроницаемым лицом и не смотрела на своего «черного» супруга – он не глядел на нее. Зато из королевской ложи за ними наблюдали увенчанные золотыми коронами Божьи избранники: бабушка Рагнера в белом трауре и его дядя в багряной мантии. Будто собрались Красный и Черный короли, Желтая и Белая королевы из алхимического трактата «Имена», а с кафедры надзирал за ними похожий на сову, синий епископ.

Наконец священник сообщил, что паре надо разомкнуть руки – они так и сделали. В завершении всего епископ Ноттер Дофир-о-Лоттой громко известил с кафедры о целомудрии бывшей герцогини Раннор и причине развода – не вступившем в силу супружестве. Он прилюдно разрезал пергаменты с прежними договоренностями и объявил, что союз расторгнут, что графиня Хильде Хаэрда – отныне никто для Рагнера Раннора, а герцог Рагнер Раннор – отныне никто для Хильде Хаэрда.

– Ты достойна лучшего супруга, чем я, – шепнул Рагнер Хильде, пока они сходили с алтарного взлета.

Она ничего не ответила – лишь ее презрительно изогнутая верхняя губа презрительнее изогнулась.

– Хильде, молю, погоди, – позвал ее Рагнер, когда они спустились вниз. – Молюю... – прошептал он ей в спину.

Хильде остановилась и, подумав мгновение, развернулась.

– Молю, – горячо зашептал он, – помоги мне найти мону Фрабвик.

– У тебя и с ней были плотские сношения?! – тихо изумилась Хильде.

– Ааа да... да нет, да что ты... ух... – потерялся Рагнер. – Нет! Я Мирану ищу. Это у брата Мираны были... хм, плотские... и еще любовные сношения с моной Фрабвик... Ну же, Хильде, Мирана мне как родная дочь. Хоть что-то знаешь? Кто ее духовник? Или привычки моны Фрабвик?

– Она любит пирожные из какой-то лавки в Ордрхоне. А еще гулять у озера Ульол. А еще шить маленьких цыплят.

– Благодарю тебя, Хильде, особенно за цыплят, – улыбнулся Рагнер. – И за этот день так благодарю! Наверно, уж скоро замуж пойдешь да по любви...

– Именно, – изогнула она верхнюю губу. – В первой триаде Веры будет моя помолвка с Эгонном Гельдором.

– Эгонн? – не поверил своим ушам Рагнер. – Вот ссскагон! А он где, не знаешь?

На них уже посматривали Хамтвиры, и шушукались зеваки в храме, любопытствуя, о чем это могут секретничать бывшие супруги. Брант Хамтвир поднялся со скамьи и пошел за сестрой – та, ничего не ответив Рагнеру, направилась к брату.

– Хильде, – громче сказал Рагнер ее золотой спине. – Ты теперь можешь их не слушаться: ни брата, ни деда...

Она ничего не ответила. Рагнер не стал более медлить – быстрым шагом устремился на улицу, прочь из храма. Перепрыгивая ступеньки долгого крыльца, он бодро спустился на площадь Ангелов и свернул влево. Еще надо было дождаться дядю и бабулю, выслушать их напутствия и пожелания об обдуманном супружестве с достойной дамой – он знал заранее их слова. Но всего этого ждал уже будто не он – и недавно он словно вышел из тела да смотрел на себя со стороны – герцог Раннор стоял среди своих охранителей, между почетной устриной и круглым эшафотом и... глуповато улыбался, оттого что горожане задерживались около него и говорили ему разные приятные слова: что, благодаря ему, к Возрождению они купят гуся, а не курицу, что они его, Рагнера Раннора, очень любят, что желают ему великого счастья да здорового потомства... Рагнер не понимал, «чего эт такое творится», горожане же собирались полукругом – хотели смотреть на него, а не на то, как король и легендарная королева Орзении покинут храм. Скоро людей стало так много, что Рагнеру пришлось обратиться к ним с речью, поблагодарить и попросить их разойтись. Всё, что бы он ни говорил, встречали овациями, добродушными улыбками и прославлением его имени.

Мargarиту утро тридцать второго дня Любви тоже одарило неожиданностью – к ней, в Третий тупик Столярного проезда, наконец соизволила быть с визитом падчерица. Юная баронесса Енриити Нолаонт приехала в сопровождении Дианы Монаро и какого-то молоденького щеголя, испуганно озиравшегося в Малом Лабиринте. Он не захотел войти в дом и даже шагнуть во двор – остался ждать вместе с двумя служниками на улице. Енриити, разодетая как принцесса, тоже брезгливо кривила губки, переступая порог «Белой башенки». Диана Монаро, до сих пор носившая черный траур, следовала за своей воспитанницей мрачной тенью.

Едва Енриити зашла в гостиную и увидела выпирающее чрево Margarиты, как разъярилась.

– Так и знала! – закричала она. – Ты меня сюда за собой потащила, чтобы лишиться наследства отца! Меня – наследства! Моего! Моего отца!

– И что? Затихни! – вкричала в ответ Margarита. – У моего дитя такие же наследные права, как и у тебя!

– Наблудила дитя, а как любовник бросил, так твой ублюдок сразу от моего отца?! Шлюха! Посудомойка и прачка! Прачка! Прачка и еще раз прачка!

Диана Монаро стояла в дверях между гостиной и передней – наблюдала, не вмешиваясь, но победоносно улыбаясь под траурной вуалью.

– Лучше успокойтесь вы обе, баронессы Нолаонт! – повысил голос Магнус. – Дева Енриити, вам иначе придется уйти. Поговорите спокойно как люди, а не как две визгливые хрюшки, не поделившие корыто!

Обе баронессы Нолаонт обиделись, но замолчали. Диана Монаро посмотрела через вуаль на Магнуса, как на ничтожество.

– Прошу, присядьте, мона Монаро, – указал Магнус на скамью. – А баронесс Нолаонт я провожу в свой кабинет – кричите там вволю.

– Не указывай нам, что делать, Святой, – съязвила Диана. – Прав у тебя никаких нет! Лучше дрожи за свою шкуру, вероотступник, и помалкивай!

– Вы ошибаетесь: прав у меня поболее, чем у вас, – улыбнулся ей Магнус. – Я стал вольным горожанином Брослоса, имею добрых друзей и защиту закона, вас же могут попросить покинуть двор и Лодэнию хоть сегодня.

– Мы ненадолго к вам, – поднимая голову, холодно проговорила Енриити. – Пришла сообщить своей мачехе, что бумагу, какую мне дал Оливи, с законами о наследстве, я показала другому законнику. И он мне разъяснил, что я смогу освободиться от тебя через суд, ведь

доказать прелюбодеяние будет проще простого. Ты проехала по всему Элладанну с непокрытой головой, сидя на коленях у мужика и опозорив имя рода. Итак, теперь ты, мамочка, – с ударением выговорила она, – будешь слушаться меня, иначе в Лиисеме тебе оторвут на эшафоте грудь. Это ты затихни и еще смиришься с тем, что ни ты, ни твой ублюдок, вы ничего не получите из наследства моего отца! Но, может, я позволю вам жить в том убогом имении со свиньями... Отдавай для начала все платья, драгоценности и серебро.

– Убирайся, – тихо ответила Маргарита. – Подавай в суд, если хочешь, – я ничего не боюсь.

Енриити сузила глаза до узких щелок и стала ходить на отца, Ортлиба Совиннака, а заговорила она будто голосом Дианы Монаро.

– В любом случае, – произнесла она. – Скоро уж Патроналий, сорок первый день Любви. Если не родишь до этого срока, то ничего твой выродок без суда унаследовать не сможет. И что-то мне подсказывает, что ты не родишь! И это что-то – убежденность, что ты преступно зачала. Говорю же, не ссорься со мной – иначе кто позаботится об ублюдке без родового имени, когда тебя казнят? Я добрая, но только если меня не злить! Неси сюда платья, драгоценности и серебро – в последний раз по-хорошему говорю! И, кстати, – ехидно улыбнулась Енриити Магнусу, – я скоро выйду замуж и тоже стану лодэтчанкой. И тогда мой супруг, именитый барон, сын весьма и весьма влиятельного графа, позаботится о возвращении в нашу семью всего моего имущества, а матушка моего жениха как истинная меридианка позаботится о справедливой каре для вероотступников. И твоего дозволения на супружество, – развернулась она к Маргарите, – я спрашивать не собираюсь, прачка!

– Убирайся, – повторила Маргарита.

– Убирайтесь, – открыл им входную дверь и Магнус.

Когда Диана и Енриити ушли, из кухни выглянула испуганная Марлена.

– Дорогая, не тревожься, – подбежала она к Маргарите и обняла ее. – Герцог Раннор обязательно поможет! Не бойся... Я сама ему скажу, если ты...

– Нет, Марлена, – высвободилась Маргарита. – Ты ничего ему не скажешь о моих затруднениях. И вы, Магнус, тоже не говорите. Иначе я уйду... и еще перестану с вами разговаривать.

– Но сейчас Марлена права, а ты нет, – ответил Магнус. – На что ты надеешься? Суд, несомненно, признает прелюбодеяние. В Лиисем тебе нельзя.

– Значит, я не поеду в Лиисем, – спокойно говорила Маргарита. – Мы с дочкой будем жить в Сиренгии, где нет несвободных людей и нет аристократов, где любой равен в правах. Может, в Леэ переберемся, откуда была моя мама. Я справлюсь, не тревожьтесь обо мне. Средств от продажи ценностей мне хватит на скромный домик и дальнейшую жизнь. В то имение я сама не хочу... Как устроюсь, напишу родным... А Енриити пусть судится, сколько хочет, и, вообще, пусть делает, что хочет. Для меня ее больше нет.

– Но ты лишаешь свое чадо титула, – хмурился Магнус. – Рагнеру это точно не понравится, ведь это и его дитя тоже. Как родители вы вместе должны думать о будущем вашего потомства. В тебе говорит Гордыня. И из-за нее ты накажешь не Рагнера Раннора, а себя и своего любимого ребенка!

– Пожалуй, вы правы, – задумчиво произнесла Маргарита. – Я ему скажу... позднее. Хотя бы подожду до Патроналия: Енриити тоже будет его ждать и пока бездействовать... Да и Лодэнию я покину не раньше весны... Магнус, Марлена, – посмотрела она на них. – Вы должны понять. Я решила жить с дочкой одна – значит, рано или поздно, не будет рядом герцога Раннора. Он скоро женится на своей... Она ему родит других наследников. Не хочу больше сидеть и ждать его, не хочу более на него надеяться. Моих надежд он уже не оправдал. Мне надо учиться жить без него.

Покидая дорогу Славы или Позора и выезжая на набережную Госсёрнс, Рагнер вдохнул полной грудью – свобода пахла морем и легким морозцем. У моста с двумя змеями, парадным входом в грандиозный Лодольц, он остановил коня и подозвал худощавого, хмурого молодого мужчину – того, как и Рернот, некогда участвовал в потешном бою у ратуши Элладанна.

– Рунтер, – сказал ему Рагнер, – бери Румольта и Юнна, да давайте в Рюдгксгафхон к озеру Ульол. Мона Фрабвик любит там гулять – и вы до темноты погуляете, но сдайте нам ружья и снимите шарфы. А мы, – посмотрел он на Сиурта, – прогуляемся по Ордрхону. Заглянем в лавки со сладостями... и к пекарям тоже. Узнавайте и там про мону Фрабвик. Хоть кто-то же должен что-то знать, раз она там часто бывала.

Трое всадников поскакали дальше по набережной, к воротам из Солнечного города, Рагнер и девять других охранителей свернули на широкий Западный Луч. По правую руку тянулся университет Рунгорц: красивый длинный дом, состоявший из храма и восьми дворцов, по числу доступных каждому свободному человеку наук – таких как Грамота и Риторика, Логика и Боговедение, История и Музыка (наука о гармонии), Геометрия и География. Мужчина мог поступить в университет, начиная с возраста Послушания плюс одна восьмида, и так, чтобы окончить университет до возраста Откровения. Сперва юные школяры за два года проходили восемь свободных наук и удостаивались звания мастера искусств, далее, чтобы приобрести лицензию (то же самое, что и диплом) постигали иные точные и неточные науки. Многие в этом «далее» не нуждались вовсе – получив интересующие их знания, например, уразумев геометрические формулы, прерывали свое образование и работали как ремесленники зодчими. В основном университеты предоставляли путь законника, магистра знаний или астролога, то есть лекаря. Те, кто выбирали духовный путь, продолжали обучение в семинариях, где штудировали Астрологию. А в университетах астрологов лишь поверхностно знакомили со звездным порядком. Школяр Вьён Аттсог как-то увидел в голубом, дневном небе луну и не смог найти этому научного объяснения. Важный санделианский магистр тоже. Проще говоря, над Вьёном все тогда от души посмеялись...

Рагнер, глядя на Рунгорц, только подумал, что надо бы познакомиться с братом Рернота и понять, каков он, как его отвлек Сиурт.

– Звиняйте, Ваш Светлость, – позвал он. – А вы уже разведена?

– А чего еще я так весел? Моя оса опять радостно жужжит в небе и грозит своим жалом!

– Кака аще оса? – недоуменно почесал затылок Сиурт.

– Я – эта оса, – устало ответил Рагнер. – Не мучай голову, заболит еще с непривычки.

– Жало есть тока у осав-девачак, – задумчиво проговорил здоровяк.

– Да? – удивился Рагнер. – Ну это у меня... Аллегория! Иносказание такое есть... В аллегориях, Сиурт, я могу быть, кем хочу, – на то их и придумали. Не дамой, тем более девочкой, я хочу, конечно, быть, а грозной мужской осой... То есть всё равно я оса с острым жалом! А откуда ты, лучше скажи, знаешь так много про ос?

– Я многога чаго знааю... – заявил тот, скромно потупив глаза и поглаживая гриву своей лошади.

Рагнер усмехнулся и, поднимая брови, чуть помотал головой.

– Слушай, белый лебедь, – понизил он голос. – Как ты сегодня слетал к баронессе Нолаонт? Что скажешь, она... страдает или нет? Улыбается всё?

На этих словах Сиурт заулыбался сам.

– Я ее не выдавал, но... Ваш Светлость, ежalia вы жанитесь на ей, я выиграю пять сотян сербрав. Ента – дьянжищи! И Эорик аще вашанскай наместник... Можная ли брату наместника с пятию сотняю сербрав об свадьбе теперя мячтать с Миранаю Вохнесог?

Рагнер тяжело вздохнул.

– Ох, Сиурт, как по мне, уж лучше ты, чем Эгонн-козлогон. Давай найдем Мирану, а там ухаживай... но не обабахаживай, – хмурился Рагнер, однако его глаза повеселели. – Будете под моим надзором в Ларгосе!

Сиурт обрадовался, порозовел и опять стал играть с гривой лошади. А Рагнер продолжал весело хмуриться.

– Так, Сиурт, а ты ведь сдал и себя, и друзей! Какого хера вы тут на меня ставите? И... на что там ставите?

– На енту гаспажу Тиодо все ставят... Вааш Светлость, – умоляюще протянул Сиурт, – не жанитесь на ей. Она... чудная. И врет.

– В чем же она врет? – по-настоящему нахмурился Рагнер.

– Ча лодэтскага не знаат. Она знаат. Помятати дню, када вы к господину Аттсогу адни ехали? Упали аще тама где-то на льде? Мы их совстречали по пути. Госпожу Тиодо и аёйного брату. Я думал, ча они тожа к господину Аттсогу и сказал им, ча вы тама щас. По-нашенскому сказжал. И она поняла – задумалась, хоть ничага не сказала.

– Так Адреами был с ней тогда на дороге?

Сиурт кивнул, а Рагнер замолчал.

«Выходит, – размышлял он. – Лилия ждала меня на Пустоши и отослала Адреами... Соблазнила меня? Но я же сам набросился на нее, как голодный. Ладно... что уж... Она скоро всё равно уедет. А лодэтский она, конечно, как-то понимает. Если уж Шотно нахватался за столь малый срок...»

Запах сдобы носился по всему Ордрхону. Найти нужного пирожника оказалось вовсе не простым делом, как Рагнер сперва думал. Более того, вдоль нарядных улиц слонялись лоточники, предлагая хлеба и иную выпечку. Другие торговцы возили ящики на колесах – в них, на углях, грелись пироги. И, будто издеваясь над Рагнером, к нему несмело приблизилась женщина, подарила ему, «славному герою», песочное пирожное и сказала, что сама их печет, но продает лишь добрым знакомым. Мону Фрабвик она не знала.

Так, побродив до полудня по Ордрхону, Рагнер оставил там Сиурта и еще двоих «ищеек», сам же направился с шестью охранителями в Лодольц. У «Змеинога моста» он их отпустил – чтобы развлеклись до вечера в городе, а сам вернулся в конюшню серебристо-вороного жеребца и пошел к ристалищу.

Король Ортвин I предпочитал рыцарские поединки прочим зрелищам и сам нередко в них участвовал. Устраивали их, как правило, в Тронной зале Большого дворца – и тогда придворные сидели вокруг залы на скамейках, а для сражающихся рыцарей огораживали квадрат двенадцать на двенадцать шагов. Бились и на тупых мечах, и на тупых копьях, и на булавах; иногда на состязания приводили коней, иногда они сопровождалась театральными показами. Каждый Марсалий в Ксгафё, на обширном поле перед крепостью, случался рыцарский турнир: в первый день воевали роты, отряд на отряд, второй день отводился под поединки. В Великие Мистерии пышный рыцарский турнир происходил в Лодольце. Свадьба принца тоже была отличным поводом провести турнир, да и зима для лодэтчан помехой не являлась.

Ристалище Лодольца у Сторожевого дома представляло собой глинистое поле, на каком каждый день тренировались шестьсот-семьсот воинов из королевского полка. Их состязания, конные и пешие, также назывались «ристалища», и король Ортвин любил их созерцать в дневные часы. Ныне там работали плотники, возводя трибуны; на середине прямоугольного поля стояло чучело, ругался красноносый старик и носился латный всадник. Для Лорко поставили самое примитивное чучело – деревянную крестовину с железным щитом по центру и шлемом сверху; к «рукам» чучела подвесили на коротких цепях два увесистых круглых камня. Ученик должен был попасть в середину щита и сломать копьё, но Лорко мазал – и чучело разворачивалось, ударяя его перекладами с ядрами то в грудь, то в спину, то в бока, отчего он с грохотом валился с коня, а его учитель исходился бранью.

Соискатели рыцарского звания выступали на турнире с короткими тонкими копьями, длиной всего в четыре локтя и без тяжелого наконечника. Тем не менее такого копия хватало, чтобы выбить соперника из седла, нанести ему увечье или расколоть его деревянный щит (разбитый щит противника судьи обычно приравнивали к победе). Менять щит или брать новый разрешалось, но после третьего своего разбитого щита воин выбывал из числа соревнующихся.

– Разристалят его, – сказал Рагнеру пожилой тренер, когда Лорко в очередной раз шумно грохнулся на поле.

– Он удачливый, – вздохнул Рагнер. – Может, опять повезет. Для того, кто ни разу не носил до этого лат... он... хорош в седле.

– Вот и я говорю, – кивнул старик. – Разристалят!

Тренер пошел за ускакавшим конем, а Рагнер поднял «рыцаря» на ноги. Лорко что-то гулко простонал из железных глубин – он носил сплошной шлем, называемый «лягушонок», – шлем без забрала, с узкой прорезью для глаз и будто бы с вытянутой шеей.

– Еще не передумал? – спросил Рагнер.

– Ээээ, – гулко ответил лягушачий шлем и помотался в стороны.

– Ладно... Послушай, представь, что перед тобой не чучело, а кто-то, кого ты ненавидишь. Может, поможет.

– Я всех люблю, – несчастным голосом прогудел Лорко.

– Не бывает так... Может, тогда поругаешься с кем-то, а то так точно бесславно помрешь.

– Чучелу енту ненавижу...

– Да... Все чучело ненавидят, но это не помогает. А может, тебе его полюбить? Представь, что это дама. И ты не бьешь ее, а так любишь...

Лорко издал нервный смешок.

– Я серьезно. Представь, что прям в сердце ей своей любовью метишь. И так хочешь ее туда поразить копьем, что жить не можешь. Или не в сердце... или не копьем... Давай, попробуй хоть... – повел Рагнер «рыцаря» к коню.

Лорко устало взгромоздился на коня, используя приступку, после чего Рагнер подал ему тонкое копьё и, подумав, еще вручил вогнутый деревянный щит с коротким ремнем через плечо, чтобы он привыкал его держать. «Рыцарь» отъехал к трибунам, пришпорил коня – и обученный турнирному бою конь понесся галопом к чучелу, стремительно набирая скорость. Рагнер не ожидал чуда, думал, что Лорко и в этот раз упадет, но тот, опять развернув чучело, вдруг виртуозно уклонился от перекладки и отбил щитом летящий в его грудь булыжник. Плотники, бросив молотки, захлопали и радостно засвистели, а довольный «рыцарь» им пома- хал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.